

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 2 ЯНВАРЬ 1982

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Дорогие товарищи, друзья!

Через несколько минут Кремлевские куранты начнут отсчет нового, 1982 года. Каждый советский человек сейчас мысленно оглядывается на прожитый год и с надеждой всматривается в будущее. 1981 год особенно значителен тем, что это был год XXVI съезда партии, который открыл перед советским народом новые исторические перспективы, год большой творческой работы, напряженной борьбы за сохранение и упрочение мира. Решения съезда получили всенародное одобрение и успешно претворяются в жизнь.

Уходящий год был нелегким и непростым: нас не баловала погода, тревожило развитие международной обстановки. Тем более отрадно сознавать, что страна уверенно продвинулась вперед на всех направлениях коммунистического строительства.

Планомерно реализуется широкая социальная программа. Миллионы людей справили новоселье. Увеличивается государственная помощь семьям, имеющим детей, работающим матерям и молодоженам, улучшается пенсионное обеспечение. Растет производство товаров народного потребления, расширяется сфера услуг.

Образцы ударного, высокопроизводительного труда показывают многие коллективы металлургов и шахтеров, нефтяников и энергетиков, машиностроителей и химиков, текстильщиков и пищевиков, строителей и транспортников, колхозов и совхозов. Новыми достижениями порадовали ученые, работники просвещения, здравоохранения, культуры, советские спортсмены.

Честь и слава передовикам и новаторам производства! Сердечное спасибо всем, кто умножает материальные и духовные ценности, крепит могущество Родины, надежно охраняет ее границы.

Нет сомнения, что исторические решения XXVI съезда партии, ноябрьского (1981 г.) Пленума ЦК КПСС, планы одиннадцатой пятилетки будут выполнены. Порукой этому — единодушная поддержка трудящимися внутренней и внешней политики партии, высокий политический и трудовой подъем советского народа, его тесная сплоченность вокруг Центрального Комитета КПСС, Политбюро ЦК во главе с верным продолжателем великого ленинского дела товарищем Леонидом Ильичом Брежневым. Нерушимое единство партии и народа, дружба и братство народов СССР — источник несокрушимой силы советского общества, залог новых успехов в коммунистическом строительстве.

Дорогие товарищи!

Две цели были и остаются для нас самыми высокими: коммунистическое созидание и сохранение мира на земле. Эти цели нерасторжимы. Партия и правительство делают все необходимое для обеспечения мирной жизни советских людей, последовательно проводят политику дружбы и сотрудничества между народами, дают решительный отпор проискам реакционных сил, принимают энергичные меры, направленные на обуздание гонки вооружений, на разоружение. Советский Союз считает, что нет задачи более благородной и гуманной, чем отвести от человечества угрозу термоядерной катастрофы.

В эту новогоднюю ночь мы шлем горячие поздравления, пожелания мира и счастья нашим зарубежным товарищам и друзьям, трудящимся социалистических стран, всем людям планеты, борющимся против империализма и реакции, против гонки вооружений — этого безумного и опасного расточительства материальных и духовных сил человечества, за мир и социальный прогресс.

Новый год уже десять часов шествует по необъятной советской земле. В эти минуты особенно глубоко ощущается, как велика, могущественна и прекрасна наша любимая Отчизна: размахом, людьми, свершениями.

Полная оптимизма, творческих сил и энергии вступает страна в 1982 год, год 60-летия образования Союза Советских Социалистических Республик.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР уверены, что советские люди ознаменуют юбилейный год успешным выполнением планов и социалистических обязательств, дальнейшим повышением эффективности и качества работы, проявят высокую организованность, деловитость, дисциплинированность, умение трудиться с полной отдачей сил.

Сердечные новогодние поздравления героическому рабочему классу, славному колхозному крестьянству, народной интеллигенции.

Новогодний привет ветеранам партии, революции, войны и труда, советским женщинам, молодежи, доблестным воинам Армии и Флота.

Искренние пожелания успехов всем, кто в новогоднюю ночь находится на трудовом посту, несет боевую вахту, работает вдали от Родины.

Крепкого вам здоровья, славных свершений в труде, учебе, творчестве, дорогие друзья! Пусть в каждой советской семье будет светло и празднично!

Пусть над землей будет мирное небо!

С Новым годом, дорогие товарищи!

С новым счастьем!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ВМЕСТЕ НАВЕКИ 1

Почти двадцать пять лет отделяют нас от первого в истории космического запуска. Семь памятников в столице поставила страна своим героям у монумента в честь освоения космического пространства советским народом.

25 декабря в аллее Героев был открыт памятник-бюст выдающемуся ученому и организатору науки трижды Герою Социалистического Труда академику М. В. Келдышу. Он установлен рядом с бюстом создателя ракетно-космических систем академика С. П. Королева. Соратники — они и при жизни были рядом — вместе готовили каждый новый шаг советской науки к звездам. И навеки останутся вместе в благодарной памяти потомков.

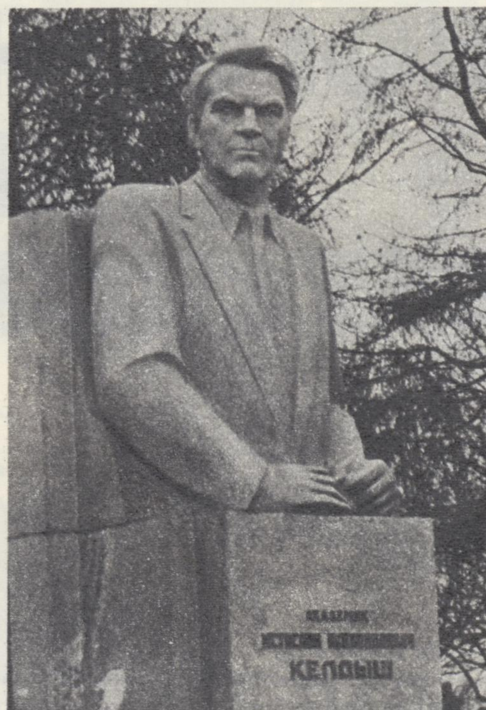
На торжественной церемонии открытия присутствовали заместители Председателя Совета Министров СССР Г. И. Марчук, Л. В. Смирнов, президент Академии наук СССР академик А. П. Александров, летчики-космонавты, сотрудники Института прикладной математики имени М. В. Келдыша, студенты МГУ, рабочие московских заводов.

Открывая памятник, академик А. П. Александров рассказал о выдающихся трудах Мстислава Всеволодовича Келдыша, особенно отметив, что усилиями трех ученых: Королева, Келдыша, Курчатова — был создан ракетно-ядерный щит нашей Родины.

Летчик-космонавт СССР, генерал-лейтенант авиации В. А. Шаталов говорил о крупном вкладе Мстислава Всеволодовича в развитие советской космической науки и техники.

Авторы памятника — народный художник РСФСР скульптор Ю. Чернов и архитектор А. Колчин.

Ю. СУРХАЯХАНОВ
Фото автора

1

ЛАТВИЯ

САНАТОРИЙ РАСКРЫВАЕТ ДВЕРИ, НО... 2

«Латвия» — так называется новая здравница на побережье Балтийского моря, в Кемери. По поводу ее безмерно затянувшегося строительства «Огонек» выступал несколько раз.

Осенью прошлого года долгожданное наконец свершилось: строители закончили сооружение первой ее очереди. Недавно государственная комиссия подписала акт о приемке с оценкой «хорошо». Скоро сюда приедут первые отдыхающие.

Владимир Иванович Климов, главный врач санатория, с удовольствием показывает свои владения — огромный сияющий белизной корпус и примыкающее к нему здание пищеблока. Бесшумные лифты, уютные светло-терракотовые холлы, обставленные прекрасной мебелью комнаты на два человека. На первом этаже — почта, сберкасса, пункты проката и бытовых услуг, междугородный телефон. Больному человеку даже не придется выходить на улицу — все под рукой. Поражает величина — на 1200 мест — столовая, выдержанная в спокойных светлых тонах.

Главный архитектор проекта Р. С. Кузнецов предусмотрел все необходимое не только для лечения, но и для разнообразного отдыха: есть киноконцертный зал на 600 мест со своими артистическими, бар, зал игральных автоматов...

Новая здравница начала готовиться к открытию еще год назад. Главный врач подбирал медицинский и обслуживающий персонал, массажистов и официанток, инженеров и техников. Тут своя диспетчерская служба с селектором и АТС на 300 номеров, своя ЭВМ. Врачам не придется тратить уйму времени на заполнение историй болезни — принимая пациента, они будут наговаривать текст, который автоматически запишет аппаратура.

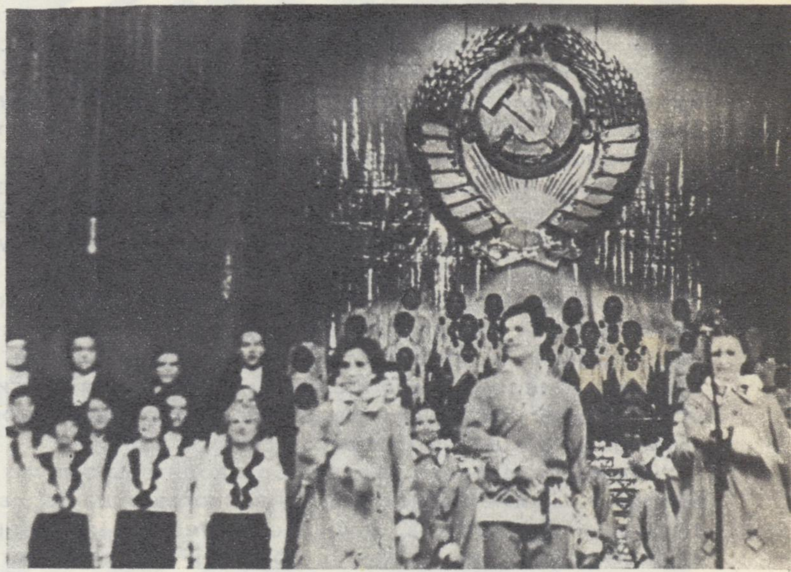
Словом, по своему сервису и масштабам «Латвия», как задумано, не будет иметь себе равных в республике.

Но вот что омрачает столь радужные перспективы: затягивается сооружение второй ее очереди с процедурными кабинетами. Корпус давно готов, но отопительная система сделана наполовину. Бригады сантехников переброшены на другие объекты. А это значит, что больные, страдающие различными недугами органов движения, не скоро смогут получать необходимое им лечение с использованием местных грязей и источников, ради чего и строился здесь санаторий. Создавшееся положение вызывает обоснованную тревогу республиканского Совета по управлению курортами и дирекции санатория. Надо полагать, что горисполком Юрмалы вмешается, найдет общий язык с Минстроем Латвии. Новая здравница должна служить людям на все сто процентов.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

На снимке: главный корпус «Латвии».

Фото Вероники Кудлане (газета «Юрмала»)

КАЗАХСТАН

СИЛЬНЕЕ ГЕРАКЛА 3

Некогда мифы воспели Геракла за целую серию подвигов. Одним из них была очистка Авгиевых конюшен. Древнегреческому герою, конечно, честь и хвала, но если перенести его в один из наших современных городов, то подвиг вряд ли состоялся бы. Одному Гераклу никак не справиться с бытовыми отходами современного города. Поэтому в Алма-Ате возник и начал действовать большой опытный завод по переработке мусора, один из первых в стране. Его девиз: доходы — из отходов.

Директор завода Владимир Иванович Лопачев рассказывает:

— Из четырехсот тысяч кубометров бытового мусора (годовая производительность завода) можно получить около семидесяти тысяч тонн компоста, а это первоклассное удобрение. Опыт использования такого компоста показал, что одна его тонна, внесенная в открытый грунт, равноценна удобрению двумя тоннами навоза или тор-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

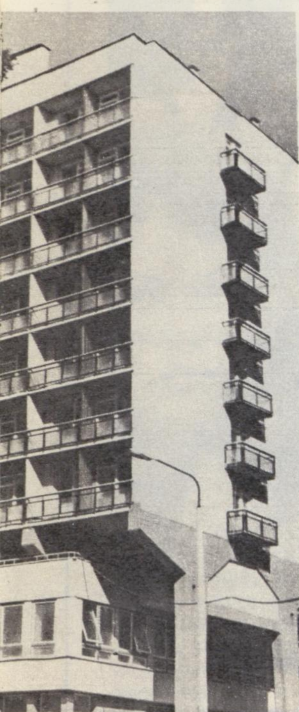
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

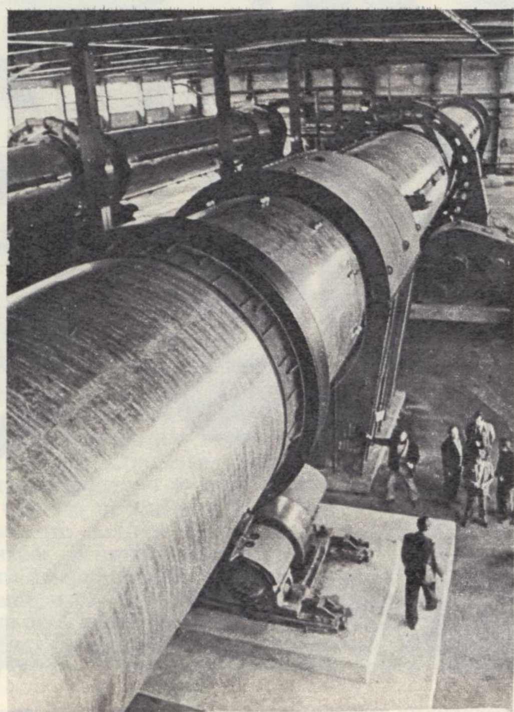
№ 2 (2843)

9 ЯНВАРЯ 1982

ПО СТРАНЕ СО

2

3

4

5

фоминеральной подкормки. И это еще не все. За год из мусора мы будем вылавливать около двух тысяч тонн металла.

— Как же это происходит?

— Пойдемте покажу.

Внушительных размеров цех открылся моим глазам. В нем медленно вращались два исполинских, длиной 60 и диаметром 4 метра, барабана биотермической обработки. В них-то все и происходило. Там, внутри, без перерывов на обед, без сна и отдыха трудились миллиарды и миллиарды аэробных бактерий, обеззараживая содержимое биобарабанов и превращая органические отходы в компост. Для этого, хоть по часам сверяй, им нужно ровно двое суток и свежий воздух, который подается в барабаны. Больше ничего. Бактерии сами создают себе необходимый «уют» — этакие супертропики с постоянной температурой в 70 градусов. В определенные моменты лаборанты извлекают пробу компоста, чтобы проверить, не содержатся ли там болезнетворные микробы. К исходу вторых суток они погибают... Потом барабаны разгружают. Биомасса поступает на мельницу, где компост тщательно перемалывается, чтобы уничтожить осколки стекла и камней. По пути мощные магниты вылавливают металл, который прессуется затем в брикеты. Я видел их на улице у стен завода, готовые к отправке...

К заводу с утра один за другим подкатывали мусоровозы. Их разгрузки с нетерпением ждали не знающие устали аэробные бактерии.

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»
Фото автора

ВЕТСКОЙ

КОМИ-КРАЙ МОЙ СЕВЕРНЫЙ 4

Суровый северный край Коми... Он считался задворками самодержавной России. Только искатели приключений да одинокие охотники забредали в бескрайние леса либо стонущие ветром равнины и лишь по берегам рек видели редкие селения... Сюда не долетали ни отголоски цивилизации, ни искры знаний.

Но полыхнуло над Севером пламя Октября. И стали оживать далекие окраины. Закипело строительство мощных промышленных предприятий, школ, жилья человеческого, засветились огни электростанций...

Сегодня республика Коми — развитой край, откуда вся наша страна получает миллионы кубометров леса и ценнейшие продукты его переработки. Каждая пятая книга, издающаяся в Советском Союзе, напечатана на бумаге Сыктывкарского лесопромышленного комплекса... В крае находится богатейший Печорский угольный бассейн с огромными запасами превосходного энергетического топлива... В ближайшие годы на территории республики по решениям XXV и XXVI съездов нашей партии на базе огромных разнообразных богатств Коми сформируется новый Тимано-Печорский территориально-производственный комплекс...

Все это закономерно оказалось тем надежным фундаментом, на котором строится духовная культура народа. Могучий стимул дальнейшего расцвета получили национальная литература и искусство.

Можно было бы здесь привести большое количество убедительных цифр, но вряд ли можно с их помощью выразить достижения мастеров слова и сцены, резца и кисти... Сегодня художники Коми АССР вносят свой вклад в сокровищницу культуры нашей многонациональной Родины. Читатели страны знают романы и повести Василия Юхнина и Геннадия Юшкова, Якова Рочева и Ивана Торопова, Геннадия Федорова и Петра Шахова; знают стихи и поэмы Виктора Савина и Серафима Попова, Ивана Вавилина и Альберта Ванеева...

В наши дни как-то особенно больно и горько вспоминать, что Иван Куратов, замечательный человек, основоположник литературы Коми, не смог при жизни напечатать на родном языке ни одного из своих стихотворений!.. Конечно, сегодня с его произведениями знакомы любители поэзии многих братских республик, а книжное издательство Коми ежегодно издает книги Куратова. Теперь он известен и в Москве.

Москва всегда радушна и гостеприимна, но особенно остро это чувствуешь, когда у наших братьев праздник. В дни 60-летия автономной республики Коми посланцы этого народа познакомили нас со своим великолепным самобытным искусством.

Дни литературы и искусства Коми стали в столице таким праздником, который позволил не только еще крепче полюбить жизнь замечательного северного народа, но и узнать о нем новое. Заметим еще и то, что Дни культуры Коми стали не просто праздником. Они — своеобразный рубеж в творчестве мастеров искусства, новый животворный импульс в дальнейшем развитии духовной культуры республики, всех жителей Коми.

Особенно хочется сказать о замечательном, разнообразном, насыщенном ярким национальным колоритом выступлении, открывшем Дни Коми АССР в Государственном Центральном концертном зале и оказавшемся поистине небывалой по красоте демонстрацией достижений мастеров искусств и художественной самодеятельности. В большую праздничную программу вошли прекрасные, ни с чем не сравнимые краски Севера; ими ярко блистал ансамбль песни и танца «Асъя Кыа» («Утренняя заря»).

Репертуар Дней Коми составили и фольклорные произведения, раскрывающие давнюю жизнь народа, живущего по берегам великой реки Печоры. Здесь прежде всего подкупало трепетное, глубокое освоение национальных традиций — кстати сказать, они незыблемо лежат в основе всего нынешнего искусства коми. На редкость богато уникальное это искусство, рожденное трудолюбивым народом. Но притом оно интернационально по содержанию. Да иначе и быть не может! Культура каждого народа — явление сложное, что для Коми особенно характерно. Ведь сюда органично вошли еще и культура русского и других народов Страны Советов; и все это сплелось неразрывно, ознаменовав особый колорит, особые звучания своего единства.

Думается, главную мысль нынешнего праздника искусств Коми АССР в Москве можно выразить словами национального поэта В. Ушманова, которые он искренне и сердечно обращает к своим русским братьям:

От лесов и березовой сини,
От земли, где живется светло,
Говорим мы — спасибо, Россия,
За прекрасное братство твое!

Шестьдесят лет исполнилось советской автономной республике Коми. Эти годы прожиты напряженно. Они шли и в борьбе и в мирном созидательном труде. И не случайно, что именно в столице отмечался большой праздник республики — ее день рождения. Когда мы все увидели людей, преображающих свой край, красивых своим делом, счастливых в жизни, в труде и в искусстве.

Многое узнали мы о республике во время Дней литературы и искусства. Особенно же запомнилась всем исполненная в Академическом музыкальном театре имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко оратория Коми республиканского музыкального театра «В сердце и памяти» по мотивам книги Л. И. Брежнева «Малая земля». Артисты Коми АССР — люди одаренные, щедрые в искусстве — точно и правдиво выразили себя, выразили сердце и душу своего народа.

В. АНТОНОВ

На снимке: открытие Дней культуры Коми АССР.
Фото А. Зубкова

ГРУЗИЯ

ЗА ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ 5

Этот вагончик повис над кручей, на которой стоит древний кахетинский городок Сигнахи, родина народного героя Италии Форэ Мосулишвили. Внизу виднеется большое село Сигнахского района Цнори.

Всего шесть километров от Сигнахи до Цнори, где создана ныне крупнейшая в Закавказье фабрика мяса, экспериментальный комплекс по откорму крупного рогатого скота. Общих дел у Сигнахи и Цнори много, а на преодоление шести километров труднейшего горного серпантина иной раз приходится затрачивать около часа времени. Как же облегчила ныне жизнь сигнахцев и цнорцев канатная подвесная дорога, построенная между этими двумя населенными пунктами! Вагончик вместимостью в тридцать человек преодолевает воздушную дорогу за пятнадцать минут.

И. СЕМЕНОВА
Фото А. Рухадзе
(«Грузинформ»)

7 ЯНВАРЯ — ТРЕТЬЯ ГОДОВЩИНА ПОБЕДЫ РЕВОЛЮЦИОННО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ СИЛ В КАМПУЧИИ

ЛУЧШИЙ МЕСЯЦ В ГОДУ

Юность Кампучии. Фото А. Дудова

В. ПРИТУЛА

Январь в Пномпене — один из лучших месяцев. Уже миновал душный, влажнолипкий сезон дождей, а опаляющий мартовский зной еще далек. Растения сочно зелены. По вечерам с Меконга, Тонлесапа и Бассака ветерок несет прохладу, и сотни пномпеньцев выходят на набережную подышать свежим воздухом.

Глядя на оживленную толпу молодежи, прогуливающейся у сквера напротив бывшего королевского дворца, на юрких мальчишек и девчонок, облепивших тележку мороженщика, на велосипедистов, заполнивших всю ширину улицы, на улыбающиеся, приветливые лица людей, трудно представить, что три года назад этот город был мертв. Первые части народно-революционной армии Кампучии входили в январе 1979 года в совершенно пустой город. Оставшихся в живых узников тюрьмы Туолсленг полпотовские каратели убили за несколько часов до своего бегства, когда на северной окраине столицы еще шел бой.

Сегодня на улицах Пномпеня часто можно встретить небольшие плакаты — черно-белые рисунки с лаконичными надписями. Они посвящены борьбе за чистоту в городе, кампании по ликвидации неграмотности, выборам в органы народной власти. Многие листки обличают врагов народной Кампучии. Сейчас, например, злободневна карикатура на бывшего принца Сианука, лидера контрреволюционной группировки «Кхмер серей» Сон Санна и представителя полпотовского режима Кхиеу Самфана, из которых пытаются сколотить руководство нового антинародного альянса. На карикатуре эта троица изображена впряженной в телегу, на которой сидят дядя Сэм и китаец Хуа. Плакат очень популярен, собирает много людей, вызывает смех. Его автор — Ук Кун. Работает он в министерстве информации, печати и культуры НРК, в отделе наглядной агитации и образования.

Несколько комнат, в которых расположился отдел, напоминают мастерскую художника. Краски, кисти, полотна кумача, фанерные щиты, листы с эскизами, столы, заваленные книгами, три пишущие машинки, пепельницы, полные окурков, споры, смех, стихи... Приходя в этот дом, я вспоминаю о первых окнах РОСТА. Ук Кун слышал о Маяковском, но произведений его не читал.

— Вот выучу русский язык, обязательно прочту. У нас его книг не издавали. А вы не могли бы привезти нам альбомы рисунков окон РОСТА? — спрашивает он.— Мы создаем новый, революционный плакат, и нам очень нужен ваш опыт. Многие из моих ребят хотели бы учиться на родине Ленина.

Тяга к знаниям, к книге в Кампучии сегодня огромна. Уже работает национальная библиотека, которую полпотовцы превратили в склад кухонной утвари. Уцелевшие книги расставлены по местам. Несколько девушек занимаются «лечением» пострадавших книг. В зале сидят читатели — студенты, школьники, солдаты. На одном из столов выставлены новые поступления.

— Это дар вьетнамских друзей, книги, присланные из Советского Союза, несколько изданий, подаренных ЮНЕСКО, сборник киносценариев, присланный документалистами ГДР Хайновски и Шойманом,— говорит Ук Кун.

Потом я видел его у знаменитого храма Ангкор-Ват, где начинаются реставрационные работы, на экзаменах в школе, на митингах, посвященных кампании по ликвидации неграмотности, на буддийских праздниках. Последний раз я встретил его неподалеку от проспекта Ленина. Здесь Ук Кун руководил ремонтом фонтана. На моих глазах растрескавшиеся от зноя каменные змеи ожили, и из них забила вода. Ребятишки радостно завопили. Мне показалось, что они выкрикивают его имя.

— Нет, нет,— улыбнулся Ук Кун.— Просто мое имя звучит по-кхмерски как слово «спасибо».

...В январе в Кампучии убирают рис. Поля скошены еще не всюду, но уже ясно, что новый урожай больше прежнего. Во многих провинциях почти завершили уборку, а в некоторых местах уже высадили рассаду, и теперь среди желтизны полей выделяются зеленые пятна рисовых чеков. Работают на полях группы взаимопомощи, в которые объединяются несколько крестьянских семей, чтобы вместе убрать урожай.

Глядя на бескрайние, пересеченные дамбами рисовые поля, где тут и там тянутся вверх стволы сахарных пальм, поражаешься трудолюбию кампучийцев. В условиях страшной разрухи, оставленной режимом геноцида, они сумели освоить более полутора миллионов гектаров земли.

В провинции Кампонгспы вместо запланированных 50 тысяч засеяли 70 тысяч гектаров. И урожай хороший. В провинциальном комитете мне рассказали, что крестьяне часть риса продают на рынке и часть — государству.

Работа в поле нелегкая, ведь рис убирают вручную. Но крестьяне довольны. Вырос хороший рис. И никто его у них не отнимет. Трагическое прошлое постепенно отступает, но еще встречаются в полях неразорвавшиеся снаряды и мины китайского производства. Пекин щедро снабжал ими своих кровавых подопечных, правда, снабжал не бескорыстно, а забирая взамен рис Кампучии.

— Во время своего бегства,— рассказывал нам министр сельского хозяйства Мэн Чон,— полпотовцы уничтожили практически все запасы семенного риса, рассчитывая обречь страну на голод. Поэтому первый год был для нас самым трудным. Только благодаря Советскому Союзу, Вьетнаму, другим социалистическим странам, оказавшим нам продовольственную помощь, мы смогли преодолеть это тяжелое испытание. Сегодня можно с уверенностью сказать, что в восстановлении сельского хозяйства достигнуты значительные успехи. С каждым сезоном мы увеличиваем посевы риса и получаем все большие урожаи.

Запомнился разговор с пожилым крестьянином Хак Битом, с которым мы встретились в одной из деревень провинции.

— До прихода власти полпотовцев,— рассказал Хак Бит,— в деревне было сорок дворов. Кхмерские семьи многочисленны, и наша деревня считалась большой. За годы полпотовского режима некоторые умерли от голода и непосильного труда, а других убили местные охранники. Сейчас в нашей деревне сто человек. Это те, кто остался в живых, и те, кто пришел к нам в деревню из других мест. Народная власть спасла нас от смерти. Она дала нам землю и продовольствие. Крестьяне полностью поддерживают ее и готовы с оружием в руках защищать от бандитов.

Единство... Это слово, пожалуй, главное, что характеризует сегодняшнюю жизнь народной Кампучии. Выборы в органы народной власти, принятие конституции, IV съезд Народно-революционной партии Кампучии стали яркой демонстрацией решимости кампучийского народа строить социалистическое общество.

Пномпень — Москва.

Наш взгляд

НЕРАЗУМНО И ОПАСНО

Владимир НИКОЛАЕВ

Теперь уже совершенно четко прослеживается такая закономерность: чем спокойнее атмосфера в Польше, тем беспокойнее ведет себя американская администрация в Вашингтоне. И наоборот. Странная заокеанская логика! Создается впечатление, что национальная катастрофа, кровопролитие и хаос в Польше вполне устроили бы Белый дом. «Ничто не разочаровало госсекретаря Хейга в такой мере, как факт, что поляки не пошли на всеобщую забастовку, не подняли мятеж, а прислушались к голосу разума»,— констатирует известный американский историк Генри Коммэджер. А вот и еще одно мнение, тоже из Соединенных Штатов: Вашингтон, заявил исполнительный директор Совета мира США М. Майерсон, надеялся на победу в Польше контрреволюции, которую он поддерживал. Не получилось. Теперь он рвется в бой и жаждет реванша.

Нет, не сходятся концы с концами у вашингтонских политиков! Польская газета «Трибуна люду» пишет, что, пока в стране проходил процесс дестабилизации и углублялся кризис, за океаном делались многочисленные заявления, в которых декларировалась забота о польском народе. Однако, подчеркивает газета, когда в Польше сказали «довольно» анархии, американский президент заволновался. «Трибуна люду» справедливо отмечает, что в Польше были предприняты в полном соответствии с конституцией шаги, цель которых — восстановить правопорядок. Решение о введении военного положения — сугубо внутреннее дело любой страны. Сам по себе этот акт, конечно, чрезвычайный, но ни Соединенные Штаты, ни другие страны не имеют права вмешиваться по этому поводу в дела Польши. Уместно напомнить, что, согласно американским законам и конституции, президент может использовать военную силу в ситуациях, которые, по его представлению, угрожают существующему строю, государственному правопорядку и нормальной жизни страны (включая забастовки в жизненно важных отраслях хозяйства). Согласно официальным американским источникам, эти полномочия президента практически использовались в той или иной мере девять раз только за период после второй мировой войны (в основном в связи с расовыми беспорядками, не считая случаев использования войск для разгона забастовок).

Есть аспект и моральный. Газета «Трибуна люду» напоминает, что в период углубления кризиса в Польше Вашингтон не скупился на заявления о своих симпатиях к польскому народу. Как только положение в Польше начало стабилизироваться, Соединенные Штаты тут же предприняли шаги, направленные на ухудшение ее экономического положения. «Сразу как-то забылась забота о польских детях и стариках»,— отмечает «Трибуна люду». Введение целого ряда дискриминационных мер в отношении ПНР и СССР стало жестом отчаяния американской администрации, новым примером ее великодержавной имперской политики, обреченной на провал. Известна реакция мира на этот акт политического произвола.

«СССР не позволит разговаривать с собой языком шантажа»,— резонно отмечает американская телекомпания Си-би-эс. Газета «Нью-Йорк таймс» признает нелепость утверждений Вашингтона об ответственности Советского Союза за введение военного положения в Польше. Канцлер ФРГ Г. Шмидт заявил по поводу мер США в отношении СССР, что экономические и другие санкции вряд ли способны изменить мир. Французская газета «Матэн» пишет: «Париж не пойдет по пути Вашингтона». Английская «Файнэншл таймс» считает, что реакция Западной Европы на принятые США меры наглядно продемонстрировала пропасть между американским и западноевропейским подходами к событиям в Польше. Японская газета «Асахи» сообщает: «МИД Японии решил, что наша страна не должна автоматически присоединяться к США в деле введения санкций против СССР и ПНР». Индийская газета «Пэтриот» пишет, что в Вашингтоне никак не могут расстаться с методами вмешательства, давления, санкций, эмбарго и пр. Все эти атрибуты политики, заявляет газета, должны быть сданы в архив.

Кстати, предпринятые американской администрацией меры отрицательно отзовутся на самих Соединенных Штатах. В частности, как указывает газета «Чикаго трибюн», они обернутся для американцев потерей тысяч рабочих мест и лишат целый ряд компаний США сотен миллионов долларов; им придется уступить выгодные сделки западноевропейским и японским конкурентам. Рейгановские меры «больно ударят по экономике самих США», считает другая американская газета, «Джорнэл оф коммерс энд коммершл», а газета «Уолл-стрит джорнэл» констатирует: «В прошлом подобные санкции США неизменно оканчивались провалом».

Антисоветская и антипольская кампании в Соединенных Штатах идут в одном русле с агрессивной политикой милитаристских сил, являются ее вполне логичным продолжением и развитием. «Как сообщают хорошо информированные источники,— пишет обычно сведущая в таких делах газета «Вашингтон пост»,— из-за событий в Польше также могут задержаться переговоры по стратегическим вооружениям, начало которых планировалось на эту весну». Вон куда загибают ядерные «ястребы»! Мало этого. Ряд обозревателей пишет о прямом шантаже Вашингтоном западноевропейских правительств: или вы поддержите эти санкции, или США прекратят женевские переговоры по ограничению ядерных средств в Европе. По меньшей мере недальновидная политика. Народы Западной Европы устали от ядерной угрозы, которая черной тучей надвигается на них из-за океана. Разглагольствования об «ограниченной» ядерной войне, о ее возможности в Западной Европе, которую США стремятся превратить в ракетный полигон,— все это вызвало невиданную ранее волну протеста как на европейском континенте, так и во всем мире.

Пример вмешательства Вашингтона во внутренние дела Польши, увы, не единственный. Он один в целом ряду подобных фактов. Западногерманский журнал «Шпигель» так пишет о настроениях в ФРГ: «Чувство того, что их ведут на помочах и, может быть, ввергнут в рискованные авантюры и они ничего не смогут поделать против этого, пробуждает в немцах опасение, что их судьбу определяют извне». Повсюду люди доброй воли считают нынешнюю американскую политику неразумной и опасной, причем опасна она и для самих Соединенных Штатов.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

КУБОК «МИРНЫЙ АТОМ»

Они из бригады, завоевавшей кубок «Мирный атом»: Р. Володина, О. Шаховская, Н. Дяшкина.

В канун Нового года строители Волгодонска, отмечая традиционный праздник — День энергетика, собрались в новеньком, буквально с «иголочки» кинотеатре «Комсомолец».

О высоких темпах строительства Волгодонска и завода «Атоммаш» мы рассказывали не раз — они, эти темпы, стали нормой. Но иной раз даже людям, знающим стройку с первого колышка, приходится удивляться. Всего пять месяцев назад был я в Волгодонске и слышал разговоры, что неплохо бы к концу года выполнить наконец наказ трудящихся и построить в новой части города кинотеатр, причем такой, чтобы в нем можно было не только демонстрировать кинофильмы, но и проводить торжественные заседания, принимать театральные коллективы, концертные ансамбли и т. п.

Кое-кто скептически воспринял эти разговоры: времени-то до конца года всего ничего! Но строители треста «Волгодонскэнергострой» кинотеатр «Комсомолец» сдали...

С теми, кто завоевал переходящий кубок «Огонька» — «Мирный атом», мы встретились вначале на торжественном вечере, а потом... в родильном доме. Дело в том, что обладатель кубка, комсомольско-молодежная бригада маляров, которой руководит Раиса Васильевна Володина, обязалась до конца года (а впереди была целая неделя) закончить отделку нового родильного дома.

— Очень важный и нужный объект! — говорит Раиса Васильевна.— Средний возраст жителей — двадцать четыре года, свадьбы — чуть ли не каждый день, рождаемость — самая высокая в области, а приличного роддома нет! Случалось даже так, что будущих мамаш приходилось отправлять в другие города. Да что там далеко ходить за примерами: наша бригада чисто женская, так вот сейчас шестеро в декретном отпуске, правда, никто никуда не уехал — все уверены, что мы вовремя закончим отделку палат и кабинетов.

— Как, по-вашему, сильно изменился Волгодонск за эти годы? — спросил я у Раисы Васильевны.

— Изменился — не то слово! Появился совсем новый город с высотными домами, широкими проспектами, магазинами, кафе, ресторанами, кинотеатрами — словом, со всем, что необходимо для хорошей жизни и работы. Я уж не говорю о самом главном — красавце «Атоммаше», который не только строится, но и полным ходом выпускает реакторы для атомных электростанций.

Да, Волгодонск растет, Волгодонск хорошеет! И все больше в этом городе юных граждан, которые, получая паспорт, в графе «место рождения» напишут гордое имя Волгодонск.

* * *

Редакция журнала «Огонек», а также общественные организации треста «Волгодонскэнергострой» выражают искреннюю благодарность артистам Московской государственной областной филармонии Т. Авдеенко, В. Александрову, Б. Бабаеву, Р. Виноградовой, А. Исрафилову, Ю. Крюкову, С. Меснянкиной, В. Меснянкину, В. Чернявской и В. Федину, принявшим участие в концерте, посвященном Дню энергетика.

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото А. Награльяна

Евгений Константинович ФЕДОРОВ

Советская наука понесла тяжелую утрату.

30 декабря 1981 года на 72-м году жизни скончался выдающийся советский ученый, государственный и общественный деятель, кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, член Президиума Верховного Совета СССР, председатель Советского комитета защиты мира, Герой Советского Союза, известный полярный исследователь, директор Института прикладной геофизики Государственного комитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды, академик Евгений Константинович Федоров.

Е. К. Федоров внес большой вклад в развитие советской геофизической науки, в исследования полярных областей нашей планеты, в борьбу советской и международной общественности за мир во всем мире.

Е. К. Федоров родился в 1910 году в г. Бендеры Молдавской ССР, свою трудовую деятельность начал на полярных станциях в Арктике. После окончания Ленинградского университета в 1934 году вся жизнь Евгения Константиновича была связана с развитием советской гидрометеорологии. Он был участником легендарного дрейфа на станции «Северный полюс-1», положившего начало широкому освоению Арктического полярного бассейна. Океанологические и метеорологические исследования Е. К. Федорова имеют важное научное и практическое значение для освоения Северного морского пути и изучения Арктики, решения многих прикладных вопросов геофизики. Он внес большой вклад в развитие космической науки и в решение проблем охраны окружающей природной среды.

В 1939 году Е. К. Федоров был назначен начальником гидрометеорологической службы Советского Союза, которой он руководил в течение почти двадцати лет. Под его руководством была создана универсальная технически оснащенная служба, обеспечивающая потребности народного хозяйства страны.

В 1959—1962 гг. Е. К. Федоров работал на посту главного ученого секретаря президиума Академии наук СССР. За выдающийся вклад в развитие науки он был избран в 1960 году действительным членом Академии наук СССР.

Е. К. Федоров — член КПСС с 1938 года. На XXV и XXVI съездах КПСС он избирался кандидатом в члены ЦК КПСС. Он был депутатом первого, девятого и десятого созывов Верховного Совета СССР, а с 1977 г. — членом Президиума Верховного Совета СССР.

Плодотворную научную и государственную работу Е. К. Федоров сочетал с большой общественной деятельностью. Он был первым председателем Антифашистского комитета советской молодежи, стоял у истоков всемирного движения сторонников мира. С присущей ему кипучей энергией он выступал за сплочение миролюбивых сил в борьбе за мир и безопасность народов, за разрядку международной напряженности и разоружение. В последние годы возглавлял Советский комитет защиты мира, являлся вице-президентом Всемирного Совета Мира.

Родина высоко оценила заслуги Е. К. Федорова. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза, он награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Кутузова II степени, двумя орденами Отечественной войны I степени и другими правительственными наградами. Он был дважды удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

Светлая память о Евгении Константиновиче Федорове, замечательном коммунисте, выдающемся ученом-патриоте, государственном и общественном деятеле, человеке высокой душевной чистоты, навсегда сохранится в сердцах всех советских людей.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, Т. Я. Киселев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, Г. Ф. Сизов, И. В. Архипов, Г. И. Марчук, И. Т. Новиков, З. Н. Нуриев, Л. В. Смирнов, А. П. Александров, С. П. Трапезников, М. П. Георгадзе, Ю. А. Израэль, С. А. Афанасьев, Н. Ф. Васильев, Т. Б. Гуженко, В. М. Каменцев, Е. А. Козловский, В. К. Месяц, А. И. Шибаев, А. П. Шитиков, В. П. Рубен, Б. Н. Пастухов, З. М. Круглова, В. В. Николаева-Терешкова, Г. А. Жуков, Г. С. Щербаков, В. С. Шапошников, Ю. С. Седунов, Н. П. Козлов, В. И. Корзун, В. Г. Соколовский, Е. И. Толстиков, В. А. Котельников, А. В. Сидоренко, Г. К. Скрябин, В. Ф. Промыслов, Р. Ф. Дементьева, Г. И. Чиряев, И. Д. Папанин, Л. М. Бреховских, Н. Н. Блохин, М. А. Ибрагимов, А. С. Желтов, В. С. Емельянов, Е. М. Примаков, О. С. Хархардин.

КАК ТАМ, ЭКЕ?

В штаб ЦК ВЛКСМ на стройке присылают игрушки для детей.

Повар Ира Кобрикова.

Есть инструменты — будет свой оркестр.

Николай Пронин — художник-оформитель поселка.

Сын Сергея Абраменко родился на КАТЭКе.

Георгий РОЗОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

КАТЭК! Его знает уже вся страна. Сюда, на Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс, приезжают отряды молодых строителей, из разных концов Советского Союза. Он сооружается на огромных пространствах юга Красноярского края. База его — восемь крупных месторождений бурого угля, вытянувшихся вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали на восемьсот километров. Толщина угольных пластов разная — от двенадцати до восьмидесяти метров при сказочно неглубоком залегании. Так, на Березовском разрезе надо снять всего восемь метров земли, чтобы добраться до восьмидесятиметрового слоя топлива. Сам уголь тоже неплох. Его средняя зольность всего семь процентов.

Эксплуатация богатств КАТЭКа началась еще в начале века, но даже сейчас здесь действуют всего два относительно крупных разреза и две тепловые электростанции: Ирша-Бородинская и Назаровская ГРЭС. Расцвет энергетики тут впереди. Строящаяся Березовская ГРЭС-1 будет иметь мощность 6,4 миллиона киловатт. Это больше, чем мощность таких гигантов энергетики, как Красноярская, Братская, Усть-Илимская, Саяно-Шушенская ГЭС. Таких станций, как Березовская, будет несколько. Большая часть энергии по линии электропередачи длиной в полторы тысячи километров будет поступать в центральные районы страны. Чтобы свести к минимуму тепловые потери на этой линии, по ее проводам пойдет ток напряжением миллион сто пятьдесят тысяч вольт.

Бурые угли некоторых месторождений обладают одним отрицательным свойством, которое не позволяет перевозить их на большие расстояния: они легко самовозгораются. Вот почему решено перерабатывать их там, где они залегают. На XXVI съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев указал на необходимость использовать канско-ачинские угли не только для производства электроэнергии, но и для получения синтетического жидкого топлива. Ученые уже разработали технологию производства нескольких видов такого топлива. Стоить оно будет не дороже, чем подобная продукция из нефти. Это позволит в бу-

дущем построить здесь мощный химический комбинат.

В Красноярске, неподалеку от КАТЭКа, ускоренно возводятся корпуса завода тяжелых экскаваторов. Это огромное предприятие станет главным поставщиком одноковшовых и роторных экскаваторов для здешних угольных разрезов. Таково будущее этой стройки.

Но уже сегодня приезжающим сюда новичкам не приходится начинать с нуля. Есть тут и город Назарово с пятидесятитысячным населением, асфальтированными улицами и многоэтажными домами. Построена Назаровская ГРЭС мощностью 1350 тысяч киловатт и крупный угольный разрез, на котором уже добывают 13 миллионов тонн угля. Строится завод железобетонных конструкций. И тем не менее руководители строительства КАТЭКа не без основания тревожатся — медленно двигается дело, не теми темпами, что предусмотрены планом.

Один из важнейших объектов будущего комплекса — Березовский угольный разрез. Сооружает его комбинат «Катэкуглестрой». За два неполных года он освоил всего двадцать девять миллионов из 977. А ведь уже в 1985 году Березовский разрез должен быть построен. Что же мешает ему сегодня идти вровень с намеченным планом? Вот что рассказал нам начальник комбината Михаил Антонович Моисеев:

— Комбинат начал свою жизнь в вагончиках. В июне 1979 года мы получили маленький двухквартирный домик, где обосновалась контора. Своего жилья мы не должны были строить. Генподрядчик КАТЭКа трест «Катэкэнергострой» обязан был передать нам восемьдесят тысяч квадратных метров жилья в городе Шарыпово. Мы перевели на его счет двадцать семь миллионов рублей, но ни одной комнаты пока не имеем. Пришлось строить свой собственный поселок — Дубинино. Сегодня здесь восемь тысяч жителей. Два детских сада уже работают, еще один почти готов. Есть у нас две столовые, девять магазинов, пекарня, овощехранилище, котельная, водозаборная скважина, десять километров тепловых сетей, своя подстанция. Поликлиника у нас прекрасно оборудована. Строим молодежный центр. Там будут спортивный зал, дискотека, музыкальная школа и кинозал. Начали вскрытие разреза. Сейчас уже добываем здесь миллион двести тысяч тонн угля в год. Мы могли бы значительно больше сделать, но попали в заколдованный круг. Комбинату сейчас не хватает семисот рабочих, но даже если они вдруг, как говорится, свалятся с неба и придут в отдел кадров, мы не сможем их принять, потому что нет жилья.

— Почему же энергетики отказываются дать вам жилье? — спросил я.

— Они, вероятно, забывают, что если мы не пустим разрез, то ГРЭС останется без топлива. Впрочем, нам ни разу не сказали «нет». Вот посмотрите!

И Михаил Антонович показал любопытный документ. Это был протокол, подписанный 20 мая 1981 года министром угольной промышленности СССР Б. Ф. Братченко и министром энергетики и электрификации СССР П. С. Непорожним. В протоколе сказано, что половину всей вводимой в городе Шарыпово жилплощади Минэнерго обязуется передавать Министерству угольной промышленности. Минуголь, в свою очередь, обязуется обеспечить прием этого жилья. Министры дали друг другу слово, но слово, как известно, еще не дело, даже если оно заверено печатью. Повторяется история, знакомая нам по многим другим стройкам. Каждое министерство строит свой собственный поселок, плодит свои собственные маленькие котельные, пекарни, подстанции, теплосети, дороги — словом, распыляются средства, трудовые ресурсы и техника, используются они неэкономно, срываются сроки пуска предприятия, возникают бытовые трудности. Среди них одна из самых острых — жилье. Учитывая это, руководители всех здешних организаций, когда посылают своих представителей в республики набирать добровольцев, дают им строгий наказ: «Берите холостяков». И это понятно. Холостяк неприхотлив. Его можно поселить в общежитии, питаться он будет в столовой, а работать в любую смену: за ребенком бежать в детский сад не надо. Короче говоря, создать для холостяка минимально необходимый уровень комфорта проще и вполне по силам и энергетикам и угольщикам.

Главный диспетчер комбината «Катэкуглестрой» Валентин Иванович Руссу рассказывал нам о своей поездке в Кишинев, о беседах с ребятами, пожелавшими отправиться на КАТЭК.

— Я не скрывал от них — будет трудно на первых порах. Но никто не испугался. Добровольцев было столько, что мы не смогли всех взять с собой. К приему каждого нового отряда комсомольцев мы заранее готовимся. Когда ждали приезда двухсот восьмидесяти человек из Саратова, подсчитали, что единственная тогда в Дубинино столовая не обеспечила бы их питания. Срочно построили новую столовую «Сказка». Работали в две смены и закончили «Сказку» за тринадцать дней. Ребята только сошли с поезда, а мы их пригласили к накрытым столам. В общежитиях комнаты меблировали, занавесочки повесили. Кстати, домики наши хоть и деревянные, но со всеми удобствами. Планировка квартир хорошая, отопление центральное, горячая вода, ванна. Жить можно!

Прав Валентин Иванович — жить можно. Но вот проблема — семья. В штаб ЦК ВЛКСМ на КАТЭКе при мне зашел парень. Он живет со своей беременной женой в женском общежитии. В той же комнате — еще две девушки. Отношения между соседями не сложились. Жизнь превратилась в мучение. Парень пришел в штаб просить о помощи. Ему пообещали разобраться и по возможности ускорить переселение в семейное общежитие. Когда он ушел, начальник штаба Сергей Васильев тяжко вздохнул и принялся ерошить курчавую голову.

— Знаешь, сколько их сюда ходит? Весной переселили из одиннадцатого общежития в семейные блоки семьдесят пар, а сейчас в том же общежитии ждут очереди еще шестьдесят. Как видишь, население растет быстрее, чем темпы строительства жилья.

Каждую субботу в Шарыпово в среднем играют шесть свадеб. Столько же в Дубинино. Свадьба — событие приятное, но на КАТЭКе не каждая новая семья может сразу получить хотя бы отдельную комнату. Затруднение временное, однако не все переносят его стоически. Многие решают вернуться домой. Так возникает текучесть кадров, и именно в ту пору, когда стройке особенно необходим стабильный коллектив.

На КАТЭКе работают посланцы Северной Осетии, Дагестана, Башкирии, Молдавии, Литвы, Латвии, Волгоградской, Саратовской, Тамбовской и Воронежской областей. Ребята совсем молодые, почти все сразу после армии. Высокую квалификацию они еще не успели получить, а многие только здесь на стройке профессию освоили. И когда уезжают парни, уже отработавшие год, а иногда и больше, уезжают в тот момент, когда они стали приносить стройке ощутимую пользу,— это грустно. Грустно потому, что на их место часто снова приезжают люди неквалифицированные. Их надо будет снова обучать, а им самим приспосабливаться к новой жизни. Так стройка теряет темп. Пуск Березовской ГРЭС-1 задерживается. Это сказал мне главный инженер треста «Катэкэнергострой» Анатолий Михайлович Максютенко. И тут же высказал почти крамольную мысль:

— Нас поставили в очень строгие рамки. Мы должны были построить Шарыпово без времянок, сразу в железобетоне. А чем плохи деревянные дома бамовской серии? Все сибирские стройки с деревянных домов начинались...

Крамольным этот посыл я назвал потому, что не раз слышал поговорку: «Нет ничего более постоянного, чем времянки». Специалисты подсчитали: гораздо выгоднее строить сразу постоянные дома, столовые, школы... КАТЭК так и планировали. Но для этого энергетикам надо было бы начинать с домостроительного комбината, строить сначала жилье, а потом уже производственные помещения. Но, увы, времянок КАТЭК не избежал, и теперь, возможно, прав Анатолий Михайлович Максютенко, задавая свой вопрос: «Чем плохи деревянные дома бамовской серии?» Эти дома и впрямь могут вывести стройку из жилищного тупика.

Жилищный тупик — не единственная причина текучести кадров. Порой уезжает со стройки молодой человек из-за плохой организации труда, что в конечном счете сказывается и на зарплате. Иногда какая-нибудь мелочь, нерадивость может нарушить налаженный рабочий ритм, испортить людям настроение.

Пример такой нерадивости я наблюдал на Итацкой подстанции. Это один из важнейших пусковых объектов сегодняшнего КАТЭКа. Через подстанцию должны снабжаться энергией Саяно-Шушенской ГЭС все объекты на стройке. Когда заработают турбины Березовской ГРЭС, ее энергия через Итацкую подстанцию пойдет в Красноярск и другие города Сибири. Пуск подстанции неоднократно откладывается. Среди прочих причин — безалаберность, плохая организация труда. В тот день, когда я заехал сюда, чтобы повидаться с ребятами из Дагестанского строительного отряда, в столовую участка не завезли воды. Несколько автобусов с рабочими отправились в Шарыпово на обед. До ближайшей столовой двадцать шесть километров, пропускная способность ее не рассчитана на дополнительные едоков. С обеда ребята вернулись через три с половиной часа. Естественно, в этот день на Итацкой заработки были невелики. К сожалению, случай этот не единичен. Комплексная комсомольско-молодежная бригада плотников-бетонщиков Зияутдина Магомедова была создана из бойцов Дагестанского отряда имени Олега Кошевого — героя-молодогвардейца ребята зачислили в свою бригаду и решили выполнять его норму. Их направили на строительство Итацкой подстанции, и они горячо взялись за дело. Но, увы, о бригаде словно забыли. Она сидела без работы долгих два месяца, и вконец отчаявшийся бригадир первым подал заявление об уходе. А вслед за ним и вся бригада. Но, прежде чем окончательно расстаться со стройкой, Зияутдин решил съездить в Красноярск. Из крайкома партии он вышел окрыленным, уже не помышляя о бегстве.

Работа на Итацкой подстанции налаживается. И сейчас бригада Зияутдина Магомедова — одна из лучших на стройке, а сам Зияутдин твердо решил жить на КАТЭКе, перевез в Шарыпово жену и детей. Недавно коммунисты СУ-1 выбрали его своим вожаком. Конечно, эта история из ряда вон выходящая, но она учит молодежь не пасовать перед трудностями, бороться за свое право продуктивно работать. И молодежь не пасует. Комсомольцы сами многое делают, чтобы жилось ребятам получше, веселее, чтобы налажен был их быт.

В Дубинино скоро откроется молодежный центр. Строят его сами ребята на общественных началах. Комбинат купил прекрасные инструменты для вокально-инструментального ансамбля. Репетиции уже начались. Есть и хороший спортзал. Благодать для рыболовов, туристов. В округе двести озер. На озере Инголь, которое за кристально чистую воду, внушительные размеры и глубину называют местным Байкалом, начато строительство базы отдыха. Молодежь помогает созданию на стройке образцовых поселков, взяла под охрану леса и озера. Каждый комсомолец посадит здесь свое деревце. Большую работу проводит штаб ЦК ВЛКСМ. Сергей Васильев рассказывал мне о совещании представителей заводов-поставщиков, пресс-конференции для молодежных газет, о катэковских фестивалях патриотической песни — в них участвовали гости из Норильска, Кемерова и Красноярска. Весело и интересно провели два дня на берегу озера Инголь участники первого туристического слета КАТЭКа.

— Знаешь, что меня особенно тогда порадовало? — рассказывал Васильев.— Туристы оставили после себя совершенно чистые поляны. Ни бумаги, ни консервных банок, никаких следов «туристского нашествия». Когда уходили, пастух пригнал туда коров и овец. Посмотрел вокруг и головой покачал: «Молодцы, ребята! Лужок не попортили».

Недавно стало известно, что деятели искусства Москвы взяли шефство над стройкой. Это, конечно, событие в культурной жизни КАТЭКа. Но, честно говоря, на меня большее впечатление произвело событие менее громкое. В Дубинино приехали жить и работать три художника-профессионала. Москвич Михаил Брацюн и минчане Николай Сахар и Сергей Корвигов. Они уже закончили оформление детского сада, а теперь займутся украшением поселка, используя малые архитектурные формы, игровыми площадками для детворы. Стремление видеть вокруг себя красивые дома, ходить по чистым, озелененным улицам — естественная потребность любого человека, но то, что на КАТЭКе позаботились о ней сейчас, в самые трудные дни становления стройки, говорит о том, что люди здесь уже ощутили себя хозяевами этих мест. Настоящими и хорошими хозяевами.

ДИНМУХАМЕД АХМЕДОВИЧ КУНАЕВ

К 70-летию со дня рождения

Фото И. Филатова.

А. Полозов. Род. 1957. ЭКСКУРСИЯ В ГОРЯЧИЙ ЦЕХ. 1981.

Роберт **РОЖДЕСТВЕНСКИЙ**

ОЖИДАНИЕ

МОНОЛОГ ЖЕНЩИНЫ

М. Т.

Вот ведь как!
Явилась первой...
Надо было опоздать.
Где-нибудь в сторонке встать...
Что поделать —
сдали нервы...
Шла,
как будто на экзамен,
с пятницы
считала дни...
Как же:
«Встреча под часами»!..
Под часами...
Вот они...
А его на месте нет...
(Как некстати нервы сдали!..)
Ну, еще бы!
На свиданьи
не была я
столько лет!
Даже страшно подсчитать...
Что ж я:
рада иль не рада?
Там увидим...
Только надо,
надо было опоздать!..
Дура!
Сделала прическу,
влезла в новое пальто,
торопилась,
как девчонка!
Прибежала...
Дальше что?

...Современная женщина,
современная женщина!
Суетою замотана,
но, как прежде, божественна!
Пусть немного усталая,
но, как прежде, прекрасная!
До конца непонятная,
никому не подвластная!
Современная женщина,
современная женщина —
то грустна и задумчива,
то светла и торжественна.
Доказать ее слабости,
побороть ее в дерзости
зря мужчины стараются,
понапрасну надеются!
Не бахвалится силою,
но на ней — тем не менее —
и заботы служебные,
и заботы семейные!
Всё на свете познавшая,
все невзгоды прошедшая —
остается загадкою
современная женщина!

...Ромео моего
пока что
незаметно...
Что ж,
подождем его.
Я очень
современна!..
Порой берет тоска:
ведь нужно быть, к примеру,
кокетливой
(слегка!)
и неприступной
(в меру!).
Все
успеваешь ты:
казаться беззаботной,
и покупать
цветы
себе,
идя с работы.
Самой себе
стирать,
себе готовить ужин,
квартиру убирать
с усердием ненужным...
Подруге позвонить —
замужней и счастливой —
и очень мудрой
слыть,
быть
очень терпеливой.
Выслушивать слова
и повторять, не споря:
«Конечно,
ты права!
Мужья —
сплошное горе...»
И трубку положить
спокойно и устало.
И, зубы стиснув,
жить
во что бы то ни стало!..
И маяться одной,
забытой,
как растенье.
И ждать
очередной —
проклятый! —
день рожденья...
И в зеркало смотреть.
И все морщины
видеть.
И вновь себя
жалеть.
А чаще —
ненавидеть!..
Нести
свою печаль.
Играть с судьбою
в прятки.
И плакать
по ночам.

А утром
быть в порядке!
Являться в институт
и злиться без причины...
Ну,
вот они идут
по улице —
мужчины!
Красавцы на подбор
с достоинством
спесивым.
Самодовольный пол,
считающийся
сильным!
Как равнодушны
вы!
И как же вы
противны!
Изнеженные
львы,
потасканные
тигры!
Глядящие
людьми,
стареющие телом...
Да где он,
черт возьми?!.
И в самом деле,
где он?..

...«Скорая помощь» —
по городу, словно по пóлю!
Голос вселенской беды,
будто флаг, вознеся...
(Господи!
Может быть, что-то случилось
с тобою?!)
Улица вся обернулась.
И замерла вся.
Воплем тугим
переполнены сердце и память.
Он оглушает:
Успеть бы!
Успеть бы!
Успеть!..
Вновь с телефонного диска
срывается палец!
«Скорая помощь»
пронзает застывший проспект...
Мир озирается.
Просит любовь о спасенье.
И —
до сих пор неподвластны
толпе докторов —
рушатся
самые прочные дружбы
и семьи.
А у певицы —
горлом не песня,
а кровь!
Голос несчастья над городом мечется
снова...
Странно, что в эти минуты,
всему вопреки,
веришь
в извечную помощь
тихого слова.
В скорую помощь
протянутой доброй руки...

...Ну, приди же,
любимый!
Приди!
Одинокой мне быть
запрети.
Приходи, прошу,
приходи.
За собою меня
поведи...
Стрелки глупые
торопя,
не придумывая ничего,
я уже простила
тебя —
повелителя своего.
Всё обычно
в моей мечте.
Я желаю —
совсем не вдруг —
быть распятою
на кресте
осторожных и сильных
рук!
Чтобы стало нам горячо,
а потом —
еще горячей!..
И уткнуться
в твое плечо.
И проснуться
на этом плече...

...Вот видишь,
тебя и любимым
назвать я успела!
Не надо бы —
сразу...
Ведь лучше —
когда постепенно.
Ведь лучше — потом,
лучше — после...

Любимый, послушай,
ведь лучше...
Но где я найду
это самое
«лучше»?!
О, если бы знал ты, любимый,
как страшно и дико
давать о себе объявленье в газету:
«Блондинка,
вполне симпатичная,
добрая,
среднего роста...
Ее интересы:
домашний уют и природа.
Имеет профессию.
Ищет надежного друга...»
О, если бы знал ты,
как все это пошло!
И — трудно...
Порой, в темноте,
рассуждаю я очень спокойно:
пройдет одиночество это,
наступит другое.
Настанет пора,
и закружатся
листья из меди.
В окошко мое постучит
одиночество
смерти...
Нет, я не пугаюсь.
Я знаю,
что время жестоко.
Я все понимаю.
И все принимаю.
Но только
тому одиночеству
я не желаю
сдаваться!
Хочу быть
любимой!
Живою хочу
оставаться.
Смеюсь над другими
и радуюсь дням и рассветам!
И — делаю глупости!
И — не жалею об этом!
Дышу и надеюсь...
О господи,
как это больно!..
Ты видишь, любимый:
я вот она —
вся пред тобою!..
Слова мне скажи!..
Ну, пожалуйста!
Нет больше мо́чи!..
Чтоб только — не молча,
не молча.
Чтоб только —
не молча!..
Слова говори мне,
слова говори мне —
любые!
Какие захочешь,
чтоб только — не молча,
любимый!
Слова говори мне.
Без этого радость —
не в радость...
Скажи,
что со мной хорошо.
И что я тебе нравлюсь.
Скажи,
что ты любишь меня!
Притворись на мгновенье!..
Соври,
что меня не забудешь.
Соври.
Я поверю.
...А может, просто
плюнуть и уйти,
И пусть
его
терзают угрызенья!..
(Ну-ну,
шути, родимая, шути!
Нашла ты славный повод
для веселья...)
Останусь,
чтобы волю испытать!..
Еще немного подождем.
Помедлим...
Ведь женщины
давно привыкли ждать.
Чего-чего,
а это мы умеем...

...Птицы спрятаться
догадаются
и от снега укроются...
Одинокими
не рождаются.
Ими после
становятся...
Ветры зимние
вдаль уносятся
и назад возвращаются.
Почему,
зачем, одиночество,
ты со мной
не прощаешься?
Пусть мне холодно
и невесело,—
все стерплю,
что положено...
Одиночество —
ты профессия
до безумия сложная!
Ночь пустынная.
Слезы затемно.
Тишина безответная...
Одиночество —
наказание.
А за что —
я не ведаю...
Ночь окончится.
Боль останется.
День
сначала закрутится...
Одинокими
не рождаются.
Одиночеству
учатся.
...Ну, приди же,
любимый!
Приди!
Одинокой мне быть
запрети!
За собой меня
поведи...
Приходи, прошу,
приходи!
Задохнувшись,
к себе прижми
и на счастье
и на беду...
Если хочешь,
замуж возьми.
А не хочешь —
и так пойду...
...Слово-то какое:
«замуж» —
сладкий дым...
Лишь бы он пришел,
а там уж
поглядим...
Пусть не густо
в смысле денег
у него —
приголубим,
приоденем,—
ничего!..
Лишь бы дом мой,
дом постылый
не был пуст...
Пусть придет —
большой и сильный,—
курит пусть!
Спорит,
ежели охота!
Пусть храпит!..
Так спокойно,
если кто-то
рядом
спит...
Хорошо бы,
пил не очень...
И любил,
хоть немножечко!..
А впрочем,
лишь бы
был...
Без него сейчас мне точно
нет житья!..
Да зачем я так?!
Да что же,
что же
я?!
...Черт с тобой!
Не приходи!..

Вспоминать —
и то противно...
Сгинь!
Исчезни!
Пропади!
Я-то
нюни распустила!..
Не желаю подбирать
со стола
чужие крохи!
Если вновь захочешь врать,
ври
уже другой дурехе!..
Ишь,
нашелся эталон!
Я в гробу таких
видала!
Тоже мне
Ален Делон
поселкового масштаба!..
Бабник!
Только и всего.
Трус!
Теперь я точно знаю...
Он решил,
что на него
я
свободу
променяю?!
Думал:
баба влюблена!..
Что?
Не вышло?
Ешьте сами!
Вашей милости
цена —
три копейки
на базаре!
Я везде таких
найду!
Десять штук
на каждый вечер!..
Не звони —
не подойду!
А напишешь —
не отвечу!..
...Как без тебя?
Как?..
Был ты
синицей в руках.
Что без тебя
я?
Словно земля
ничья.
Стонет моя
боль.
Я бы пошла
за тобой!
Шла бы,
закрыв глаза,
тихая,
как слеза...
Мне без тебя
как?
Птицей стать
в облаках?
Реять
в ночной темноте?
Крылья уже
не те...
Злую печаль
пью.
Злюсь на судьбу
свою.
Вижу
ее свет...
Есть ты там
или нет?
Мечется
мой
крик!
Он от других
скрыт.
Боль
отдается в висках:
Как без тебя?
Как?
...Стану
верной женою.
Не пройди стороною,—
буду
верной женою.
Над судьбой
и над домом

стану
солнышком добрым,
над судьбой
и над домом.
Хочешь,
буду сестрою.
От несчастий прикрою,
хочешь,
буду сестрою...
Скажешь,
буду рабыней.
Если только любимой,
то могу —
и рабыней...

...Кто может чуду приказать:
«Свершись!..» —
от собственного крика
холодея?..
Мне кажется:
я жду уже
всю жизнь.
Мне кажется:
я жду
почти с рожденья.
Я буду ждать
до самого конца!
Я буду ждать
за смертью
и за далью!
Во мне стучат
сестер моих
сердца!
Сестер по жизни
и по ожиданью.

...В этот час
миллионы моих незнакомых сестер,
ничего не сказав,
никому и ни в чем
не покаясь,
ожидают мгновенья
взойти
на высокий костер,
на костер настоящей любви,
и — сгореть,
улыбаясь!
В этот час мои сестры
на гребне такой высоты,
простирая в бессмертье
зовущие
нежные руки,
ждут любимых своих
под часами
всесильной мечты.
Под часами судьбы.
Под часами
надежды и муки...
В этом взрывчатом мире
забытой уже
тишины,
где над всеми
бессонное время
летит безучастно,
не придется вам пусть никогда
ждать любимых
с войны!
Не придется вам пусть никогда
ждать любимых
напрасно!
Рядом с бронзой царей,
разжиревших
на лжи и крови,
рядом с бронзой героев,
рискнувших собой в одночасье,
должен выситься памятник
Женщине,
ждущей любви!
Светлый памятник Женщине,
ждущей
обычного счастья...
Вновь приходит зима
в круговерти метелей и стуж.
Вновь для звезд и снежинок
распахнуто небо ночное...
Все равно я дождусь!
Обязательно
счастья дождусь!
И хочу, чтобы вы
в это верили
вместе со мною.
...Ну, приди же,
любимый!
Приди!..

ЖИВЫЕ, ВСТРЕЧАЙТЕСЬ ЧАЩЕ...

Глубокой скорбью дышит строка: «Живые — мы встречаемся так редко»... Да разве одна только эта строка!

Стихотворение Мустая Карима «Когда заболела моя мать» воспринимаешь целиком, как страстное и горькое сыновнее признание. Страстное потому, что мать есть мать. А горькое потому, что уже запоздало оно, это признание.

Быть может, всегда слишком поздно приходит к сыновьям всерьез осознанная ими, мудрая и благодарная любовь к матерям,— совсем новая, не та, что бывает инстинктом вызвана у малого ребенка, но зрелая, исповедальная, святая.

Ах, мама!
Я б давно-давно был бит,
Меня бы одолели ветры, раны,
Когда б не ты, стоящая, как щит,
Меж мною и опасностью нежданной...

Живым бы матерям слышать драгоценные эти слова! Но почти всегда бывает так, что сыновья должны сначала пройти через все стремнины и беды, все опасности и ловушки жизни, прежде чем осенит их душевное, глубинное постижение истинных ценностей бытия... Покаянную, умную, но позднюю уже скорбь передает Мустай Карим в тончайшей сердечной беседе с матерью. Это — одно из лучших, думается, стихотворений в книге «Четыре времени любви» [1].

Вся книга есть мысли сердца. Она выражает личность поэта цельно, без утайки, будучи пронизана философским раздумьем, чувством нравственной взыскательности прежде всего к себе самому, но еще и к каждому другому человеку, живущему на родной земле, не ушедшему в смертное никуда, а значит, имеющему время совершить добрый поступок любви, душевной самоотдачи.

Поэзия Мустая Карима являет такое вот этически-взыскательное, требовательное отношение к миру, которое, на мой взгляд, и есть главная писательская черта. Поэзия, проза, драматургия — все его творчество в целом давным-давно перестало быть достоянием одной только Башкирии. Своей родине поэт посвящает в новой книге стихов — сразу об этом скажу — немало драгоценных, сердцем продиктованных строк.

Поэзию Мустая Карима мы, все читатели, знаем так же хорошо, как, например, Межелайтиса, Мусрепова, Айтматова... Их размышления принадлежат той большой литературе, которая объемлет мир, стремясь постичь вечные загадки жизни.

Поэтому-то он и говорит нам, Мустай Карим: живые, встречайтесь чаще; делитесь щедро тем, что накопило ваше сердце, что собрала душа, что выработала деятельная мысль... Чувству человеческому, если только человек не погряз в тине бездуховной обывательщины, нет предела:

Душа бунтует: отчего все бренно,
Что беспредельной создано вселенной?
А разум мой спокоен. Все — в пути...

Разум, конечно, тоже не так уж спокоен: он тоже в поиске, но ведь спор иногда бесполезен. Поэтому не слабую поддержку, но прочную опору находит поэт в постигнутом им, спокойном и серьезном, приятии миропорядка: оно живет уже в самом названии стихотворения: «Все просто...». Хотя не будем слишком уж доверяться этой «простоте»: она тоже достаточно сложна. В ней тоже много выстраданного.

Всему свой черед. И хранит наша память
Извечные образы смены времен.
Не поздно, не рано на желтую замять
Слетает забвения белого сон...

Не поздно, не рано, говорит нам поэт, но мы-то знаем, догадываемся, чувствуем тут еще и много такого, что не сказано открыто, прямо. Не названо то, что, наверное, всегда и составляет саму поэзию...

Словно концентрическими кругами, все шире и шире охватывая человека и все человеческое, мысль поэта постигает жизнь как высокое явление бытия. Именно явлением становятся и далекие воспоминания, и сегодняшние, наполненные острым чувством жизни, встречи.

Вот поэт вспоминает самого себя. Давным-давно, мальчиком в потертой тюбетейке и в лаптях, плывет он на утлом пароходике и глядит на большую воду реки Белой. Родной его реки... Глядит, а понять не может:

— Совсем неподвижно сижу я,
А круча, а берег плывет!..

Много времени должно пройти, прежде чем он поймет, вернее, душой услышит иное:

— Плывем-то ведь мы, а не время,
А время, как берег крутой.

Вот так все мы «плывем» через жизнь. И каждый из нас «проплывает» ее по-своему... Проплывает чтобы уйти, дать место другому на «пароходике»... Время же — оно и есть круча,— наш общий берег: оно останется навечно. И что ты сумеешь дать своему берегу — иначе говоря, своему времени, — то и будет твоим достоянием, твоим вкладом в жизнь. А значит, и твоей собственной человеческой ценой.

Люди делают жизнь такой, какая она есть. Их дружбой, их сплоченностью, их любовью друг к другу жива сама жизнь... Поэтому-то поэт и говорит нам своими стихами: живые, встречайтесь чаще!..

Несправедливо было бы не сказать о великолепной переводческой работе Е. Николаевской; она почти одна (за немногими исключениями) сделала нашим общим достоянием книгу стихов Мустая Карима.

Н. ТОЛЧЕНОВА

[1] Мустай Карим. Четыре времени любви. Уфа, Башкирское книжное изд-во, 1980.

ГЕРОЙ—СОВРЕМЕННИК

Алла Калинина принадлежит к тем писателям, в творчестве которых главное место занимает наш современник. Ее героям выпало испытание не голодом и разрухой — испытание достатком и комфортом. Проблемы нравственные ставит писательница в своих небольших рассказах и повестях.

«Время потерь» — одна из повестей сборника. Иван Аркадьевич — преуспевающий адвокат. С молодых лет все ему давалось легко, и постепенно забота о собственных успехах, о материальном благополучии семьи вытеснила все остальное. В доме, казалось, были мир и счастливый уют. И лишь в минуты позднего озарения Иван Аркадьевич понимает, что обокрал жену, «подсунув ей вместо любви свои равнодушные заботы, свою фамилию, свои деньги, всю эту мишуру», что не смог стать ни опорой, ни примером для детей, предоставив их самим себе. Младший, Валентин, сторонится семьи. У старшего, Всеволода, уже подрастает собственный сын, а он, довольный собой и беззаботный, прожигает жизнь в глупых интрижках. Внезапная смерть Ивана Аркадьевича со всей безжалостностью обнажила то, что назревало годами: настоящей семьи не было, оставалась лишь ее мертвая оболочка. И лишь любовь Татьяны, жены Всеволода,— ее верность, самоотверженность писательница противопоставляет царившей в доме пустоте и бездумному существованию — спасает Всеволода, заставляет его осознать свой долг перед близкими, чтобы не повторить ошибок отца.

Герой другой повести, Николай Егорович, талантливый переводчик в научном институте, в расцвете жизненных и творческих сил. Он еще не утратил прекрасную привычку сомневаться, его мучает мысль, что судьба его, кажется, устремляется по привычной, заезженной стезе. И вот в этот момент он получает известие: дальняя деревенская родственница завещала ему свой дом. Николай Егорович едет на забытую родину и заново открывает для себя мир, где люди живут на родной земле уверенно и просто, где ценят других не за посты и регалии, а за умение всем сердцем откликаться на чужую радость и беду.

Повести и рассказы А. Калининой камерны, в них нет лихо закрученного сюжета, но это не снижает напряженности читательского интереса. Они привлекают психологизмом повествования, ясным слогом. Таковы рассказы «Тропинка через поле», «Непруха», «Черемуховый холод». Автор не дает однозначных оценок, но позиция ее активна: против нравственного оскудения, за чистоту и высокую правду человеческих отношений.

Б. ЛАБУТИН

Алла Калинина. Черемуховый холод. М., «Советский писатель». 1980.

ГДЕ РОЖДАЕТСЯ РАДУГА

Б. СМИРНОВ, фото И. ГАВРИЛОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

В министерстве удивлялись. И в самом деле, что за странный директор! То все просил, хлопотал, чтобы на химическом заводе в Черкесске построили новый цех, а как только разрешение было получено и строительство цеха началось, директор стал требовать... остановки строительства!

А объяснялось все просто. Пока утверждались документы, на заводе родился новый интересный проект—как сделать будущий цех вдвое более мощным. Директора пытались отговорить: мол, идея слишком смелая, новая, да и оборудования необходимого нет, — но на стол министра лег новый вариант проекта с безукоризненными расчетами, с адресами заводов, где необходимое оборудование простаивало без дела. Возразить было нечего... И цех был построен именно так, как предлагал директор, и продукции он действительно стал давать в два раза больше, и нашлись даже резервы, которые спустя год позволили еще и еще увеличить мощность цеха...

Эту историю хорошо знают в Карачаево-Черкесской автономной области, и в нашем репортаже, уж коль речь зашла о директоре Черкесского химического завода Захаре Сосланбековиче Цахилове, о ней нельзя не упомянуть. В самом деле, сплошь и рядом руководители предприятий пытаются «скорректировать планы» в сторону их снижения, а этот директор словно ищет себе хлопот, словно старается избежать легкой жизни.

К сожалению, пока не все директора похожи на Цахилова... Разговаривая с Захаром Сосланбековичем, я и не пытался узнать, почему, мол, вы поступаете так, а не иначе. Разве спрашивают у хозяина: почему вы хороший хозяин? Разве спросишь у творческого человека: зачем нужно творчество?

Теперь бы самое время сказать, что заслуга в четкой работе завода принадлежит не только директору, а всему коллективу, что смелость директора зиждется на твердой вере в его подчиненных. Да, все это именно так. Но... Тридцать семь лет, которые Захар Сосланбекович провел на своем посту, были годами поиска единомышленников, годами создания того коллектива, который доверенной ему властью мог сцементировать в какой-то определенной мере лишь такой человек, как Цахилов. И никакой нескромности в этом нет. И стоит еще раз напомнить, что Черкесск до последнего времени отнюдь не был промышленным центром. От трафаретной фразы не уйдешь: люди выросли вместе с заводом, вместе со всей Карачаево-Черкесией, совершившей стремительный взлет от убогой дореволюционной провинциальности.

Легко ли он дался... Мы снова вернемся к судьбе директора Цахилова, которая начиналась в маленьком предгорном селе Коста Хетагурово. Бедняцкая многодетная семья (как раз семь я — семь детей), в которой поначалу грамотным был лишь отец: умел расписываться... Но в этом месте Захар Сосланбекович прерывает свой рассказ, видя, что я сочувственно покачиваю головой.

— Не надо думать, что мы росли в бедности! У нас все было, мы не знали нужды. Все мои сестры и брат получили образование, специальности, потому что росли мы при Советской власти!

— И только вы стали химиком?

— Я и не собирался быть химиком, — мягко улыбается Захар Сосланбекович, и этот мгновенный переход от горячей, яркой речи к спокойствию сразу выдает в нем кавказский темперамент. — Я полюбил комсомольскую работу, а тут — война, временная оккупация. После освобождения нашей области меня направили в промышленность — руководить самой маленькой в области промартелью. Корзины для картошки, колесная мазь, крем для сапог — представляете? Я привык к шуму, к спорам, комсомольским собраниям... Честное слово, мне казалось, что все там на ходу спят! Если бы не совесть комсомольца, я бы и дня там не проработал!

— А вы помните, с чего начинали?

— Как не помнить... Все помню, словно вчерашний день помню...

Его судьбу решила старая краскотерочная машина, валявшаяся на задворках. Хоть что-то новое надо в артели сделать — выпускать замазку для окон. Потом перешли к выпуску простейших красок, появилась цель — доставать аппаратуру, разыскивать и приглашать к себе химиков. Стали производить хромпик, сернистый натр. И вдруг молодой директор обнаружил, что его артель стала заметным в городе предприятием, что «мелочи», которыми он занимается, необходимы людям. Не только тем, кто получал готовую продукцию, но и тем, кто ее производил. На глазах у Цахилова разрозненные рабочие, вчерашние пастухи сливались в единый коллектив, словно бы набираясь сил в общем деле.

— Вы хотите сказать, Захар Сосланбекович, что новое общее дело было началом рождения сегодняшнего завода?

— Нет, я этого не говорю. Я говорю о том, что к тому времени идеи социализма уже прочно вошли в сознание людей и лишь раскрывались, расцветали в общем большом деле. Особенно у нас, на многонациональном Кавказе. Давайте возьмем пример нашего завода: когда он стал крупным предприятием, в коллективе работали представители десятков национальностей, и ни разу никаких затруднений по этому поводу в нашей жизни не возникало. А вот и сегодняшнее положение дел: я, директор завода, — осетин, заместитель директора — черкес, главный инженер — русский, начальник центрального ОТК — карачаевка, помощник директора по кадрам — казах... Еще большую национальную «пестроту» мы найдем в среднем звене руководства завода и среди рабочих. Здесь есть ногайцы, абазины... И что же? О том, кто какой национальности, мы вспоминаем только по приезде журналистов, вот как сейчас...

Герой Социалистического Труда, депутат городского Совета, директор Черкесского химического завода имени 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции З. С. Цахилов.

Шутка иногда красноречивее целого потока доказательств. И мы уже не говорим о том, что в жизни завода, как в капле воды, отразилась растущая значимость всей многонациональной Карачаево-Черкесской автономной области. Есть в дирекции завода карта страны, на ней Черкесск десятками стрел связан с городами, куда отправляются производимые на заводе краски, лаки, смолы, эмали. Комбайны и трактора, автомобили и станки, электровозы и холодильники, мебель и приборы — разве перечислишь все, что радует глаз палитрой черкесских красок! А ведь мы, любуясь этой радугой, даже не всегда знаем, чьими руками она создана...

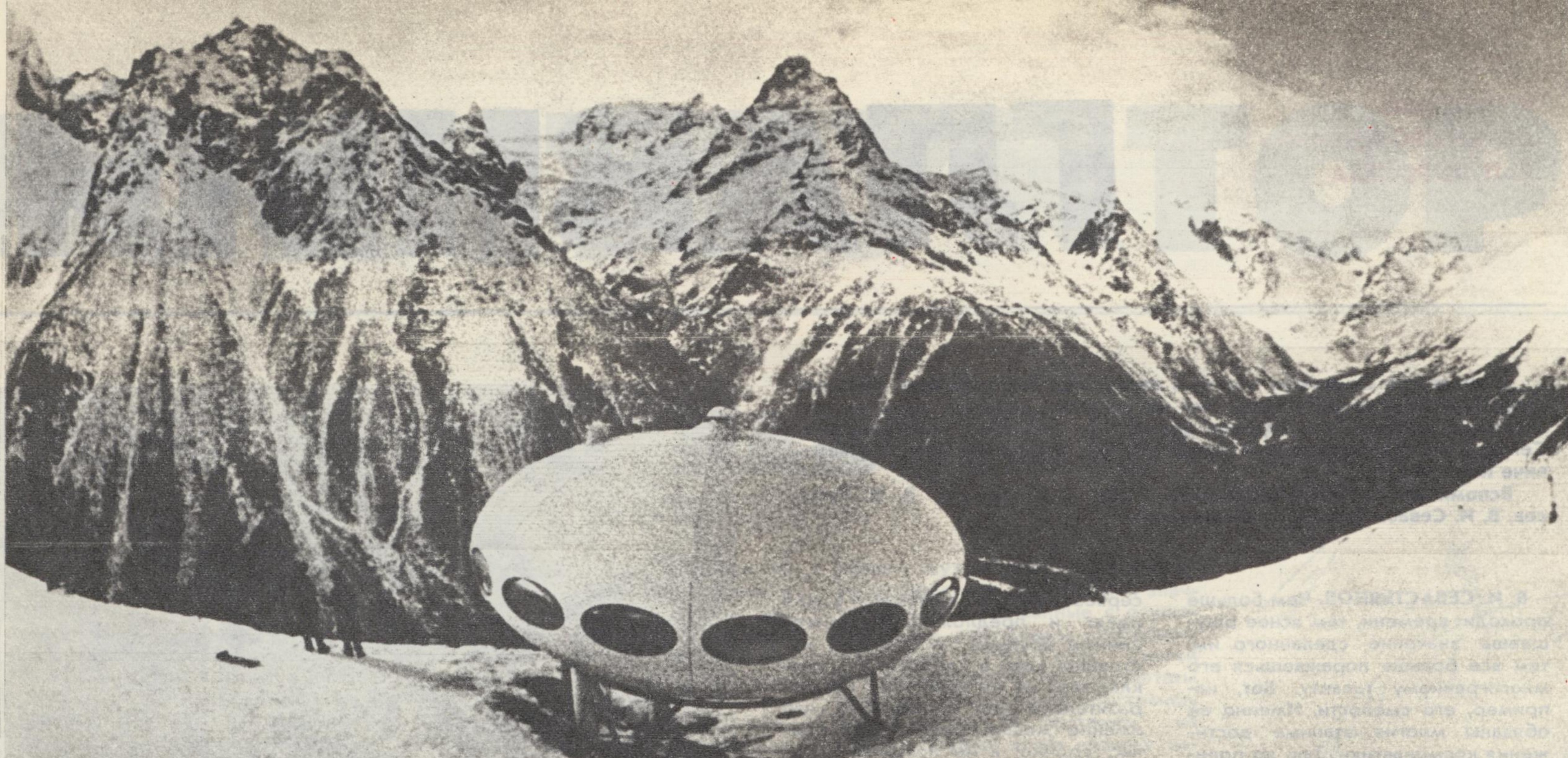
Мы уже собрались прощаться, когда директор, лукаво прищурившись, поинтересовался:

— Вы видели у нас на заводе установку «Пиропласт-два»? Да, внешне особого впечатления не производит: ни на домну, ни на мартен не похожа. А она — событие номер один в жизни завода за эту пятилетку. Она производит очень нужные нефтеполимерные смолы. Но если всюду в стране подобные установки требовали в качестве сырья растительные масла, то наша работает на синтетическом сырье. Что это значит? Значит, мы экономим многие тонны пищевого растительного масла! Иначе говоря, значительные площади самых плодородных пахотных земель работают не на химию.

— А кто придумал эту установку?

— Наши, заводские конструкторы в содружестве со специалистами волгоградского института нефтехимии. Но строили ее мы своими силами. А знаете, какое сырье идет вместо растительного масла? Промышленные отходы одного из недальних заводов. Да, установка хороша, пока единственная в Союзе, но мы в ней еще кое-что усовершенствуем...

И на лице Захара Сосланбековича появилась загадочная улыбка — наверно, такая же, как тридцать семь лет назад, когда на задворках артели он увидел старую краскотерочную машину.

У гостиницы в горах Домбая.

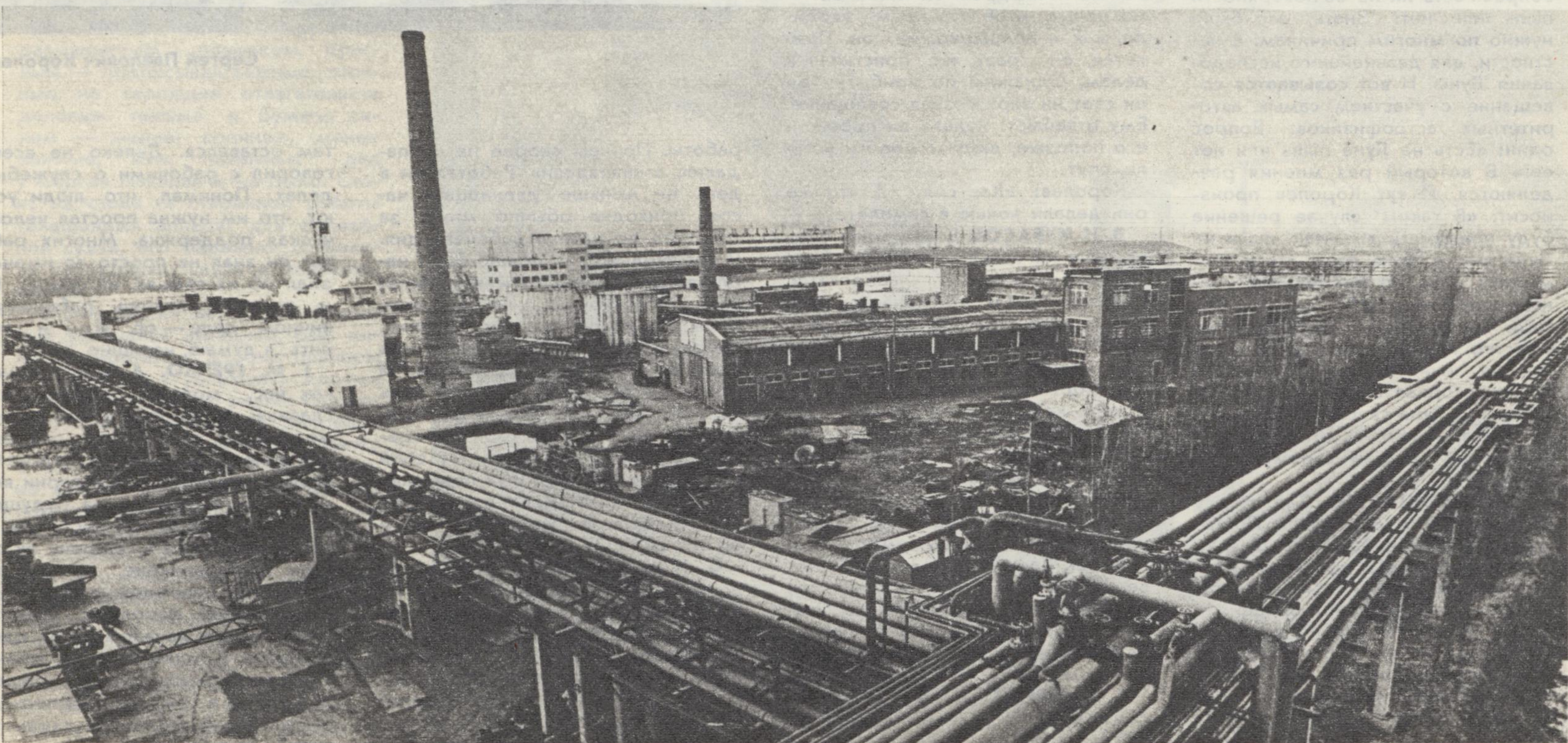

Дорога в Теберду.

Музыку к новой пьесе обсуждают главный режиссер областного драмтеатра Б. Х. Тохчухов, композитор А. А. Дауров, артисты Л. Р. Озова и А. Р. Аджиев.

Растет Черкесский химический.

К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
С. П. КОРОЛЕВА

ГЛАВНЫЙ

С юных лет он мечтал летать и летал — на тех аппаратах, которые разрабатывал и создавал сам. Ему не довелось полететь лишь на космическом корабле. Это сделали другие, его ученики и последователи. Сегодня они рассказывают о своем учителе, академике Сергее Павловиче Королеве.

Вспоминают летчики-космонавты СССР Г. М. Гречко, В. Н. Кубасов, В. И. Севастьянов, К. П. Феоктистов.

Сергей Павлович Королев.

В. И. СЕВАСТЬЯНОВ. Чем больше проходит времени, тем яснее ощущаешь значение сделанного им, тем все больше поражаешься его многогранному таланту. Вот, например, его смелости. Именно ей обязаны многие этапные достижения космонавтики. Так, до полета Юрия Гагарина летали искусственные спутники. И не все бывало гладко. Нужна была колоссальная смелость для принятия решения о запуске в космос человека. И вот полет состоялся, он длился 108 минут, один виток. Казалось, следующий полет будет двух-трехвитковый, не больше. Но нет, СП — так его называли — нацеливается сразу на суточный. Высокая медицина — категорически против. Королев своего добивается. Затем новая задача — четырехсуточный полет. Снова Королев воюет, убеждает, добивается.

Дальше: СП ставит цель создать двухместный корабль, тот, на котором Алексей Леонов впервые совершил выход в открытый космос. Но для создания такого корабля нужно пойти на жертвы, а именно: убрать катапультируемое кресло, отказаться от скафандров из-за веса и места. Снова нужна огромная смелость. Эта смелость была порождена уверенностью.

Еще пример. Вспомним станцию «Луна-9», впервые в истории совершившую мягкую посадку на Луну. Перед стартом остро стоял вопрос: есть ли на ее поверхности пыль или нет? Знать это было нужно по многим причинам. В частности, для дальнейшего исследования Луны. И вот созывается совещание с участием самых авторитетных астрофизиков. Вопрос один: «Есть на Луне пыль или нет ее?» В который раз мнения разделяются. И тут Королев произносит: «В таком случае решение буду принимать я... Итак, пыли на Луне нет, с этим все». Но в этот момент один из знаменитых ученых вопрошает: «Но где гарантия того, что это так?» Тогда Королев (чувство юмора, как и артистизм, его не покинуло) взял какую-то газету, оторвал от нее лоскуток и написал: «Луна твердая. Королев». Со словами: «Вот вам гарантия» — он вручил бумажку своему оппоненту.

К. П. ФЕОКТИСТОВ. Характер у СП был непростой, крутой. Поэтому как с человеком с ним бывало очень трудно. Но при всем этом он обладал замечательным даром слушать, выслушивать людей до конца, сполна. Пусть не покажется это странным, но любил наш Главный выслушивать изложение нелепых идей, предложений, подчас даже абсолютный бред. Он относился к этому занятию со всей серьезностью, он выискивал в этих идеях и предложениях драгоценные крупицы — стоящие, настоящие идеи и сортировал и раскладывал их по важности. Он поразительно мог определить, что именно можно реализовать сейчас, срочно, а не позднее.

Г. М. ГРЕЧКО. Я о трудности его характера. Вот он всегда требовал, чтобы о результатах тех или иных испытаний докладывать ему первому. Однажды после испытаний на космодроме идем мы с одним из ведущих специалистов по двигателям. Вдруг я вижу, как мой спутник прямо на глазах бледнеет и сжимается — навстречу нам — СП. Дело в том, что мой спутник после проведенных испытаний, закопавшись в телеметрических лентах, не успел доложить о результатах Главному, а последствия теперь предвидеть было нетрудно. Эти последствия в сей момент грозно надвигались. И вот посыпались обещания Главного о том, что он «лишит всех наград и званий» и что «пустит по шпалам» (то было его весьма расхожее выражение).

Что говорить, сцена была не из приятных, но с абсолютной достоверностью известно, что ни одно из подобных обещаний Королев не выполнил.

К. П. ФЕОКТИСТОВ. Он был требователен к людям, но не более, чем к самому себе. Вспоминаю, как на космодром он летал обычно ночью, чтоб это время уходило, как и положено, на сон. Прилетев, он сразу же приступал к делам. Однажды по прибытии он ни свет ни заря созвал совещание. Ему отвечают: нельзя ли провести его попозже, люди с дороги устали, спят.

Королев: «Как спят? А что же они делали ночью в самолете?»

В. Н. КУБАСОВ. К нему шли смело, шли не только с идеями, но с любыми личными вопросами. Окончив МАИ, я поначалу был распределен на одно предприятие, откуда очень скоро устремился мыслями в королевское конструкторское бюро. Наконец в отделе кадров этого КБ мне удалось договориться о приеме на работу, но без предоставления общежития. Я снова собрался в отдел кадров, но знающие люди мне отсоветовали. И добавили: «Напиши заявление на имя самого». Я и написал. Вопрос был решен мгновенно, причем на моем заявлении я увидел собственноручную подпись Королева: «Молодых специалистов нужно всегда обеспечивать жильем».

Г. М. ГРЕЧКО. По личным вопросам к Сергею Павловичу люди часто попадали по утрам, до начала работы. Причем скорее не «попадали», а «нападали». Работал он в день не меньше двенадцати часов, приходил обычно минут за тридцать до начала рабочего дня. И вот сколько раз можно было наблюдать, как по пути в кабинет его кто-нибудь подстережет. Будь то начальник отдела, техник, рабочий, машинистка — он всегда всех внимательно выслушивал. Я тогда часто думал: странно, ведь человек недаром пораньше приходит, у него сейчас свои определенные планы, мысли, а тут сбой получается. Теперь я понимаю, что эти личные дела других для него были столь же важны, как и общее дело.

В. Н. КУБАСОВ. Он много общался с рабочими, особенно на космодроме, в напряженные периоды предстартовых подготовок. Понимал всю сложность и ответственность их труда, где нет, не может быть мелочей. Часто Сергей Павлович заходил в монтажно-испытательный корпус и подолгу там оставался. Далеко не всегда говорил с рабочими о служебных делах. Понимал, что люди устают, что им нужна простая человеческая поддержка. Многих рабочих он знал не просто по именам, знал об их семьях, интересах. Ну, и, конечно, помочь рабочему в личном деле — об этом и говорить, я думаю, излишне.

Г. М. ГРЕЧКО. А я вспоминаю, как нас, молодых специалистов, Главный не раз приглашал на космодроме в свой теперь знаменитый домик. Вспоминаю долгие беседы за полночь. Об истории космической техники, о ее будущем. О жизни вообще и в частности. На нас, молодых, эти встречи оказывали такое влияние, которое переоценить невозможно. Все люди, окружавшие Королева, работавшие под его началом, были одержимыми. В конце концов именно эта одержимость сыграла решающую роль в том, чего удалось достичь космонавтике за столь короткое время.

КОНСТРУКТОР

ОН ЗДЕСЬ РАБОТАЛ

Каждый день мы с волнением открываем эту комнату — здесь все говорит о ее хозяине. Двадцать лет трудовой жизни Сергея Павловича Королева воскрешает в памяти посетителей экспозиция музея. И сколько бы мы ни говорили об ученом, самые достоверные слова о нем — его письма, резолюции, фотографии, предметы, окружавшие его при жизни и хранящие память о Главном конструкторе.

В витринах фотографии, письма, вымпелы, книги. Все, что здесь собрано, принесли люди, знавшие Сергея Павловича, работавшие с ним.

В течение многих лет они хранили эти бесценные реликвии, а сейчас передали их в музей.

Рабочий уголок первого послевоенного кабинета Королева: письменный стол, шкаф для книг, пульт связи, напольные часы и другие вещественные свидетели истории тех лет...

На письменном столе папка для служебных бумаг, в правом верхнем углу тиснение: «Королев С. П.». Здесь и серая мраморная пепельница с белым львом. Сергей Павлович курил хотя и мало, но пепельница всегда стояла на столе для его курящих сотрудников. Чернильный прибор, на нем прозрачная пластиковая ручка и карандаши — синий, красный. Сергей Павлович любил, чтобы остро отточенные карандаши всегда были под рукой. Ими он писал и подписывал многие деловые бумаги. Резолюции он писал крупным, размашистым почерком. Красным — подписывал важные, срочные, не терпящие отлагательств деловые письма и бумаги, синим — менее срочные, менее важные, хотя неважных дел у Сергея Павловича не было. Стоит на столе и старинной работы телефонный аппарат для служебной связи, его бережно сохранили сотрудники связи и подарили музею.

С юношеских лет будущий ученый увлекался авиацией, был пилотом-парителем, строил планеры и самолеты, а увлекшись идеями К. Э. Циолковского, решил строить ракеты и летать на них. Здоровье не позволило осуществить мечту о собственном полете на ракете, но все его мысли были заняты подготовкой и осуществлением такого полета. Время полета человека в космос приближалось. Были уже запущены первые советские искусственные спутники Земли, первые космические корабли. Пассажиры — собачки Белка и Стрелка, Чернушка, Звездочка вернулись благополучно на Землю. Все говорили о полете человека, все жили мечтами и делами по созданию первого космического корабля для полета человека. И, конечно, многие спрашивали: а какой будет корабль? Даже в минуту отдыха, вроде бы отключившись от дел, Королев не забывал о главном деле своей жизни. И мы видим это на шуточно-лирическом рисунке. Космический корабль летит над мирной планетой, где растут милые сердцу землян ромашки. Это было 17 августа 1960 года.

А 12 апреля 1961 года первый космонавт планеты — гражданин Советского Союза Юрий Алексеевич Гагарин, пролетая над Землей на космическом корабле «Восток», был поражен красотой и величием Земли.

Вот ключи от служебных помещений. На одном из них по заказу Сергея Павловича сделана насечка, чтобы, не тратя времени на поиски, можно было легко его найти.

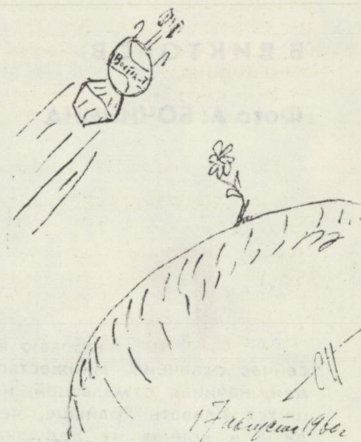
Подходим к витрине. Здесь хранится заметка, написанная Сергеем Павловичем в свою газету. На одной из конференций редактор газеты покритиковала его за слабое участие в работе газеты. И тут же во время работы конференции, в перерыве между заседаниями, он написал заметку в газету. Так появилось это новогоднее поздравление коллективу.

В последнее время экспозиция нашего музея пополняется новыми экспонатами. Это флажки, значки, вымпелы, связанные с осуществлением программы «Интеркосмос». Еще в 1961 году Сергей Павлович говорил, что результаты полетов в космическое пространство «хотелось бы поставить на службу прежде всего нашему народу, народам социалистических стран и всем прогрессивным народам мира...». Программа «Интеркосмос» явилась воплощением его идей и стремлений. Отправляясь в полет, космонавты берут с собой не только все необходимое для работы, но также и любимые книги, фотографии, флажки стран — участниц полета, медали, вымпелы. После завершения полета все эти предметы здесь, на Земле, становятся бесценными реликвиями. Эти дорогие реликвии вручаются космонавтам в память об успешном завершении полета, становятся достоянием музеев. И каждая из них связана с именем Главного конструктора ракетно-космических систем.

В книге «Творческое наследие академика Сергея Павловича Королева», побывавшей на борту орбитального комплекса «Салют-6»—«Союз-Т-4» — «Союз-39», есть такая запись: «Все то, что делается сегодня на орбитальной станции «Салют-6», предначертано Сергеем Павловичем. Дело С. П. Королева живет в трудах его учеников и последователей». Подпись: В. Коваленок, В. Савиных, В. Джанибеков и Ж. Гуррагча. Дата — 26 марта 1981 года.

Проходит время, но документы, фотографии, письма хранят память о незабываемых событиях.

Н. АЛЬКОВА,
руководитель музея

Полет корабля «Восток» — шутливый рисунок Сергея Павловича, сделанный 17 августа 1960 года.

Здесь работал Главный конструктор.

ЛЮБОВЬ К ВОДЕ

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА

Любовью к воде сейчас охвачено множество людей, начиная с малышей, научившихся плавать раньше, чем ходить, и кончая их дедушками и бабушками. О повсеместном, массовом увлечении плаванием и рассказывает наша цветная вкладка, а комментирует это плавательное чудо главный тренер сборной команды страны Сергей Михайлович Вайцеховский.

Мы взяли у Сергея Михайловича интервью, но прежде чем привести его ответы, считаем необходимым предпослать нашей беседе с ним небольшое предисловие.

С именем Вайцеховского связаны не только стремительные успехи советских пловцов на многих международных соревнованиях, включая и Олимпийские игры, но и неиссякаемый приток в большое плавание свежих сил, которые зреют в 550 детских спортивных школах, работающих в нашей стране.

С пловцами международного класса занимается в общем небольшая группа тренеров, но к своим ближайшим соратникам Вайцеховский убежденно причисляет и те 5000 тренеров, которые занимаются с детьми в детских спортивных школах, раскрывают своим юным питомцам основы мастерства, прививают им любовь к воде на всю жизнь.

Да, интересы Сергея Михайловича Вайцеховского значительно шире рамок сборной, несмотря на то, что забот у него с нею полный рот. Но Вайцеховский убежден в том, что, не сочетая в своей работе проблем мастерства с массовостью, невозможно добиться последовательных успехов в большом спорте. Он считает, что сборная для того, чтобы оставаться стабильно сильной, нуждается в непрерывном притоке новых сил, и силы эти иссякнут быстро, если плавание перестанет быть массовым увлечением многих тысяч самых обыкновенных мальчиков и девочек.

Но это же прописная истина — может подумать читатель, знакомый с основами советской системы развития физкультуры и спорта. Кто же это станет отрицать? Но одно дело провозгласить единство двух задач — массовости и мастерства, а другое — построить на этом единстве всю свою повседневную работу. А Вайцеховский с того самого дня, когда после неудачного выступления советских пловцов на Олимпийских играх 1972 года, где они заняли одиннадцатое место, возглавил подготовку сборной команды, считает, не на словах, а на деле, что только массовость рождает мастерство, а мастерство, в свою очередь, вызывает все больший приток в спорт способной молодежи.

И Вайцеховский применил этот всем известный постулат в своей практической деятельности и видит в каждом никому не известном маленьком пловце будущего члена сборной команды страны. Для него все питомцы детских спортивных школ, работающих во многих городах страны, входят как бы в запасной состав сборной, являются ее неистощимым резервом. Вот в этом и надо искать объяснение стремительным успехам сборной команды. Вот почему уже через два года после того, как Вайцеховский взял бразды правления в свои руки, советские пловцы на чемпионате Европы 1974 года завоевали две золотые медали, а еще через два года на Олимпийских играх в Монреале Марина Кошевая, Марина Юрченя и Людмила Русанова поднялись на пьедестал почета, завоевав все призовые медали в плавании брассом на двести метров.

С тех пор число побед, одержанных советскими пловцами, неуклонно росло. На чемпионате Европы 1974 года было завоевано шесть золотых медалей, на первенстве мира 1978 года — четыре. В том же 1978 году сборная команда СССР впервые выиграла у сборной команды ГДР. На Московской Олимпиаде питомцы Вайцеховского завоевали восемь золотых медалей, а на чемпионате Европы нынешнего года — десять.

Ну, а теперь, когда мы познакомились с Сергеем Михайловичем Вайцеховским, приступаем к беседе с ним, главным тренером сборной команды.

— Скажите, пожалуйста, Сергей Михайлович, почему плавание называют вице-королевой спорта? Что скрывается за этим пышным титулом?

— Двадцать девять комплектов олимпийских медалей. Только легкая атлетика, которую, как известно, величают королевой спорта, обладает большими возможностями, чем плавание. Понятно было наше огорчение, когда на Олимпиаде в Мюнхене мы дожили до того, что ни один советский пловец не смог добиться победы.

— С чего началась ваша работа в сборной команде страны?

— Я занялся изучением работы детских спортивных школ. Ну и, конечно, постарался познакомиться с наиболее способными молодыми пловцами, которые в будущем могли бы пополнить состав сборной команды страны.

— Сколько лет требуется для того, чтобы подготовить высококлассного пловца?

— В среднем лет шесть-семь. К тринадцати-четырнадцати годам, если молодой пловец обладает способностями к плаванию, трудолюбием, психологической устойчивостью и желанием побеждать, он может претендовать на место в сборной. Ну, а полного расцвета своих сил новобранец сборной достигает еще года через два-три, работая с самыми компетентными тренерами.

— Таким образом, плавание наряду с гимнастикой и фигурным катанием принадлежит к тем видам спорта, которые очень помолодели? А Олимпийская хартия не определяет возрастные границы для спортсменов?

— Статья 40 Олимпийской хартии гласит, что для участников Олимпийских игр нет возрастных границ. Уже в Олимпиаде 1952 года в Хельсинки участвовали тринадцати-четырнадцатилетние мальчики и девочки, и большинство из них были пловцами. Правда, на Олимпийском конгрессе МОКа в Баден-Бадене внесено предложение установить для участников Игр минимальный возраст — пятнадцать-шестнадцать лет, но, как я уже говорил, это и есть самый благоприятный стартовый возраст пловца.

— А сколько лет длится активная жизнь пловца?

— Шесть-семь лет.

— Таким образом, сильнейшего пловца мира, мирового рекордсмена, двукратного чемпиона Олимпийских игр Сальникова можно считать уже ветераном?

— Да, Сальников в свои двадцать два года один из самых «старых» пловцов сборной команды. Старше его только один спортсмен — Алексей Марковский, ему двадцать три года, что не помешало ему завоевать три золотые медали на чемпионате Европы нынешнего года. Конечно, слово «старый» никак не вяжется с двадцатидвухлетним атлетом, полным сил, но средний возраст нашей сборной — восемнадцать лет, и в этом ее сила.

— А у Сальникова есть уже сменщик?

— Да, есть. Его фамилия Чаев. Он недавно заменил Сальникова, выступая на соревнованиях в США, и выиграл у сильнейших американских кролистов. Саше Чаеву девятнадцать лет.

— Итак, вся деятельность тренера в сборной команде связана с непрестанными проводами любимых учеников. Не грустно ли это?

— Увы, такова жизнь. Но нам помогает убежденность в том, что мы со своими учениками не расстаемся, что они остаются с нами даже тогда, когда уступают свои места в сборной. У нас в сборной есть свой традиционный день — 21 июля. В этот день собираются вместе все те, кто когда-либо выступал под ее знаменами. Почему именно этот день стал праздничным? Потому что 21 июля 1976 года на Олимпийских играх в Монреале Марина Кошевая, Марина Юрченя и Людмила Русанова положили начало нашим последующим успехам. Нынешние члены сборной команды никогда не забывают своих предшественников, уважают их, числят их в своих рядах.

— А когда эти три замечательные спортсменки уступили свои места «сменщицам»?

— В 1977 году у нас появилась в команде Юля Богданова, завоевавшая золотые медали на дистанции 100 и 200 метров брассом на чемпионате Европы, уже в 1978 году на чемпионате мира вместе с ней поднялась на пьедестал почета ныне широко известная в мире Лина Качюшите. И уже сейчас есть новые звезды брасса — 17-летняя Лариса Белоконь и 16-летняя Айшкуте Бузелите.

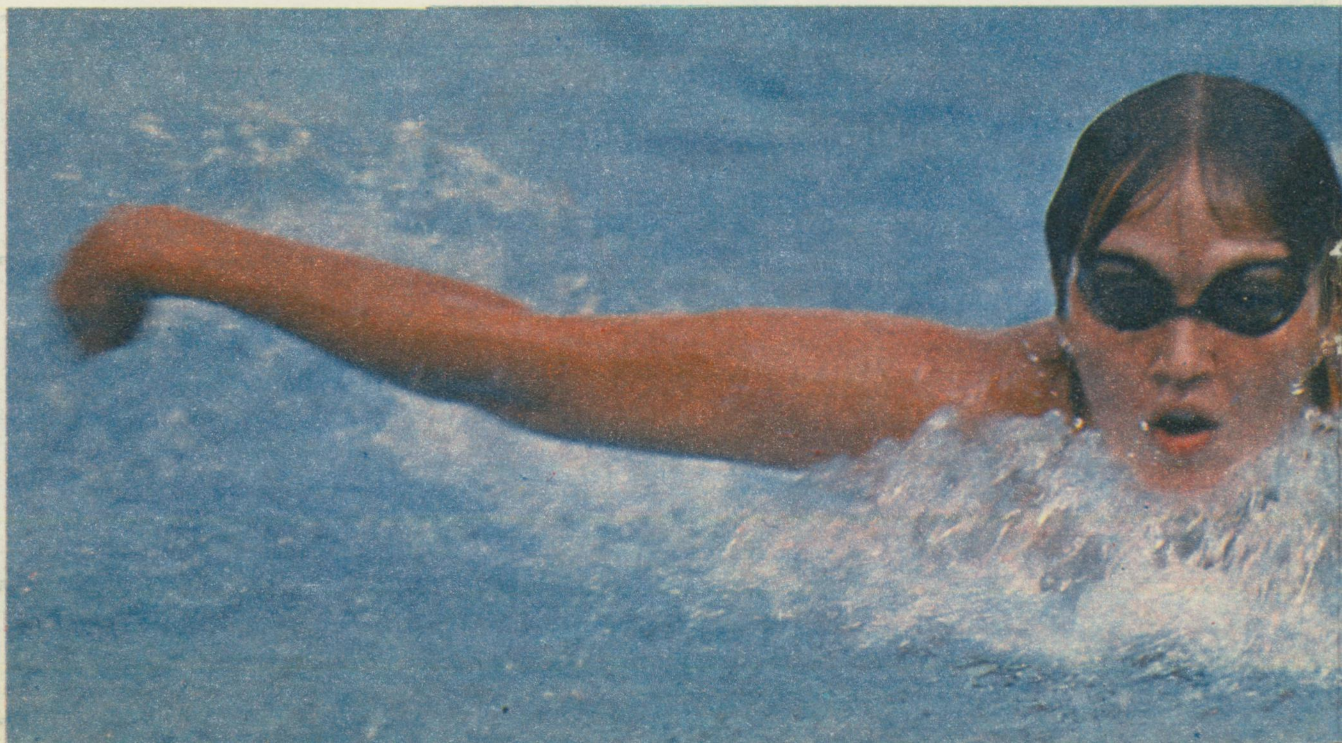
— Удается ли тренерам сборной сохранять такую преемственность во всех способах плавания?

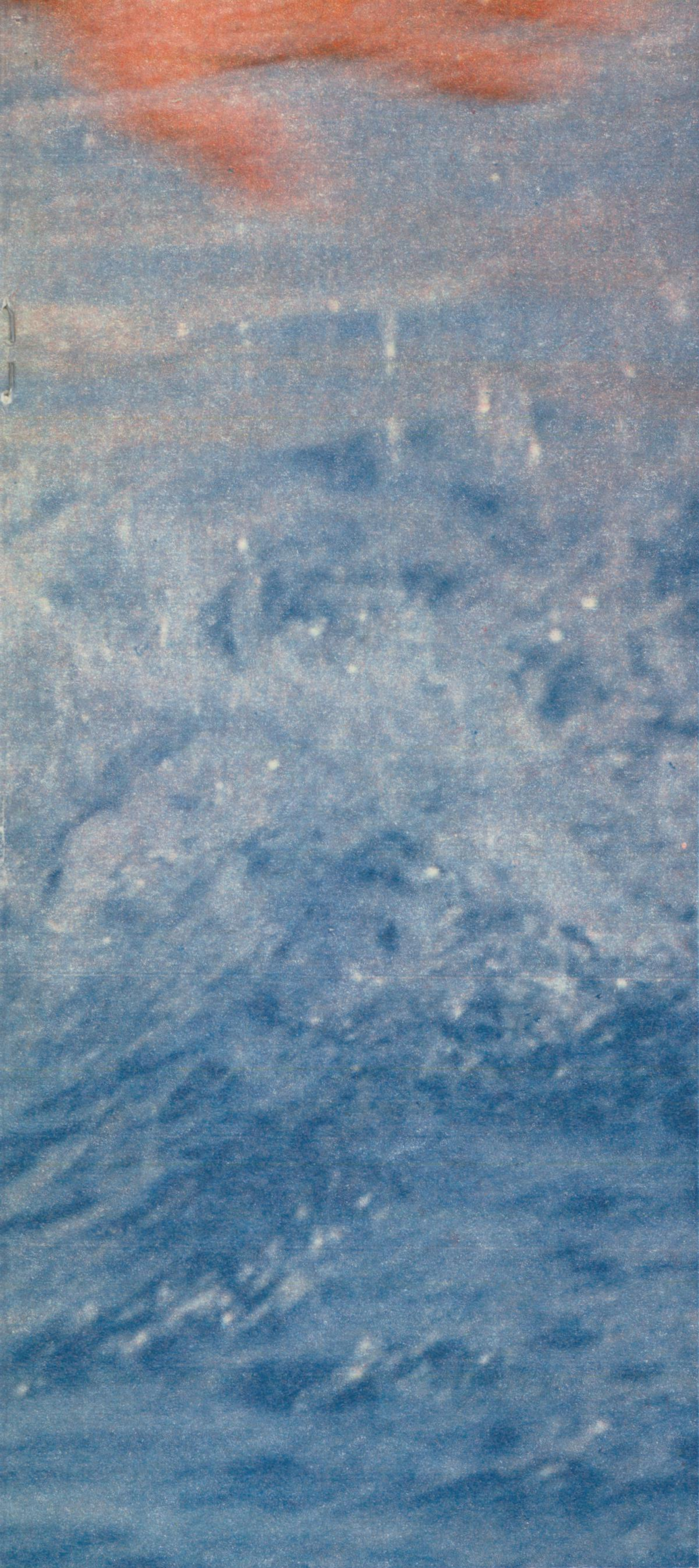
— Увы, нет. Для того, чтобы можно было положительно ответить на этот вопрос, надо, чтобы у нас не было слабых мест во всей широкой программе, во всех четырех способах плавания. А пока мы этим похвастаться не можем. Если в таком сложном способе плавания, как брасс, у нас есть опытные тренеры и отличные пловцы, то, например, на коротких дистанциях кроля у женщин успехи значительно меньшие. Многое нам предстоит сделать для повышения результатов в комбинированном плавании, в баттерфляе, в плавании на спине, хотя

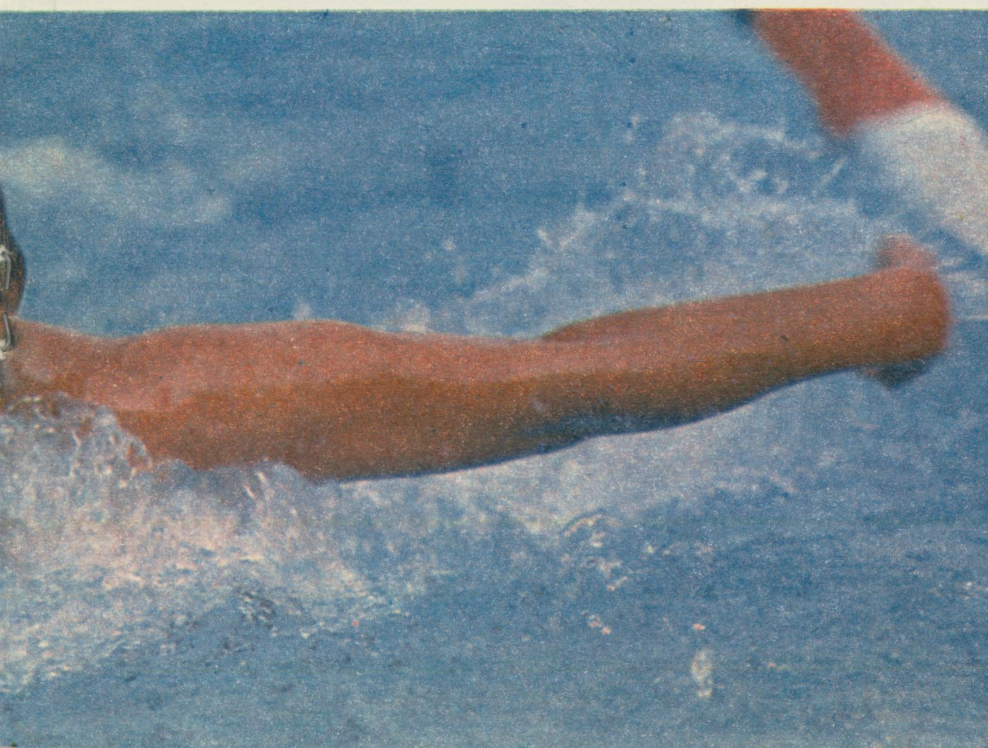
Многократный чемпион страны С. П. Бойченко с юными пловцами * Под водой.

На развороте вкладки: Олимпийский чемпион В. Сальников * С. Абрамова (СКА, Ленинград) и О. Высоцкая (Узбекистан) * Тренеры В. Смелова (Харьков) И. Кошкин (Ленинград) * И. Аксенова (Ленинград) * Слева направо: брасситки Л. Белоконь (Узбекистан), А. Бузелите (Вильнюс) и В. Мельева (Краснодар).

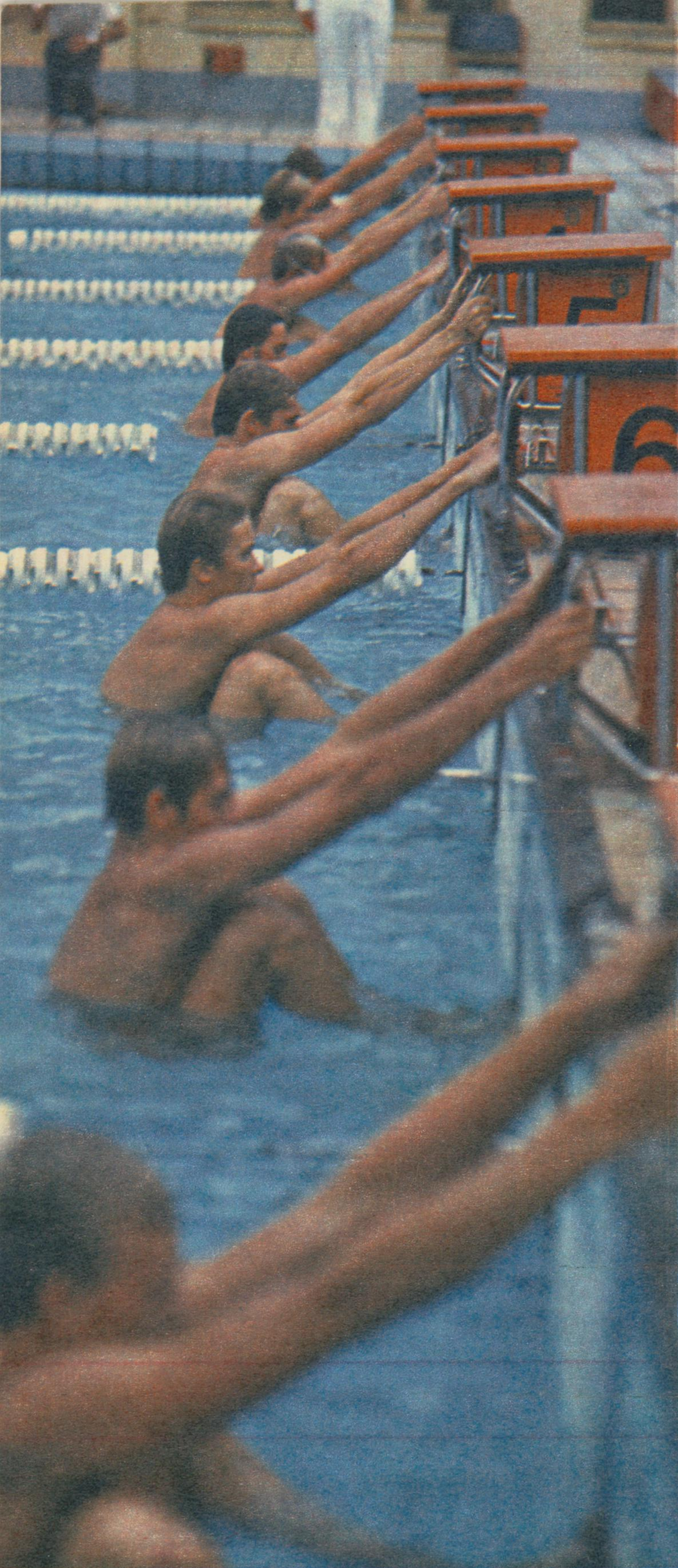

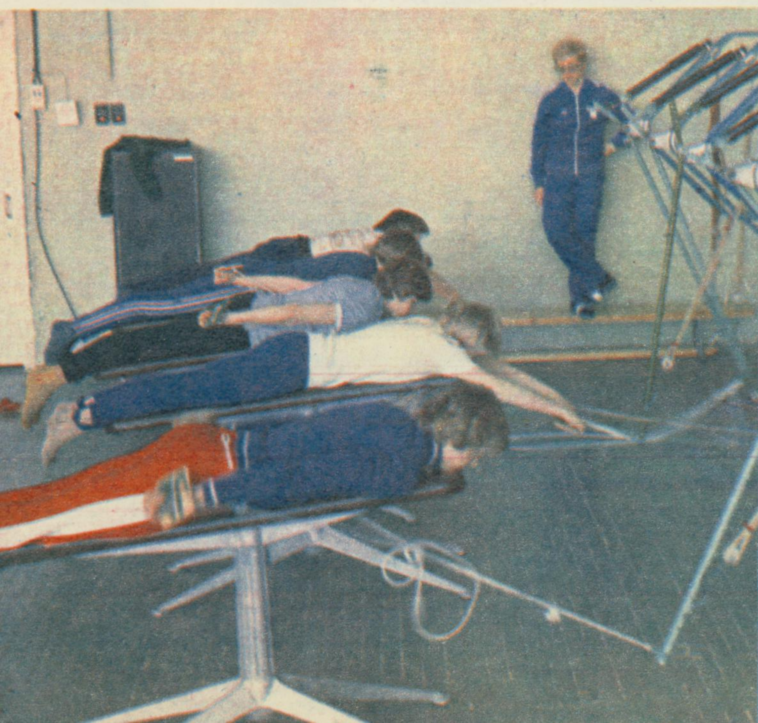

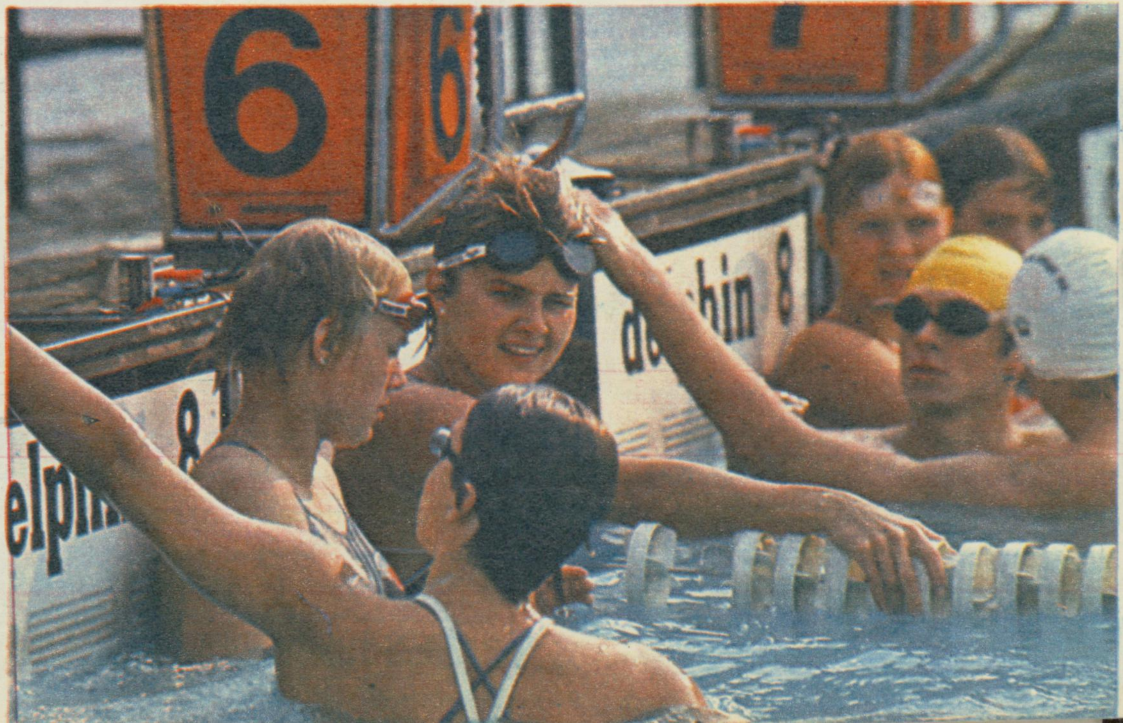

6

СИЛЬНЕЕ!
CITIUS

6
6

здесь мы немного подтянулись. Появились у нас и сильные брассисты, такие, как Роберт Жулпа и Юрий Кисс, так что в способе плавания брассом мы можем считать себя лидерами, но разве можно примириться с тем, что, кроме брасса, в женском плавании мы уступаем спортсменкам ГДР и США?

— Создана ли у нас единая методика подготовки пловцов?

— Да, мы работаем по единому методу, и теперь этот метод тщательно изучают за рубежом, в тех странах, которые издавна славятся своими сильными пловцами. Так, например, в США изучается метод тренировки наших пловцов на длинные дистанции — ведь в плавании на 1500 метров вольным стилем Сальников никому не проиграл в течение последних трех лет. Вот и приходится американским тренерам, которые всегда гордились успехами своих учеников в кроле, считаться с нами. Но и мы, в свою очередь, поддерживаем систематические творческие контакты с нашими американскими коллегами, многому учимся у них.

— Как распространяются передовые методы подготовки пловцов среди многочисленных тренеров нашей страны?

— Мы встречаемся на ежегодных конференциях, обмениваясь опытом, и каждый рядовой тренер спортивной школы хорошо осведомлен о работе ведущих тренеров.

— Кто входит в эту ведущую группу?

— В группу тренеров, непосредственно работающих в сборной команде страны, входят ленинградцы Генрих Яроцкий, Игорь Кошкин, Марина Амирова, харьковчане Вера Смелова и Леонид Капшученко, одессит Борис Зенов, москвич Владимир Купляков. Но надо учитывать, что, кроме основных плавательных центров, в нашей стране работают еще сорок других, в которых готовится резерв сборной команды страны. Мы придаем огромное значение труду тренера. Считаем, что он схож с творчеством художника, требует высокого мастерства. У тренера в плавательном спорте много специфических трудностей, связанных с возрастом его питомцев. Ведь он имеет дело с детьми и подростками. А для того, чтобы добиться успехов в современном спорте, требуются большие физические усилия, несокрушимая внутренняя дисциплина спортсмена, убежденность, что он сможет добиться больших успехов. Все эти качества надо воспитать у молодежи.

— Сколько юниоров находятся сейчас под наблюдением тренеров сборной?

— Мы знаем по именам и фамилиям 120 человек. Следим за их выступлениями. Учитываем их возможности. Постепенно этот круг, конечно, сузится и, вероятно, дойдет до трех десятков человек, а в сборную придут единицы. Увы, не всем, кто посвящает свое время плаванию и мечтает о больших победах, удается стать в ряд сильнейших пловцов. Но те, кто не попадет в сборную, из спорта не уйдут. Они будут выступать на соревнованиях и сохранят свою любовь к воде на всю жизнь.

Старт * Тренировка пловцов в зале * Так рождаются пловцы * Бассейн «Олимпийский» * На тренировке.

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ ДАМДИНОВА

ИЗ ПЕСЕННОЙ СТРАНЫ

Эти слова можно было бы смело поставить эпиграфом к двухтомнику избранных произведений известного бурятского поэта Николая Дамдинова, вышедшему к его пятидесятилетию.

Николай Дамдинов ранее не раз приковывал к себе внимание и вызывал неподдельный серьезный интерес как у читателей, так и у критиков своими колоритными книгами и отдельными яркими публикациями. Но сейчас они, собранные вместе под одной обложкой, читаются и смотрятся уже в совершенно новом качестве, имеют цельный характер и дают наиболее полное представление о творчестве самобытного мастера слова. За отобранными на суд читателей произведениями легко угадывается и сам автор — человек четких, убежденных позиций, с гражданской страстью воспевающий дружбу братских народов нашей страны, знающий многому в жизни цену и умеющий неторопливо обдумывать происходящее в мире.

Как, например, через ольховую сережку можно многое узнать о самом дереве, породившем ее, так и через личную жизнь и творчество Николая Дамдинова у нас есть возможность проследить за исторической судьбой его родного бурятского народа.

«Эй, баргузин, пошевеливай вал!» Многие знают эти припевные слова известной песни о священном Байкале. С молоком матери впитал их и маленький Коля, «отхон» (самый младший сын) одного из вожаков улусских колхозников — Дамдина Гармаева, активно стремившегося к новой, свободной жизни. Неповторимая природа родимых мест (стремительная река Баргузин, живописная долина, легендарная Бархан-гора), жизнь среди скотоводов, охотников и рыболовов, их устные сказания и легенды о подвигах Гэсэра и других богатырей бурятской земли надолго запали в душу мальчугана, постоянно будоражили его воображение. Позднее, вспоминая родные места, он напишет:

Мой отчий край соседствует
с Байкалом,
И Баргузин всю жизнь спешит
туда,
Где медленно вздымает вал
за валом
Бездонная, былинная вода...
В ветвях крадется соболь,
замирая,
Хребты надежно держат
небосвод.
Откуда я? Из песенного края!
Кто я такой?
Сын этих гор и вод!
(Перевод О. Дмитриева)

Много нелегкого запомнится из детских лет будущему поэту — и трагическая смерть отца (его убили бандиты, противники коллективизации), и похоронка на старшего брата лейтенанта Цыдыпа Дамдинова, павшего смертью храбрых в бою с немецко-фашистскими захватчиками неподалеку от Москвы. Все это потом войдет в его произведения «Имя отца», «Ночь тридцатой весны», а тема перехода бурят к новой жизни, строительства в его родном краю социализма станет главной в его творчестве.

Вчитываясь в открытые, как взгляды друга, строки Николая Дамдинова, все больше и больше убеждаешься, что удачно и полноценно могут отражаться исторические события и общественные проблемы только тогда, когда они проходят и выражаются через собственную авторскую судьбу, через его личную оптику. Слово может остаться в памяти других, лишь когда оно выстрадано, выношено и рождено их автором, активно участвующим в жизни своего народа.

Это и является одной из причин успеха в большинстве автобиографических произведений народного поэта Бурятии, ставших заметным явлением в сегодняшней многонациональной советской поэзии.

Трудно, конечно, предположить, как бы сложилась творческая судьба бурята-сироты, если бы не наш социалистический строй. Учеником девятого класса Николай Дамдинов впервые опубликовал свои стихи на страницах газеты «Бурят-Монголой Унэн» и в альманахе «Байкал». Они были замечены, и их автор по рекомендации Союза писателей республики через год поступает учиться в Литературный институт имени А. М. Горького, который, по признанию самого поэта, дал ему очень многое.

Событием на всю жизнь стала для литинститутовца встреча в студенческом общежитии с Александром Трифоновичем Твардовским, который, прослушав его поэму «Песнь степей», рекомендовал ее для публикации в «Новом мире». Заметил способного юношу и опытный «бригадир поэтов» Ярослав Смеляков. По его предложению в журнале «Дружба народов» были напечатаны две дамдиновские поэмы — «Имя отца» и «Учитель мой — Ленин». Поддержал в самом начале творческого пути Николая Дамдинова и журнал «Огонек», познакомив своих читателей с его поэмой «Новая земля».

Одаренный, многообещающий юноша проявил в своем ремесле завидное трудолюбие, упорно овладевая литературным мастерством. Николай Дамдинов, получивший современное литературное образование и воспитанный на традициях русской и советской классики, сумел стать одним из признанных знатоков бурятского устного эпоса. В поэмах «Легенда об Ангаре», «Возвращение Батыра», пьесе «Доржи Банзаров» автор показывает глубокое знание прошлого бурят, их преданий, обычаев и языка. Немало сделано Николаем Дамдиновым в области стихотворной формы. Вслед за Дашинимаевым, Абидуевым и Галсановым он успешно применяет в бурятской поэзии рифму. Благодаря его усилиям рифма в сегодняшнем его родном поэтическом языке стала привычной. Дамдинов первым на бурятском языке создал венок сонетов «Звездный путь».

Чувствуется, что Николай Дамдинов находится в расцвете творческих сил, он на подъеме, и мы от него в ближайшее время можем ждать создания новых высокохудожественных произведений. Поэт не остановится на достигнутом. Впрочем, об этом он убедительно сказал сам: «Поэт в постоянном долгу перед современниками, перед историей и, конечно же, перед будущим. Когда чувствуешь всю неохватность своего долга, удовлетворяться сделанным не приходится. Размеры того, что нужно успеть выполнить, возвышают душу, делая человека одновременно и гордым и скромным».

Портрет писателя Дамдинова был бы неполным, если не сказать несколько слов о его большой общественной деятельности, которая органически связана с творческой жизнью поэта. Он депутат Верховного Совета СССР. Как руководитель писательской организации Бурятии и секретарь правления Союза писателей РСФСР Н. Дамдинов много сил отдает развитию национальной литературы, многие молодые авторы постоянно ощущают его дружескую и творческую поддержку.

Николай ЛАЛАКИН

ДЕКАД

Лев **РУДНИЦКИЙ**

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Офис прокатной фирмы «Розз энд Розз» располагался на втором этаже четырехэтажного дома на улице Святой Катарины. Все комнаты выходили окнами на оживленную, не слишком широкую магистраль. Пестрый нескончаемый поток автомашин отражался в огромных витринах дорогих универмагов, окнах ресторанов, баров и кабаре, в зеркальных подъездах фешенебельных отелей. Особняком стояли громады из бетона, стекла и стали. В небоскребах помещались крупнейшие банки, правления промышленных концернов и ведущих торговых компаний.

Именно поэтому «Розз энд Розз» арендовала офис на этой улице и ютилась всего в четырех комнатах, хотя за те же две тысячи долларов можно было снять восемь — десять комнат всего в пятистах метрах отсюда.

В кабинете владельцев фирмы братьев Майкла и Эйба Розз стояли два одинаковых, очень широких письменных стола, отделанных под темный орех. Из-за непомерной величины столы казались слишком низкими. За каждым размещалось по мягкому рабочему креслу-вертушке с откидной спинкой.

В правом углу стола были удобно утоплены три телефонные трубки: белая, черная, красная. Рядом с ними пульт с десятком кнопок и едва заметная решетка микрофона.

Все в кабинете располагалось симметрично, очевидно, для того, чтобы подчеркнуть равные права братьев-владельцев. И все же разница была.

На стене напротив стола Эйба Розза висела неплохая копия натюрморта, купленная в приличном салоне. Сочные фрукты и только что разрезанный арбуз лежали на потемневшей от времени дубовой доске. Они казались тусклыми в соседстве со сверкающим чистотой и полировкой столом.

Часть кабинета Майкла Розза отличалась от той, что принадлежала младшему брату.

Десятки деловых бумаг, книг, справочников, несколько номеров утренних, дневных и вечерних выпусков газет были разбросаны на столе, подоконниках и даже на полу.

А напротив этого бедлама — хозяин, впрочем, хорошо разбирался в нем, уверенно доставал нужную бумагу и безошибочно раскрывал именно ту рекламную полосу газеты, где имелись необходимые сведения,— висела другая картина. Это была тоже копия, но сделанная одним из учеников великого фламандца. Майкл привез ее из Европы.

Розз-старший купил полотно на аукционе. Он отвалил за него столько, что и по сей день не решался сказать о цене ни жене, ни брату. Майкл очень любил это полотно школы Рубенса. Неукротимый нрав, грубоватый реализм, неуемная любовь к жизни были доступны и понятны Майклу, внушали ему веру в себя.

Апрельский день клонился к вечеру. Майкл устал. Он с удовольствием подумал о том, что сегодня файф-о-клок будет лишь полуделовым. Просто он заедет за женой. Вместе они отправятся в ресторанчик, где любили иногда пообедать, и заодно обговорят с хозяином окончательное меню и прочие подробности предстоящего торжества по случаю совершеннолетия их старшего сына Боба.

Майкл наклонился к решетке микрофона в столе и сказал: «Зайди, девочка». Она вошла не сразу. «Видно, поправляет прическу. Все еще хочет сохранить молодость»,— подумал Майкл. Теплая и немного грустная улыбка шевельнула его губы.

Наконец Энн вошла.

— Я слушаю, шеф...

Он открыто и приветливо улыбнулся ей, оглядывая стройную фигуру, красивые ноги, лицо, на котором морщинки не уничтожили былой красоты. Она не выдержала и улыбнулась в ответ.

— Я уже давно не девочка, Майкл. Все ушло...

— Не-е-ет.— Он упрямо мотнул головой.— Остались дружба и вера. Это не так уж мало... А?!

— Наверно, ты, как всегда, прав,— согласилась она.

Он утверждающе кивнул головой, затем продолжил уже по-деловому:

— Пожалуйста, рекламу отправь в Эн-Би-Си. Она должна быть в эфире именно в среду. Второе. Сообщи Эйбу, что деньги из Мексики поступили. Третье. Позвони моей жене и скажи, чтобы заехала через тридцать минут... И... четвертое...— сказал он немного протяжно.

Она догадалась, почувствовала, что начала краснеть, и рассердилась на себя.

— Послезавтра тебе сорок. Это выпадает как раз на уик-энд. Мы с Эйбом поздравляем тебя. Вот чек. Купи, что хочешь...

...Нажимая кнопки с цифрами на телефонном аппарате, она с грустью думала о своем сорокалетии и о том, что Майкл по-прежнему заботлив и по-прежнему нечуток. Ну что ему стоило позвонить жене самому? Он, как всегда, видит и любит по-настоящему только дело, только власть и деньги.

Застучал телекс и перебил ее мысли. Она прочитала первую строку. Из Москвы. Эти сообщения шеф приказал докладывать немедленно: Москва была солидным партнером.

Майкл вышел из кабинета. Он хотел постоять минут десять на улице, развеяться.

Энн кивнула на аппарат:

— Из Москвы.

Майкл остановился, дождался конца передачи, прочитал текст.

— А, дьявол,— буркнул он себе под нос и вернулся в кабинет, не закрыв дверь.— Эйб дома?— крикнул он Энн.

— Да. Я уже сообщила ему.

Майкл набрал номер.

— Эйб, ты? Нет, ты не был нужен сегодня больше, чем вчера и всегда. Да, понимаю, общество защиты домашних животных — это очень важно. Но послезавтра совершеннолетие Бобби. Ни минуты свободного времени. И прилетает Эндрю Костров. Не встретить неудобно. Я бы попросил Энн, но у нее сорокалетие. Послушай, а может, пока мы после церкви займемся гостями и устройством дел в ресторане... Что ты делаешь как раз в это время? А-а-а. Ну так вот что, дорогой брат, собери всех кошек и собак города, конечно, из приличных домов, и по очереди поцелуй их под хвост!

Майкл зло бросил трубку и уставился на гуляк. Фламандка с наигранным испугом ждала помощи. Он медленно успокаивался и, глядя на ее притворные усилия, мысленно сказал ей: «Вырвемся!»

Из задумчивости его вывел звук телефонного зуммера и Энн, появившаяся в дверях.

— Кто там еще?— недовольно спросил Майкл.

Она пожала плечами.

— Какой-то мистер Браун...

Майкл поднял черную трубку. Но вместо ответа услышал частые гудки.

— Не ту... Возьмите красную...

Он удивленно взглянул на Энн. Этот телефон знали только его домашние и близкие друзья. Обычно он включен напрямую, минуя секретаря. Майкл перебирал в памяти всех Браунов. Это, наверно, Джонни Браун из Калифорнии. Они вместе воевали. На бомбардировщике, где капитан Розз был командиром, Джонни Браун летал стрелком-радистом.

Майкл схватил трубку.

— Джонни?!

Вместо ответа вежливый вкрадчивый голос спросил:

— Это мистер Розз?

— Да,— разочарованно протянул Майкл.— С кем имею честь?

— Моя фамилия Браун, Фред Браун. Я хотел поговорить с вами.

— Что вас интересует: фильм, кинотеатр, работа? Вы покупаете или продаете?

— Ни то, ни другое, ни третье.

— Тогда не сегодня и не завтра. Давайте на той неделе. Допустим, понедельник, в десять до полудня.

— Нет, сэр. Я хотел бы поговорить с вами завтра, можно в то же время.

— Я хочу знать тему разговора...

— Пожалуйста, сэр. Приезд вашего гостя, будем его так называть, из Москвы.

— О'кэй. Завтра в десять я жду вас.

Хорошее настроение ушло. Майкл с неудовольствием подумал о предстоящей поездке в ресторан и вспомнил о жене: «Дженн уже ждет меня пятнадцать минут».

Он устало направился к двери, кивнул Энн на прощание.

Бой на окраине небольшого польского городка в бывшем Данцигском коридоре поначалу складывался для нас неудачно. Гвардейцы стрелкового полка на танках и автомашинах быстро продвигались вперед. Моторизованная пехота, с ходу перерезав важную для отходящих гитлеровцев дорогу, застряла перед городком.

Положение было трудным. Немцы предпринимали отчаянные попытки вновь овладеть шоссе — единственным для них путем к отступлению. До границ рейха было не более двадцати километров.

Сдерживая бегущих гитлеровцев, гвардейцы сами оказались в тисках. По дороге наступала немецкая пехота. Ее поддерживали остатки танкового полка. С другой стороны, засевшие в городке немцы не жалели боеприпасов. Наша батарея 76-миллиметровых пушек прямой наводкой расстреливала немецкие танки. Несколько машин с разбитыми гусеницами уже зарылись в землю и были брошены экипажами. Пять танков горели, устилая небо черным дымом. А когда в воздухе появились «ИЛы» и стали утюжить отступавших, несколько тысяч немецких солдат и офицеров сдались в плен.

...У командира батареи гвардии лейтенанта Кострова было осколочное ранение в ногу. Но в канун вступления на землю гитлеровского рейха он не хотел покидать строй.

— Никуда не сообщать,— приказал он бин-

А

товавшему ногу пожилому сержанту-санинструктору.

Когда член Военного совета прибыл на батарею, комбат сидел на орудийной станине и кричал в трубку:

— Если не пришлете за ранеными сейчас же, напишу рапорт на имя командующего... Тогда напишу члену Военного совета. Ему можно и без субординации...

В это время его тронули за плечо.

Гвардии лейтенант рассерженно поднял глаза — кто еще ему мешает?— и увидел коренастого офицера в кожаном реглане без погон, в полевой фуражке с зеленым защитным козырьком. Офицер представился:

— Член Военного совета армии полковник Русаков.

Комбат резко вскочил.

— Товарищ гвардии полковник, вверенная мне бат-та-ре...

Из забытья Андрея вывел испуганный голос санинструктора:

— Так он же запретил сообщать. А я вижу, потеря крови большая. Я бы все равно доложил.

Полковник увидел, что Костров открыл глаза, и твердо сказал:

— Не подниматься, лейтенант. Ведете себя как мальчишка... Поедете в медсанбат. Там решат.

— Слушаюсь.

— Командующий армией от имени Президиума Верховного Совета наградил вас и офицеров батареи...

— Живых офицеров, кроме меня, на батарее нет.

— Адъютант, запишите «посмертно». И проследите, чтобы награды были переданы семьям.

Полковник наклонился к Андрею.

— Командарм наградил тебя, гвардии лейтенант...

— Костров,— подсказал санинструктор.

—...Гвардии лейтенант Костров, орденом Отечественной войны первой степени. Сержантов и солдат наградит командир бригады. Приказ последует.

С той поры прошло четверть века. И все это время жизнь разлучала и вновь сталкивала Андрея Кострова с членом Военного совета.

В сорок шестом году гвардии капитан Костров подал рапорт об увольнении в запас. Ему отказали. Он обратился к члену Военного совета группы советских войск. Вместо ответа последовал вызов в штаб группы. Андрея принял член Военного совета генерал Русаков. Он не забыл комбата.

— Как нога?

— В порядке, товарищ генерал.

— Хм...— Генерал покачал головой, улыбнулся.— В вашем положении, капитан, было бы логичнее жаловаться на рану. Почему просите об увольнении в запас?

— Война кончилась. А я человек в общем-то штатский, учиться хочу.

— В академию пошлем.

— Нет, товарищ генерал. Хочу в университет и просто домой, в свою страну.

— А я, значит, не хочу домой? Ты пойдешь на заслуженный отдых, благо тебе уже двадцать один год, а я, поскольку генерал и мне еще только тридцать три года, буду служить и дальше? Если бы не твои раны и ордена, я бы о тебе плохо подумал.

Он помолчал минуту и уже другим, официальным тоном приказал:

— Можете идти, капитан. Решение командования вам сообщат.

Через два месяца поезд увозил уволенного в запас Андрея Кострова в Советский Союз.

...Когда Костров окончил третий курс факультета журналистики Московского университета, дороги их встретились вновь. Андрей был направлен на практику в республиканскую газету. Он пришел представиться главному редактору и с удивлением узнал в нем члена Военного совета Русакова. Тот тоже узнал капитана. С той поры жизнь свела их на долгие годы. После окончания университета молодого журналиста Андрея Кострова направили на работу в ту же республиканскую газету. Главный редактор давал ему самые трудные, а случалось, и опасные поручения. Таким, например, был очерк из района, где орудовала вооруженная банда националистов. Она терроризировала и грабила население, убивала советских активистов.

Три недели пробыл корреспондент в этом районе. Случалось, вместо пера оружием его вновь становился автомат. Здесь он получил четвертую рану.

Когда главного редактора перевели на новую работу в столицу, он вызвал Кострова.

— В Москву работать поедешь?

— Это моя родина.

Так через три года после окончания университета Андрей Костров вновь оказался в Москве к великой радости жены и родителей.

...Обо всем этом думал Андрей Николаевич Костров, сидевший в приемной председателя правления агентства «Луч». Агентство было учреждено с целью организации правдивой киноинформации о нашей стране за рубежом, показа наших социально-политических и экономических достижений, успехов культуры, науки и техники. Одновременно агентство вело большую работу по ознакомлению нашей общественности, деятелей науки и техники с кинодокументами зарубежных стран. На табличке, прикрепленной к двери кабинета, было написано «В. И. Русаков».

Наконец негромко запищал зуммер, и из репродуктора на столе секретаря донеслось:

— Есть кто-нибудь из товарищей?

— Да, Владимир Иванович. Вы вызывали Кострова. Он здесь...

Русаков, несколько располневший, поднялся и обошел стол. Он подал руку Кострову и тяжело опустился в кресло, указав на такое же, стоявшее напротив.

— Задача тебе ясна?— спросил он.

Костров в сотый раз подумал о том, что задача не из легких. Обращение председателя на «ты» было еще одним тому подтверждением. Редкому сотруднику и в редких случаях говорил Владимир Иванович «ты».

— На этот раз твою работу осложнят сами фильмы. Я имею в виду в первую очередь два из них: «Обыкновенный фашизм» и «Великая Отечественная». Официальная санкция властей Канады на проведение декады у нас есть. Но ты хорошо знаешь обстановку в стране. Среди эмигрантов много власовцев, бандеровцев, бежавших из Германии военных преступников... Да и не только они... Кстати, я приготовил тебе книгу. Возвратишь, когда вернешься...

Кострова взял серый том, открыл и вспомнил, что уже читал его. Битый в России гитлеровский генерал всячески преуменьшал роль нашей страны в одержанной над фашизмом победе. Он клеветал на нашу армию, политику и задачи в войне, исход Московской битвы сводил к случайности, а сталинградскую победу объяснял только американской военной помощью и упрямством Гитлера.

— Я читал это,— сказал Костров.

— Прочти еще раз и подумай. Кстати, книга издана за океаном.

На прощание Русаков сказал:

— Помни, валюта нам очень нужна. Однако не план валютных поступлений сейчас главное. Главное — рассказать зрителю за океаном правду о нашей стране, о нашей роли в войне, о нашем вкладе в победу. Рядовой канадец, просмотрев твои фильмы, должен понять: народ, такой ценой добывший победу, не может хотеть войны...

Ровно в десять часов утра дверь из коридора в комнату Энн отворилась. Высокий мужчина уверенной походкой сделал несколько шагов в сторону ее стола.

— Доброе утро. Я Фред Браун,— представился он.— Мистер Розз ждет меня.

Она нажала кнопку и сказала:

— Мистер Браун, шеф.

— Попросите войти,— донеслось из динамика.

Пока Браун представлялся и происходил обмен обычными приветствиями и любезностями, Розз-старший изучал гостя.

Рост — шесть футов. Одет почти строго, но безвкусно. Пожалуй, он уже перешагнул пятидесятилетний рубеж. Довольно полный человек. Глаза бегающие, неопределенного цвета. Коротко остриженные темные волосы. Округлые очертания подбородка, нечеткие линии чуть курносого носа. Парень, должно быть, подловат, трусоват и хитер, решил Майкл.

Пришедший тоже внимательно разглядывал владельца фирмы. Ястребиное лицо Майкла, прямой исподлобья взгляд его темных глаз, чуть наклоненная вперед голова, будто он собирался боднуть клиента, привычка стоять на чуть расставленных ногах и уверенное сознание неуязвимости и силы, которое излучала вся его фигура, смутили Брауна.

Начало беседы затягивалось. Оба почувствовали это, и Майкл решил начать первым.

— Так о чем вы хотели говорить со мной, мистер Браун?

— Нас интересует мистер Костров. Точнее, то, что он собирается делать в нашей стране...

Только теперь Майкл уловил едва заметный акцент в произношении Брауна. Монреаль — город французской Канады, и, чтобы окончательно убедиться в своей догадке, Майкл решил перейти на французский язык. В нем любой акцент проявляется ярче и точнее.

— Что вы имеете в виду под «нашей страной»?— спросил он по-французски.

— Канаду, мсье. Это моя страна,— ответил по-французски Браун.

Сомнений не оставалось: славянский акцент. Перед Роззом был эмигрант — русский или украинский националист. Это привело Майкла в бешенство.

— А я думал, что, говоря «наша страна», вы имеете в виду Россию!

— Вы зря язвите, мистер Розз. Я действительно гражданин Канады.

— Я в этом и не сомневаюсь. Но однажды вы уже сменили гражданство, не так ли?

Разговор пошел явно не по тому руслу, и Браун решил изменить его.

— Мистер Розз, я пришел не за тем, чтобы спорить с вами. «Розз энд Розз» систематически выпускает на экраны страны коммунистические фильмы. Это ваше дело, хотя вы как предприниматель должны были бы понимать, что сами сгорите когда-нибудь в огне, который разожгут коммунисты. «Из искры разгорится пламя!» Вы, конечно, не слышали этих слов. Это слова Ленина. Это их девиз! Ленинская газета называлась «Искра», и он сжег Россию...

Майкл Розз симпатизировал Советскому Союзу. И не только потому, что весной сорок пятого в Австрии советские танкисты, ворвавшись неожиданно на шоссе в тылу гитлеровцев и уничтожив эсэсовцев, перегонявших колонну военнопленных в глубь фатерланда, освободили большую группу американских и канадских летчиков, в том числе и его, из нацистского плена.

Была и другая причина.

После победы Майкл Розз уволился в запас и вернулся домой, полный радужных надежд. На собственной шкуре он познал, что такое война. Поэтому ему были особенно близки и понятны Ялтинские и Потсдамские решения союзников о недопущении войны в будущем и устройстве послевоенного мира.

Приехав домой, Майкл вскоре похоронил отца. Старик был счастлив даже перед лицом смерти оттого, что его любимый первенец вырвался живым и здоровым из этой проклятой мясорубки.

Двадцатидвухлетний Майкл стал главой фирмы «Розз и сыновья», владевшей тремя небольшими кинотеатрами. Фирму пришлось переименовать в «Розз энд Розз», так как ее владельцем наряду с Майклом по достижении совершеннолетия должен был стать и Эйб, его брат, родившийся на четырнадцать лет позже.

Майкл хотел, чтобы на экранах его кинотеатров шли фильмы, которые рассказали бы горькую правду о войне, чтобы, посмотрев их, люди поняли: это никогда не должно повториться на земле.

Но очень скоро он убедился, что найти и показать зрителю такой фильм — задача не из легких. Крупные прокатные компании диктовали свой репертуар. Они продавали «Розз энд Розз» лишь фильмы, как правило, не заставлявшие зрителя думать и дававшие большие сборы, львиная доля которых отчислялась этим компаниям.

Майкл попробовал бороться. Однако итог был плачевный. В течение полугода он оказался на грани финансового краха.

И Майкл Розз вступил в бой.

Продав кинотеатры, он поместил меньшую часть капитала на имя матери в солидный банк. Этих денег и процентов с них, по его расчетам, должно было хватить на жизнь и оплату обучения брата в одной из лучших школ в течение четырех лет.

Это были годы, когда Канада, огромная по территории страна, раскинувшаяся от Атлантического до Тихого океана, насчитывала около пятнадцати миллионов населения. На севере, на лесоразработках не хватало рабочих рук. Майкл вложил в дело все оставшиеся деньги. Получив выгодную концессию от государства, он стал лесопромышленником. Майкл первым ввел у себя усовершенствованные электропилы. Для этого он закупил на старом армейском складе в Ванкувере четыре мощные передвижные электростанции. Это обошлось ему не слишком дорого. Кроме того, он сразу повысил ставки на десять процентов, что обеспечило приток рабочей силы.

На лесоразработках Майкла Розза все принадлежало хозяину. Продовольствие и одежду, сигареты и вино, лекарство и газеты — все можно было купить только у него. До ближайшего населенного пункта были сотни миль. Два старых переоборудованных военных вертолета — собственность хозяина — беспрерывно гудели в воздухе, доставляя все необходимое.

Через три года Майкл Розз выгодно продал свое дело и вернулся домой, заработав двадцать долларов на каждом пущенном в оборот. Теперь он чувствовал себя на ногах достаточно уверенно и мог потягаться с сильным соперником.

Война и конкуренция научили его быть осторожным, терпеливым, хитрым и, если надо, беспощадным.

Владельцы двух крупнейших прокатных компаний, занятые грызней между собой, не придали никакого значения, а может быть, и не заметили, что в город вернулся бывший владелец трех крошечных кинотеатров Майкл Розз. А Майкл и не напоминал о себе. Он не торопился. Он погрузился в изучение рекламных объявлений в газетах за последние полтора года. Целыми днями он просиживал в библиотеке, делая выписки о том, когда, в течение какого времени, в каких кинотеатрах и с каким количеством посещений шли те или иные фильмы. Затем он уточнил прокатные права фирм на эти фильмы. Завершив изучение конъюнктуры в Монреале, он проделал ту же самую работу по кинотеатрам всей провинции Квебек. Вскоре Майкл Розз мог с неопровержимостью доказать, что фирма «Краун» находится на грани краха.

Майкл был удовлетворен. Он сделал вывод — компании «Краун», чтобы выстоять, понадобятся деньги. Только они открывали доступ к лучшим фильмам, а следовательно, и дорогу на экраны наиболее прибыльных кинотеатров.

У Майкла Розза было два пути. Первый — вложить деньги в компанию «Колибри» и тем самым ускорить падение «Крауна». Второй — помочь «Крауну» выстоять с тем, чтобы в дальнейшем прибрать его к рукам. Он выбрал второй. Майкл не забывал о своей конечной цели — стать независимым и полновластным хозяином. Однако на этом пути была существенная преграда. Майкл понимал, что в тот недалекий уже день, когда владельцы «Крауна» объявят о ликвидации, он, Розз, не сможет купить ее. Как только директора «Колибри» узнают об этом, они обойдут его и сами купят «Краун».

Тогда Майкл решил предупредить события.

В ту пору он начал серьезно встречаться с Энн, неглупой, мягкосердечной девушкой с прекрасной фигурой, миловидным лицом и пышными волосами.

Энн нравилась Майклу. Она не отказывала ему ни в чем, была преданной подругой. Это его устраивало. Но жениться на ней, создавать семью... Нет, Майкл рассчитывал на другую партию. Энн была слишком бедна и, пожалуй, честна для него.

В его планы входил иной брак. Но, как солдат, он верил в дружбу и верность. Поэтому Майкл никогда не говорил с Энн о браке, наоборот, подчеркивал свое мужское легкомыслие и непостоянство. В то же время он помогал Энн, оплатил ее учебу вперед до конца университетского курса, поместил ее отца в хорошую больницу и постоянно оказывал помощь, которая стоила ему не одну тысячу долларов.

Теперь, взвесив все «за» и «против», Майкл решил поставить на Энн. Он поехал с подругой в Торонто и положил в «Шератон-банк» на ее имя необходимую сумму. При этом Майкл оформил у нотариуса договор о том, что деньги даются взаймы, но проценты с вложенной суммы будут принадлежать ей. Кроме того, устно он пообещал Энн пять тысяч долларов по окончании операции и три процента годовых от чистых прибылей будущей компании.

Все произошло быстрее и проще, чем предполагалось. Когда перед одним из директоров «Крауна» предстала молоденькая наивная девушка, которая потерпела неудачу в Голливуде — такова была версия, придуманная Майклом,— но все-таки хочет приобщиться к кинематографу и вложить оставленное ей наследство в какую-нибудь кинокомпанию, тот не поверил своим ушам.

«Это отличная идея!»— воскликнул он и, велев секретарю принести ей чашечку кофе, бросился в другую комнату звонить компаньонам. Через полчаса трое разгоряченных дельцов нахваливали Энн перспективы, которые откроются перед ней. Тем временем их юрист уточнил, что на счету посетительницы в «Шератон-банке» лежит сумма в девяносто тысяч долларов.

Так Энн стала владетельницей сорока процентов акций компании. А три недели спустя только что вернувшийся в Монреаль с севера бывший владелец фирмы «Розз энд Розз» пришел к директору «Крауна».

— Я живу на севере, там у меня неплохое дело,— сказал он.

— Слышал об этом, мистер Розз.

— Но здесь моя мать и брат...

— Тоже знаю.

— Ваша компания,— Майкл огляделся по сторонам и изобразил удовлетворение на лице,— процветает.

— Как всегда, мистер Розз, как всегда.

— Так вот, я бы хотел обеспечить мать и брата.

Директор оживился.

— Как именно?

— Я бы купил на имя брата процентов десять — двенадцать акций «Крауна», если вы не возражаете.

Вскоре Майклу принадлежало пятнадцать процентов акций. А через два месяца три

компаньона-совладельца фирмы «Краун» продали за четверть цены оставшиеся у них сорок пять процентов акций под угрозой полного краха.

Так Майкл уничтожил «Краун» и возродил фирму «Розз энд Розз».

Вступая в конкурентную борьбу с «Колибри», Майкл был уже прожженным дельцом, знавшим грязные законы финансового мира и умевшим применять их.

Однако, став хозяином крупной фирмы, Майкл обнаружил, что теперь он, так же как прежние директора «Крауна» и «Колибри», вынужден прокатывать не те фильмы, которые ему хотелось бы. Какая-то не зависящая от него сила поворачивала руль проката, и он не мог либо почти не мог бороться с этим.

Обстоятельства изменились, когда несколько лет спустя он познакомился в Каннах на кинофестивале с представителем советской фирмы Андреем Костровым. После просмотра русского фильма, имевшего огромный успех, стало ясно, что ему присудят «Гран-при». Режиссер фильма устроил прием. Банкет запомнился Майклу. Несмотря на усталость и поздний час, съехались звезды мирового экрана и представители делового мира. В холле фешенебельной виллы русские предлагали гостям поварские фартуки и колпаки. Хозяева и их гости сами лепили сибирские пельмени. Потом до утра пили русскую водку, закусывая бутербродами и пельменями собственного приготовления.

Андрею Кострову было столько же лет, сколько Майклу. Немного выше среднего роста, коренастый, с красиво вьющимися светлыми волосами, чуть вздернутым носом и открытым взглядом серых глаз, он сразу понравился Майклу. А когда канадец узнал, что Андрей воевал и тоже капитан запаса, последние преграды рухнули.

Они говорили без умолку о прошлом, о боевых друзьях, о ранах, о войне, которая не должна повториться.

Костров пригласил Розза в Москву. Приехав впервые, Майкл открыл для себя новый мир. Не все было понятно и приемлемо для него, но люди ему понравились.

С тех пор Майкл часто бывал в Москве. Иногда он подшучивал над некоторыми непонятными или казавшимися ему смешными вещами. Но только с этими партнерами он чувствовал себя спокойно, не ожидал удара в спину. И поэтому здесь он всегда мог немного отдохнуть. В такие часы Майкл бродил по музеям, иногда с Андреем или с одним из его «парней», как он называл молодых сотрудников Кострова, а иногда совсем один. Майкл увлекся историей России и, познакомившись с ней, открыл для себя Толстого, Достоевского, Чехова, с удовольствием читал переводы Пушкина, изучал его эпоху. Тогда он и услышал впервые знаменитую фразу: «Из искры возгорится пламя!» Сила духа декабристов и их далекое пророчество поразили Майкла.

И вот теперь этот тип не только вмешивается в его, Майкла, дела, но и старается втянуть его в свою грязную политику.

— Вы приписываете Ленину то, чего он не говорил.

Лицо Майкла побагровело. Он уже готов был выставить Брауна за дверь, но сдержался. Помолчав минуту и успокоившись совсем, спросил:

— Ладно. Чего вы хотите?

— Нам известно, что ваша фирма должна предоставить в распоряжение Кострова помощника, администратора, словом, исполнителя его поручений. Мы бы хотели предложить вам человека на эту роль.

— Что?!— Майкл заорал так, что испуганная Энн заглянула в кабинет.— Мне, солдату, вы предлагаете предать солдата?!

— Я тоже воевал, мистер Розз.

— С кем вы воевали, черт вас побери? В какой армии?

— В русской.

— Против Гитлера?

— Нет, против Сталина.

Майкл глубже втиснулся в кресло. Зажал кисти обеих рук между коленями и тихо, но так, что Браун испуганно вскочил, сказал:

— Убирайтесь вон!.. Энн!— крикнул он.— Проводи мистера... Да поскорей, не то меня увезет полиция...

Продолжение следует.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. И. ПРИЙМЫ

ВДУМЧИВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Константину Ивановичу Прийме исполняется 70 лет. Журналист, писатель, литературовед, доктор филологических наук, автор талантливых работ о Шолохове, он занял видное место в литературоведении и критике.

Отрадным явлением был уже его очерк «Шолохов в Вешках» («Советский Казахстан», 1955, № 5), с которого и начинается главная тема литературоведческих исследований К. И. Приймы. В 1972 году появился фундаментальный труд «Тихий Дон» сражается» (Ростов-на-Дону), хорошо встреченный у нас и за рубежом. В 1975 году монография с добавлениями была переиздана в Москве. Последняя книга статей «С веком наравне» (Ростов-на-Дону, 1980) посвящена той же теме. Примечательно, что она была раскуплена моментально. Ее ищут читатели, они ждут ее издания бо́льшим тиражом в центральном издательстве.

В этих исследованиях великий художнический подвиг Шолохова предстал во всем объеме и широте мирового значения, в соотнесенности с народной жизнью, историей, революцией, строительством социализма, ростом культуры и литературы, в подробностях нелегкой биографии писателя, испытавшего на себе рассчитанные удары всевозможных злопыхателей, клеветников, догматиков и крикливых «ортодоксов».

Открытия, сделанные К. Приймой, плодотворны. Энергичные его поиски, на которые ушли десятилетия, завершились успехом. Причина здесь прежде всего в том, что к этой ответственной и сложной теме подвели его собственный жизненный опыт, связь с народными массами, зоркие наблюдения над средой.

Сын крестьянина станицы Ахтанизовской на Кубани, он познал труд на земле, был членом колхоза как раз в годы, которые отражены в «Поднятой целине». Затем Константин Прийма — слесарь и шлифовальщик на заводе «Ростсельмаш», среди творцов чудесной техники, необходимой для преобразования допотопных форм труда в деревне.

Это были в то же время люди, которых волновали и проблемы культуры. Они читали проходившие с триумфом по нашей стране и за рубежом книги Шолохова. На заводе трудились и иностранцы — политические эмигранты, коммунисты, интернационалисты, бывшие участники баррикадных боев в своих странах. Они тоже с увлечением, хотя и недостаточно знали русский язык, читали «Тихий Дон», увидели в нем книгу века, необходимую для их стран и для всех борцов за социальный прогресс. Прийма, сдружившись с иностранцами, убедился, как значительна, необходима сила идей революционного преобразования жизни, интернационализма и гуманизма, которые несла миру волнующая, честная, неотразимо достоверная эпопея Шолохова. Простые заводские рабочие оказались более проницательными критиками, чем некоторые профессионалы, с отменной претенциозностью, безудержным витийством строчившие статьи о «Тихом Доне», как вроде бы чуждом и враждебном пролетариату, как о «реакционной романтике», «эпопее под вопросом», литературе «белогвардейской» и прочая в этом духе и стиле.

Истоки исследовательского пафоса Приймы — здесь, в тридцатых годах, в среде тружеников села и города, которым Шолохов открылся как родной, сердечный, духовно богатый, истинно народный писатель.

Отсюда целеустремленность поисков исследователя, четкость позиции, исключающая любую недоговоренность, компромисс и с неправдой и полуправдой, верхоглядством, схоластикой, явным стремлением сузить, обкорнать проблематику книг Шолохова, нарушить целостность текстов, как это нередко практиковалось в буржуазных издательствах.

Отсюда глубинное, проникновенное прочтение шолоховских страниц.

Отсюда вторжение в литературоведческий анализ публицистики с ее открытым изъяснением чувств, окрашенность эмоциональностью всего стиля.

Прийма много сделал для утверждения того нового этапа в шолоховедении, который начался с шестидесятых годов. Если мы теперь в основном преодолели вульгарно-социологические схемы, хотя бытуют и поднесь в иных случаях тирады, исполненные безответственного смысла о дремучем консерватизме русского крестьянства и в особенности — казачества, что якобы и составляет доминирующую мысль в содержании «Тихого Дона»; если отвергли антиисторический взгляд на казачество периода революции как на единую, сплоченную силу реакции, как на классовый и сословный монолит; если отбросили прочь убогую по мысли «концепцию» отщепенства Григория Мелехова и ряд других умозрительных построений; если теперь в ином, более широком, свободном от схем, упрощений представили такие решающие аспекты, как партийность, народность, историзм Шолохова, то наряду с другими ощутимый вклад во все новое внес К. Прийма.

Сильная сторона его трудов — новизна материала, отечественного и зарубежного. Он умеет обнаружить говорящий факт, найти броский документ в архивах, взять содержательное интервью. Здесь пригодилась журналистская хватка К. Приймы.

К. Прийма — мастер художественного чтения, устного рассказа. Его можно слушать часами. Эта способность встречается не так-то часто, и хотелось бы посоветовать нашему телевидению и радио записать Прийму, передать его голос для миллионов. Уверен: слушать будут...

К. Прийма много сделал. И сделает еще больше, потому что богато одарен от природы, любит правду и активно, творчески мыслит.

Ф. БИРЮКОВ,
доктор филологических наук, профессор

Борис **ТАРАСОВ**,
кандидат филологических наук

П. Я. ЧААДАЕВ И А. С. НОРОВА

ИСТОРИЯ НЕРАЗДЕЛЕННОЙ ЛЮБВИ

Литературовед Б. Н. Тарасов — автор книги «Паскаль» (1979 г.), вышедшей в серии ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия». За эту работу он удостоен премии имени М. Горького, присуждаемой лучшей первой книге молодого писателя. Сейчас Б. Тарасов работает над книгой о замечательном русском философе П. Я. Чаадаеве. Публикуемый очерк основан на архивных материалах, хранящихся в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Письма А. С. Норовой переведены с французского автором очерка.

●

Незадолго до смерти, в 1856 году, Петр Яковлевич Чаадаев, личность и убеждения которого своеобразно преломились в художественных образах русской классики, завещал похоронить его в Донском монастыре, рядом с Авдотьей (Евдокией) Сергеевной Норовой. Память о беззаветной и безответной любви к Чаадаеву Норовой, скончавшейся в 1835 году, согревала его одинокое существование, а в последние годы жизни была едва ли не единственным утешением.

Авдотья Сергеевна Норова, замечает биограф и родственник Чаадаева Михаил Иванович Жихарев, «была девушкой болезненной и слабой, не могла помышлять о замужестве, нисколько не думала скрывать своего чувства, откровенно и безотчетно отдалась этому чувству, и им была сведена в могилу. Любовь умирающей девушки была, может быть, самым трогательным и самым прекрасным из всех эпизодов его жизни. Я имел счастливый случай читать письма, ею тогда к нему писанные. Не знаю, как он отвечал на эту привязанность, исполненную высокой чистоты, святого самоотвержения, безусловной преданности, полного бескорыстия: но перед концом он вспомнил про нее как про самое драгоценное свое достояние и пожелал быть похороненным возле того нежного существа, для которого был всем. Последнюю волю в точности выполнили».

Написанные по-французски и до сих пор не опубликованные послания, о которых упоминает Жихарев и которые относятся предположительно к 1830—1831 годам, хранятся в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени Ленина. В письмах Норовой, по словам одного из исследователей, словно дополняющих характеристику Жихарева, «дышат глубокая религиозность и самоотречение без границ, при ясном и развитом уме. В ее любви к Чаадаеву нет страсти, но сочетание бесконечной нежности к любимому человеку с благоговением перед его душевным величием».

Письма эти являются единственным относительно полным документом их взаимоотношений и по-своему выражают дух времени и характеры их авторов.

Авдотья Сергеевна происходила из старинной дворянской семьи, родоначальником которой считают Родиона Норова, крупного деятеля великого Новгорода. Она родилась в 1799 году в Саратовской губернии, откуда в 1803 году семейство Норовых переехало на жительство в село Надеждино Дмитровского уезда Московской губернии. «Ангел наш Дуничка», как называли ее близкие родственники, была ласковой и общительной, подобно пушкинской Татьяне с охотой читала французские романы, получая типичное для этого времени домашнее образование, но с годами она становилась все более серьезной и замкнутой. В глазах Дуни нередко появлялась печаль, она чувствовала себя как-то неукорененной в окружающей действительности, не находила себе определенного места в практической жизни, не видела своего призвания в ней. Физическая слабость и недомогания усиливали ее душевную боль, мысли девушки все чаще стали обращаться к богу. Ей начинает казаться, что именно в служении богу и состоит ее предназначение и что только в монастыре она сможет обрести смысл жизни и желанный мир в своей душе. Однако жалость к родным, которым ее монастырское уединение причинило бы большие страдания, удерживает Дуню от решающего шага.

Неподалеку от Надеждина располагалась деревня Алексеевское, где постоянно обитала тетка Чаадаева, княжна Анна Михайловна Щербатова (дочь знаменитого историка и публициста XVIII столетия Михаила Михайловича Щербатова). В Алексеевском или в Надеждине и произошла в 1826 году встреча Норовой и Чаадаева. Чаадаеву в эту пору исполнилось тридцать два года, он недавно вернулся из трехлетнего путешествия по Европе и поселился на некоторое время в имении своей тетки. Эта встреча произвела самое глубокое и неотразимое впечатление на простодушную и отзывчивую девушку, терзавшуюся сомнениями, переживавшую свое внутреннее несовершенство и неустроенность своего жизненного пути.

Следует сказать, что прекрасная наружность Чаадаева, аристократическая утонченность манер, искусство изысканно одеваться в сочетании с его благородным характером, энциклопедической образованностью, высокими интеллектуальными и нравственными качествами вызывали в обществе неизменный эффект. Вот как, например, известный поэт Федор Глинка выразил это в своих стихах:

Одетый праздником, с осанкой важной, смелой,
Когда являлся он пред публикою белой
С умом блистательным своим,
Смирялось все невольно перед ним!
Друг Пушкина любимый, задушевный,
Всех знаменитостей тогдашних был он друг;
Умом его беседы увлеченный,
Кругом его умов теснился круг;
И кто не жал ему с почтеньем руку?
Кто не хвалил его ума?

Умом беседы, обаянием личности Петра Яковлевича была увлечена, вернее сказать, покорена и Авдотья Сергеевна Норова, когда он вдруг неожиданно, подобно пушкинскому Онегину в доме Лариных, появился в глуши ее однообразной деревенской жизни. Успевший геройски отличиться на полях сражений Отечественной войны 1812 года, сделать блестящую военную карьеру и бросить ее, заинтересоваться идеями масонов и декабристов и разочароваться в них, обдумать ряд важнейших проблем мировой истории и философии, в том числе и вопрос об особенностях исторических путей России и Европы, Чаадаев в сельской тиши пытался упорядочить свои богатые жизненные впечатления, согласовать их с многообразием сведений, полученных из огромного количества прочитанных книг, с идеалами, которые к этому времени выработались у него. Именно в Алексеевском стал у Чаадаева конкретизироваться и в своей существенной части воплощаться замысел известных философических писем, одно из которых, оказавшись напечатанным через десять лет в журнале «Телескоп», вызвало целую бурю в общественном мнении.

Надо полагать, что в деревенском уединении Петр Яковлевич нашел в лице Авдотьи Сергеевны, пожалуй, единственную слушательницу, которая с молчаливым благоговением внимала его умным речам. О чем же он беседовал с ней? Какими задушевными мыслями покорил сердце робкой и набожной девушки?

Чаадаев был одержим «страстью к прогрессу человеческого разума», «предчувствием нового мира», «верой в будущее счастье человечества». «Совершенный строй на земле», «высший синтез» представлялся ему в самом общем виде как «полное обновление нашей природы в данных условиях» — окончательное преодоление всякого индивидуализма и обособленности людей друг от друга («уничтожение своего личного бытия и замена его бытием вполне социальным») и от всего сущего («предельной точкой нашего прогресса только и может быть полное слияние нашей природы с природой всего мира»).

Монологи Чаадаева были не совсем понятны Авдотье Сергеевне, но высокий строй души Петра Яковлевича, его страстное желание видеть людской мир в гармонии и братском единении находили глубочайший отклик в ее сердце. Она с огромным старанием пытается вникнуть в его речи, следить за ходом мыслей, получая подлинное удовольствие от них, но из-за отсутствия знаний и логической способности не может поддерживать беседу, а потому почти всегда только слушает Чаадаева, кажущегося ей «примером всех добродетелей», «высшим существом». Когда же тот в задумчивости надолго замолкает, она даже не осмеливается нарушить его молчание, испытывая чувство благоговейного преклонения перед Петром Яковлевичем и преувеличенное чувство собственной малости перед ним.

В последний вечер, проведенный в семействе Норовых перед отъездом из Алексеевского в Москву, Петр Яковлевич предложил им писать ему запросто, если возникнет в том необходимость. Авдотья Сергеевна долго не осмеливалась воспользоваться этим разрешением, считая послания Петру Яковлевичу излишней дерзостью со своей стороны и пугаясь его возможного неодобрения. Но желание писать так сильно было в ней, что она по ночам сочиняла послания Чаадаеву, хотя и не отсылала написанного. Все, напоминающее о встречах с ним, так ей дорого и близко, что эти воспоминания становятся для нее как бы продолжением их встреч и целиком заполняют ее существование. Она часто проводит время в комнате матери, откуда открывается вид на лужок, обсаженный розами и нарциссами, на пруды, окруженные серебристыми тополями и белоствольными березами, а чуть подальше — на просторные поля и густые леса. Этот пейзаж Петр Яковлевич находил прекрасным, а потому ей хочется вновь и вновь видеть его. Особенно же ей нравится бывать в Алексеевском, у княжны Анны Михайловны Щербатовой, где, расположившись вечером в кресле, она в сумерках догорающей свечи вглядывается в знакомые предметы, связанные с пребыванием здесь любимого человека (опять-таки ситуация художественно предвосхищена в «Евгении Онегине»).

Беседуя мысленно с Чаадаевым, Авдотья Сергеевна пытается пополнить свое образование и читать исторические труды, но не находит нужных книг, поскольку брат Авраам, будущий министр народного просвещения, вывез богатую надеждинскую библиотеку в Петербург. Но и всеобщая история для детей ее на первых порах устраивает, так как многие сведения из нее она уже забыла. Авдотья Сергеевна трудится и над рисунком для ковра, который задумала подарить Петру Яковлевичу ко дню рождения его тетка.

Однако ничто не может заменить Норовой настоятельнейшую потребность писать и посылать Чаадаеву письма, ждать от него ответа на них, что представляется ей единственной возможностью чувствовать себя вместе с человеком, которому, по ее словам, она обязана «счастливейшими днями своей жизни». Случай помог Авдотье Сергеевне преодолеть изначальную робость и начать письменный монолог, ибо

Чаадаев очень редко отвечал[1] на ее послания и теперь уже сам оказался в роли своеобразного молчаливого слушателя.

В 1830 году в Москве свирепствовала эпидемия холеры, и Авдотья Сергеевна очень опасалась за жизнь и здоровье Петра Яковлевича, находившегося в изолированном городе. Письма от родных и знакомых, доставляемые в Надеждино из Москвы, были проколоты и пахли дымом. Вид этих писем еще более усиливал опасения и страдания любящей девушки, и она решилась, наконец, отослать Чаадаеву свое очередное послание, в котором умоляла его постараться выбраться из Москвы. В порыве самоотречения и любви к Чаадаеву, к близким ей людям Авдотья Сергеевна пишет: «Если после моей смерти молитвы мои могут быть услышаны Предвечным, я буду умолять его сделать Вашу (Чаадаева.— Б. Т.) настоящую жизнь спокойной и счастливой, а будущую еще более блаженной. Умру довольной и радостной, если буду знать, что находятся вне опасности все дорогие мне люди».

Авдотья Сергеевна просит Петра Яковлевича постоянно заботиться о его собственном здоровье, мысли о котором никогда не покидают ее и которое необходимо, по ее мнению, для «блага всех нуждающихся в примере на жизненном пути». В таком примере нуждается и она, Авдотья Сергеевна, а потому просит Петра Яковлевича разрешить ей продолжать писать ему письма и надеяться на ответные послания, так необходимые для успокоения мук ее сердца, в котором она часто находит только боль и тоску: «Я боюсь испугать Вас, открыв все то, что происходит иногда в моей душе».

Но вот уже в другом письме она с нескрываемым счастьем сообщает Чаадаеву, что на днях пришло, наконец, долгожданное известие о значительном спаде холерной эпидемии и что вскоре городские ворота будут открыты. Она с еще большим усердием работает над рисунком для ковра, предназначенного Петру Яковлевичу, но приподнятое настроение постепенно омрачается отсутствием ответных писем. Уж не пропадают ли они, простодушно думает Авдотья Сергеевна, как случилось недавно с адресованным отцу в Надеждино письмом, которое неожиданно попало в Курскую губернию? И она просит Чаадаева писать полный адрес, упоминая не только Дмитровский уезд, но и Московскую губернию, ибо «в России есть три Дмитрова».

Но Петр Яковлевич по-прежнему молчит. Авдотья Сергеевна, не надеясь получить от него хотя бы строчку, задумывается уже над содержанием последнего, прощального послания, как вдруг в один из почтовых дней приходит чаемое письмо. «Увидя Ваш почерк, перед тем как распечатать Ваше письмо, я благодарила, пав на колени, Предвечного за ниспосланную мне милость. Не могу выразить, как дорога мне Ваша дружба...»

А что же Чаадаев? Какие мысли и чувства вызвали у него душевные переживания Норовой? Глубина и серьезность этих переживаний не нашли отклика в сердце Петра Яковлевича, как не нашли его «души доверчивой признанья, любви невинной излиянья» пушкинской Татьяны в сердце Евгения Онегина. Более того, они испугали и озадачили его, ибо он ничем не мог на них ответить, да, вероятно, и не хотел отвечать, видя в них покушение на собственную независимость и свободу, которыми весьма и весьма дорожил. Жихарев говорит о чудовищном эгоизме натуры Чаадаева, отмечая, что «этот эгоизм был для него самого источником многих зол и несказанных мучений».

Роковое обособление душ, преодоление которого составляло главный конечный пункт теории Чаадаева, проявилось в живой ткани его личной жизни со всей неразрешимой остротой.

Откликаясь на многочисленные письма Авдотьи Сергеевны, Петр Яковлевич снисходительно разрешает ей продолжать писать, прося, однако, не заботиться о его ответах, настоятельно советует ей умерить природную пылкость и очень желает, чтобы она обрела, наконец, душевное спокойствие. Но не следует, уточняет он, искать утешения в его дружеском отношении к ней, а нужно найти его в ее собственном сердце, которое он называет ангельским. Тогда и ее хрупкое здоровье должно поправиться.

В ответном послании Авдотья Сергеевна обещает обязательно следовать всем советам и увещеваниям Петра Яковлевича и уверяет его, почувствовав беспокойно-эгоистические интонации полученного письма, что в ее отношении к нему нет никаких претензий. Все ее претензии заключаются лишь в том, чтобы слышать иногда от него доброжелательное слово, способное заставить забыть месяцы холодного молчания. Собственное благо Петра Яковлевича, о котором она постоянно и много думает,— вот главное счастье и смысл ее жизни. Она была бы даже рада постоянной разлуке с ним, если бы для полезности здоровья

П. Я. Чаадаев.

Они покоятся рядом в Донском монастыре. Памятник Норовой справа за надгробием Чаадаева.

он нуждался бы в перемене климата и в переселении за границу.

Что же касается ее собственного здоровья, то Авдотья Сергеевна умоляет Петра Яковлевича не беспокоиться о нем. Она не может сказать, чтобы у нее что-то болело, и определить характер своего недуга. Чаще всего она испытывает состояние какой-то усталости от жизни и слабости.

Она сильно мучается оттого, что ее бессвязные заботливые речи провинциальной девушки должны казаться Петру Яковлевичу, поглощенному размышлениями над высокими материями, глупыми, ненужными. И это приводит ее почти в физическое изнеможение. «Когда я думаю о Вас, о дистанции, существующей между нами, о почтении, смешанном со страхом, которое Вы мне внушаете, об уважительной сдержанности, которую я строго соблюдала по отношению к Вам в течение многих лет, у меня путаются мысли и кружится голова...»

Но поделать с собой Авдотья Сергеевна ничего не может и продолжает писать Петру Яковлевичу многочисленные письма, которые отнимают у нее столько сил, но на которые уже несколько месяцев нет никакого ответа. Вот и сейчас ее мать, вернувшись из Москвы, привезла от Чаадаева только шоколад и ни строчки дорогого почерка, что повергло ее в отчаяние и заставило прекратить одностороннюю беседу с ним.

Петр Яковлевич, который, казалось бы, должен был быть доволен установившимся молчанием, стал, в свою очередь, сам тяготиться им, беспокоясь за состояние Авдотьи Сергеевны. Он просит ее снова взяться за перо и сообщить без стеснения, почему она молчит, рассказать как можно подробнее, что она чувствовала после прекращения переписки. Ведь ему нравятся «такие живые движения ее души», которую он считает совершенной.

Читая письмо Чаадаева, Авдотья Сергеевна догадывается, что данное ей разрешение возобновить переписку вытекает не из его сердечной склонности, а из его благородства и великодушия. Она хорошо различает в этом его поступке лишь умеренную снисходительность, но тем не менее бесконечно рада возможности вновь разговаривать, хотя и на расстоянии, с любимым человеком. Эта радость усиливается надеждой видеть его: на днях она узнала, что Петр Яковлевич сообщил в письме к тетке о своем намерении приехать в Алексеевское и построить там себе жилище.

Но он не появляется в деревне, да и писем от него снова все нет и нет. Может быть, служанка Анны Михайловны Маша, которая вот-вот должна вернуться из Москвы, привезет какие-нибудь известия о Петре Яковлевиче? Точно высчитав день и даже час возвращения Маши, Авдотья Сергеевна, не чуя под собой ног, устремляется в Алексеевское, где к своему большому утешению узнает, что здоровье Петра Яковлевича неплохое, да и цвет лица стал заметно лучше. Радостно ей слышать от Маши и благодарность Чаадаева за ее письма, омраченную, однако, его категорическим заявлением: «А писать ни к кому не стану!» Но несравненно больше омрачают Авдотью Сергеевну привезенные Машей из Москвы страшные слухи — будто многочисленные польские шпионы собираются взорвать или подожечь город, отравляют пищу и т. п. И вернувшись из Алексеевского, она сразу же берется за перо и трогательно умоляет Петра Яковлевича ничего не есть и не пить, не дав предварительно попробовать еду кошке или собаке.

Тревога Авдотьи Сергеевны немного умеряется приготовлением вишневого сиропа, который нравится Петру Яковлевичу и который она хочет ему переслать, впервые взявшись за такое сложное дело и прося снисходительного отношения к ее первому опыту. Если бы она знала его любимые варенья, сиропы, мармелады, то с большим удовольствием всегда делала бы их для него. Но ведь он никогда не скажет это... Помня о щелях в московском жилище Чаадаева, Авдотья Сергеевна вяжет ему на пороге приближающейся зимы шерстяные чулки, осмеливаясь спросить, сколько пар таких чулок в год ему нужно.

Но ему, видимо, не нужны ни ее варенья, ни носки, ни заботы. Уже скоро полгода, как от него нет никаких известий, что усиливает тоску Авдотьи Сергеевны и заставляет ее переноситься из мира действительности в мир мечтаний и грез. Поверяя Петру Яковлевичу свои «такие живые движения души», она пишет, что была бы счастлива исполнять роль его служанки. Она ухаживала бы за ним во время болезни, читала бы ему книги, предугадывала бы его самые прихотливые фантазии и тотчас же исполняла бы их, находя в том огромную радость. Она не мешала бы его работе, приходила бы и уходила, когда он захочет. «Мое сердце подсказало бы мне все необходимое для удовлетворения Ваших малейших желаний... Я мечтала бы служить Вам так всю жизнь. Если бы Вы позволили мне надеяться, что рано или поздно эти мечты сбудутся...»

Авдотья Сергеевна умоляет Петра Яковлевича не лишать ее иллюзии и другой мечты, надежды на их возможную дружбу в старости. «Кто знает, не встретимся ли мы тогда, и не даруете ли Вы мне больше дружбы, нежели сейчас. Мои чувства, мои размышления тогда станут, может быть, более соответствовать Вашим. Вы будете звать меня своим давним другом, и мы будем часто видеться... Я стану такой старой дамой, что Вы разрешите мне иногда наносить Вам визиты. Я буду приходить к Вам с очками на носу, с моим любимым вязаньем, шерстяными чулками, и мы будем вместе читать. Ах, как бы весело я ждала это время! Но если бы смерть отняла Вас у меня, то я, возможно, нашла бы средство присоединиться к Вам...»

«Уж в своем ли я уме?» — неожиданно прорывается русская фраза во французской речи. «Я действительно сумасшедшая». Авдотья Сергеевна тут же страшится своих мечтаний, многократно извиняется за сказанное и впадает в еще бо́льшую тоску и отчаяние. Молчание Чаадаева буквально раздирает ее сердце, и она умоляет его о поддержке: «Вы, может быть, не подозреваете, как Ваше молчание заставляет меня страдать? Лишиться Вашего расположения ужасно для меня. Что станется с моей жизнью без него? Конечно, я должна буду переносить ее, но переносить с нетерпением. Господь еще милостив ко мне, и иногда я слышу его голос, который может облегчить самые тяжелые страдания. Однако я чувствую необходимость помощи — не откажите мне в ней. Даже если Вы лишите меня Вашего дружеского расположения, не откажите мне в милосердии, даруйте мне Ваше милосердие — вот все, что я прошу у Вас. Я буду ждать, надеяться, я умоляю Вас: будьте милосердны, напишите мне несколько строк!»

Не дождавшись ответа, Авдотья Сергеевна вновь слезно просит Петра Яковлевича: «Не откажите, не откажите мне в нескольких строчках, умоляю Вас на коленях. Вы не можете

[1] Его письма не сохранились.

представить себе, как я страдаю. Только Господь видит это, мое сердце открыто ему. Он видит мою скорбь и, надеюсь, простит меня за то, что я прошу Вашей помощи. Верните мне Ваше расположение, я не могу без него обойтись. Какие слова надо найти, чтобы Вы прервали свое молчание?»

Крик души Авдотьи Сергеевны ранил сердце Петра Яковлевича. Лед холодной независимости и замкнутости в скорлупе собственной личности стал подтаивать. Жалость к Авдотье Сергеевне, милосердие, о котором она молила, заставили его нарушить суровое молчание, произнести теплые и в общем-то искренние слова, несмотря на то, что они были исторгнуты, а не свободно вылились из его души. Он называет Авдотью Сергеевну в столь долгожданном для нее письме дорогим другом, признается, что его сердце хорошо понимает ее сердце, что их души навеки соединены, а также спрашивает, как он может облегчить ее страдания.

Эти слова, сообщает Норова в ответном послании Чаадаеву, наполнили все ее существо неизъяснимым восторгом, дали ей возможность надеяться, что ее мечты когда-либо исполнятся. Если бы он мог чувствовать все блаженство, которое она испытала при чтении его письма! А каким бы оно было, это блаженство, если бы она могла услышать написанное из его собственных уст! Вдали от него ее жизнь ничтожна и печальна. Ей необходимо быть рядом с ним, нужна его дружба. И даже безмерно дорогую семью она оставила бы ради него. «Все мое счастье в Вас, кроме Вас, у меня нет ничего в этом мире... Моя жизнь в Ваших руках, Вы ее владыка перед лицом господа». Ее душа, продолжает Авдотья Сергеевна, уже не принадлежит ей, а связана с душой Петра Яковлевича и «готова делить с ней радость и горе... Мы будем вместе страдать, мы будем вместе молиться... Мне кажется, что наши души должны составлять одну и сообща обожать их общего Отца... О, мой друг, если бы Вы могли постичь мои чувства!» Если же ей придется покинуть этот мир, то самое заветное ее желание — видеть в последний свой час Петра Яковлевича, прижать к сердцу его руку и открыть ему полностью все свои переживания. Тогда бы она умерла счастливой, тысячу раз счастливой. «Я ничего так не боюсь, как жить вдали от Вас, умереть вдали от Вас. Но я буду надеяться, буду надеяться...»

Здесь следы переписки и соответственно отношений Чаадаева и Норовой обрываются. Скорее всего эти отношения так и носили характер сокровенного напряжения, разрешить которое могла только смерть. Известно лишь, что, как бы исполнив ее заветное желание, Петр Яковлевич навестил Авдотью Сергеевну в Москве, где она лечилась, перед самой кончиной. «Чаадаев был так добр, что посетил меня больную»,— сообщает она сестре Екатерине.

С кончиной Авдотьи Сергеевны ее отношения с Петром Яковлевичем в этом мире не прекратились, а своеобразно продолжились. Теперь Чаадаев оказался в чем-то учеником Норовой (подобно тому как в конце пушкинского романа настало время Евгению Онегину выслушать урок Татьяны Лариной). Беззаветная преданность и глубокое чувство долга, порыв к самоотречению и самопожертвованию, простота и скромность, искренность и бескорыстие Авдотьи Сергеевны не могли не воздействовать на сознание и душу Петра Яковлевича в течение всей его последующей жизни и даже, можно предположить, в определенной степени влияли на изменение самого порядка его философско-исторического мышления.

К середине 30-х годов Чаадаеву начинает казаться, что ни благоустроенная жизнь, ни научные открытия, ни формально развитое право не ведут к установлению чаемой гармонии братских отношений между людьми, а порождают, напротив, «груду искусственных потребностей, враждебных друг другу интересов, беспокойных забот, овладевших жизнью». Путь же к такой гармонии лежит через преодоление несовершенства внутреннего мира человека, через воспитание бескорыстности сердца и скромности ума, совестливости и терпимости.

Если бы Авдотья Сергеевна могла услышать Петра Яковлевича, как много нового она нашла бы в его речах! Разные факторы способствовали изменению сознания знаменитого мыслителя. Не последнее место в их числе занимала русская девушка Авдотья Сергеевна Норова, с которой смерть навеки соединит Чаадаева под могильным камнем Донского монастыря.

Не думаю, что влияние Авдотьи Сергеевны Норовой на изменение взглядов Чаадаева преувеличено. Ведь, по замечанию Достоевского, «все как океан, все течет и соприкасается, в одном месте тронешь, в другом конце мира отдается».

ПРИШЕДШАЯ В ДЕТСТВЕ

Давно собирался написать вам письмо и поблагодарить за волнующие, полюбившиеся мне материалы о священных местах нашей Родины, связанных с памятью выдающихся людей, гордости России. Спасибо вам за то, что ведете нас, читателей, в Михайловское — к Пушкину, Тарханы — к Лермонтову, Ясную Поляну — к Толстому, Спасское-Лутовиново — к Тургеневу, Шахматово — к Блоку, Клин — к Чайковскому и т. д.

Помещенные в вашем журнале главы из повести Агнии Кузнецовой «А душу твою люблю...» посвящены жене А. С. Пушкина — Наталье Николаевне, а значит, и Пушкину. Нас, читателей, страстных книголюбов, всегда волнуют все подробности, связанные с жизнью великого русского поэта.

Так, наверное, устроен человек, все ему хочется узнать. И таких, как я, в нашей стране миллионы. Несколько слов о себе. Родился еще перед революцией. Всю свою жизнь прожил в родном селе. Мечтал стать учителем. Даже поступил в педагогический институт на исторический факультет. Но болезнь прервала учебу. Работал заведующим клубом в своем селе.

К чтению пристрастился еще в детские годы. Зимние вечера тянутся долго. Тускло мерцает небольшой каганчик (керосиновой лампы у нас не было). Все спят. Лишь я один сижу за книгой, вплотную придвинувшись к свету. И нет для меня ни стен убогой избы, ни заброшенной деревушки нашей. Вместе с героями повестей и романов я путешествую по разным странам, пересекаю моря, океаны, пустыни, перебираюсь через неприступные горные хребты.

С тех пор прошли многие годы. Мне скоро семьдесят. Но любовь к книге, пришедшая в детстве, осталась на всю жизнь.

Поэтому так люблю читать все, что касается жизни писателей, композиторов, музыкантов, живописцев.

В новом, 1982 году хотелось бы чаще встречать такие материалы на страницах «Огонька».

Д. И. БУРЛЮК,
ветеран труда

Сумская обл.,
село Рябушки.

ОБИДА

Дорогая редакция! Прочитала в № 30 «Огонька» за 1981 год статью Ю. Мелентьева «На Малой Молчановке, у Симеона», посвященную открытию Дома-музея М. Ю. Лермонтова. Конечно, это событие не может не обрадовать многочисленных почитателей таланта поэта.

Но меня заставила написать вам обида за Лермонтова.

Вот уже многие годы я живу летом недалеко от бывшего Середникова, о значении которого для поэта пишет Ю. Мелентьев в своей статье. И каждый год с ужасом вижу, как постепенно гибнет имение. Лет 25 назад в парке еще сохранялись статуи, сейчас нет ни одной. К дому пристроены деревянные террасы, некоторые окна заложены кирпичом, некоторые забиты железом. На территории усадьбы выросли современные здания. Из трех прудов уцелел лишь один, два других заболочены. На мостах обрушились перила, опасно подходить к краю, и терраски могут развалиться, так как ограда сохранилась лишь на одной из них. На самом маленьком мостке старинная решетка заменена современными трубами.

В усадьбе расположен санаторий «Мцыри», и по дорожкам парка около дома, там, где рождалась Поэзия, часто ходят подгулявшие отдыхающие, звучат, увы, отнюдь не поэтические речи...

А ведь это место могло бы наряду с Тарханами и Пятигорском стать местом паломничества к Лермонтову...

Т. СЫНКОВА,
преподаватель русского языка и литературы

Москва.

НЕУЖЕЛИ Я НЕ ПРАВ?

Советский народ свято хранит свою самобытную культуру. И все же в отдельных случаях, я считаю, есть что-то упущенное. Хочется обратить внимание на факты, когда отсутствует национальная гордость за русское, советское.

Уже много лет гремит с эстрады гром непонятной музыки, раздаются душераздирающие вопли шлягеров в исполнении неизвестных, малоизвестных и известных ансамблей. Нет абсолютно ничего русского в этой музыке. Под эту музыку толпы молодых, а иногда и не очень, исполняют что-то среднее между утренней и производственной гимнастикой, а в большинстве случаев это напоминает танец шаманов. Как я восхищен теми парнями и девушками Уфы, которые вечерами танцуют свои национальные танцы под национальную музыку на площади у памятника Салавату Юлаеву! Да не только они любят свою музыку. Любят свои танцы, например, народы Кавказа, Прибалтики, а вот в России, по крайней мере в городах, свои русские танцы многие из нашей молодежи совсем не знают. Послушайте запись разноголосой модной магнитофонной какофонии: нечленораздельные выкрики на неизвестном языке, звериный рык и грохот кузнечно-прессового цеха являются гордостью завзятого поборника музыки. А где же наши песни? Нет их, что ли? Есть, и довольно много, отличные песни, отличная музыка, но эти песни и музыка менее популярны. В погоне за импортом, фирмой забывается порой национальная гордость.

Триумфом считается обладание всем, что можно на себя надеть, нацепить, повесить или растереть на теле, лишь бы оно имело яркую этикетку «Мэйд ин не наше» на самом неожиданном месте. Неважно, что джинсы сжимают таз до хруста костей, а карманы пришиты ниже колен, неважно, что куртка не прикрывает пояс, а карманы на рукавах, важно — фирма на месте. Хозяин этакой импортной витрины-выставки с пренебрежением смотрит на наши советские брюки, рубашки, платье, обувь, очки, косметику, сигареты и даже шнурки. Все это он предпочитает иметь импортное. Нет, не качество для него главное — фирма.

Я далек от тех времен, когда восхищение любым заграничным вызывало неодобрение, но мне больно, когда отсутствие «фирмы» становится преградой перед вещами, которые ничем не уступают заграничным, когда подлинную музыку забивает расхожий, неизвестно кем сочиненный шлягер.

Неужели я не прав?

Е. А. ТАРАДИН,
электросварщик

Миллерово,
Ростовской области.

Т. Федорова. Род. 1952. В МУЗЕЕ. 1980.

Р. Таммик. Род. 1946. ЮНОША С ФОТОАППАРАТОМ. 1981.

Олег **МИХАЙЛОВ**

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Курортный рассказ

1

Было все, что полагается на курорте: море, солнце, пляж. И огромный четырнадцатиэтажный улей, соты которого бессонно жили день и ночь.

Нужно ли описывать солнце над морем и море под солнцем? По-моему, этого делать не следует.

Какое неправдоподобное скопище разнообразных лиц! Какое стечение людей из несоприкасающихся миров, собранных случаем в одно место! Знаменитый физик, смуглый, сухопарый камрад Марсель, за двадцать лет так и не научившийся чисто говорить на языке своей второй родины, играющий на теннисном корте в корсете из-за некогда облученного позвоночника и трагически восклицающий после каждого неловкого удара: «О! Гранд идиот!»; некто Фазанов, молодой бойкий лирик с очень развитыми жевательными мышцами, воспевающий дымные индустриальные пейзажи, но сам предпочитающий виды Кавказа и Крыма, где он проводил пять месяцев в году; олимпийский чемпион по водному поло, который ввиду своей крайней молодости представлялся просто «Саня» и фигура которого могла бы соперничать в совершенстве со знаменитым бронзовым Юношей, найденным не так давно аквалангистом на дне Ионического моря близ калабрийской деревни Риаче; кокетливая Руслана — дама-инженер с большим бюстом, довольно тонкой талией и густо-волосатой родинкой над верхней губой; популярный кинорежиссер Плешаков, страшный, черный, с крючковатым носом и индюшачьими брылами на длинном лице, который, несмотря на выдающуюся худобу, имел как бы существующий при нем дополнительно изрядный живот; три богатыря-шахтера из Горловки — застенчивые, добродушные увальни. И одинокий желчный господин, с явным отвращением воспринимающий и солнце, и пляж, и море, и теннисный корт.

Как приятно было через три часа после поздней, слякотной, ревматической московской осени очутиться в знойном, горячем кавказском воздухе, вблизи теплого моря, внести в просторный номер новые желтые кожаные чемоданы, скинуть с себя тяжелую одежду и обувь и оказаться в шортах и плавках. Как славно было отдернуть плотные шторы и тюлевые занавеси, распахнуть стеклянные двери, выбежать на балкон и благодарно протянуть руки навстречу солнцу и теплу: скорее на пляж, благо он тут же, рядом. Как сладостно было погрузиться в прозрачную прохладу моря и, не отбрасывая бесчисленных мелких медуз, полежать на спине, лениво шевеля ногами. Как весело было перед обедом ехать в маленьком автобусе аллеями кипарисов, грецкого ореха, камфарных деревьев, потом идти меж густо-зеленых лавров — годных и для венка поэту и для доброго супа хозяйке — в гостеприимную абхазскую деревню, пробовать красное молодое маджари, заедая его маринованной фасолью с лавашем, покупать янтарный спелый королек и зеленые, остренькие на вкус плоды фейхоа...

Всем было приятно, славно, сладостно, весело, только желчного господина ничто не радовало.

Прозвище это прилипло к нему еще в «Икарусе», на пути из Адлера в дом отдыха, когда пассажиры знакомились друг с другом.

— Руслана! — громко и весело сказала женщина, находившаяся в том неопределенном возрасте от тридцати до сорока пяти, когда дети уже подросли, болезней еще нет и есть время подумать о любви.

Фазанов, успевший назвать и себя и род своих занятий, не замедлил с профессиональной остро́той:

— Вы **Руслана!** В таком случае Пушкин просил узнать меня: а где же **Людмил!**

В легком молчании прозвучал лишь один меланхолический голос:

— Я читал недавно, Фазанов, в а ш и стихи в «Литературной газете» и заверяю всех, что, высказываясь от имени Пушкина, вы поступаете крайне неосторожно...

Говоривший умолк и снова раскрыл потрепанный томик Булгакова. Поэт же был так поражен несправедливостью его слов, что нашелся лишь тогда, когда обидчик вышел из автобуса, и с глубокой горечью воскликнул:

— Какой желчный господин!..

И все, даже потерпевшая от лирика Руслана, стали именовать за глаза любителя Булгакова не Федором Михайловичем Судариковым, как он сам представился, а только «желчным господином». И потом лишь дивились проницательности Фазанова.

Когда начинали рассуждать о прелестях морских купаний, Федор Михайлович указывал на трубы, расположенные рядом с пляжем, по которым безостановочно перегонялась из близлежащего озера для его осушения заболоченная вода, образуя в тихую погоду огромное желтое пятно; если восторгались воздушными ваннами, он тут же соглашался, однако добавлял, что малейшая перемена ветра приносит совсем не ароматные запахи со свинофермы, построенной сразу за реликтовой сосновой рощей; случалось, хвалили блюда, подаваемые в огромной остекленной столовой,— Судариков не спорил, но тотчас жаловался на мучающую его изжогу от соусов и подливок, такую резкую, что от нее невозможно избавиться ни минеральной водой «Скури», ни кефиром, ни яблоками, ни даже питьевой содой...

Ну, и желчный господин! Все ему было не по душе.

Тем не менее Руслана, обзаведшаяся в день приезда подружкой, тоже москвичкой, тоже инженером, тоже теннисисткой, решила взять над ним шефство. Правда, внешность у Сударикова была самая незначительная: стертое, незапоминающееся лицо, намечающаяся лысина, ворчливый голос, небольшой рост, да к тому же и одевался он старомодно и не по сезону утепленно: демисезонный командировочного типа плащ, мышиного цвета костюмчик, и никаких тебе шортов и спортивных курточек...

— Но я чувствую, Анюта,— торжественно говорила Руслана своей новой подружке,— это очень несчастный человек! Его ожесточили одиночество и несправедливость женщин! А кто, как не женщина, может исправить дело? Смягчить его угрюмую недоверчивость...

2

Успеху благотворительной миссии способствовало то, что у Русланы и Федора Михайловича комнаты оказались на одном и том же восьмом этаже. Причем если Руслану поселили с Анютой, то Судариков каким-то образом получил отдельный номер. Они договорились сесть за один столик и ходить в столовую вместе.

Через два дня после приезда, отправляясь на завтрак, Руслана и Федор Михайлович встретили в холле Плешакова. В белой ковбойской шляпе с загнутыми полями и с коричневым изящным саквояжем популярный режиссер шел, полуобняв хорошенькое стройное существо с навсегда застывшим капризным выражением. Сзади плелся с двумя огромными чемоданами лысый молодой человек с помятым лицом, на котором отпечатались следы ранних пороков.

Радуясь возможности продолжить интересное знакомство, Руслана сказала режиссеру:

— У вас пополнение? Поздравляю! Как хорошо, должно быть, вам будет с дочуркой...

Плешаков что-то буркнул в ответ и поспешил скрыться в кабине лифта.

За обедом, пока еще не появились ни Анюта, ни камрад Марсель, Судариков ворчливо спросил:

— Зачем вы хотели смутить Плешакова? Я вижу, это было сделано нарочно, и отдаю честь вашей проницательности, но...

— Что вы имеете в виду? — удивилась Руслана.

— Да вашу, признаюсь, ядовитую фразу о его дочери.

— Я вас не понимаю...

— Полноте,— флегматично проговорил Федор Михайлович.— Вы, небось, отлично знаете, что это не его дочь. Это очередная жена, взятая из какой-нибудь массовки... А молодой человек, очевидно, неудачник-сын...

— Откуда вы все это взяли?

— Догадался сразу же в холле. А подтверждение пришло само. Их люкс над моей комнатой. Как они бранились после завтрака! Она назвала его старым хрычом, а он ее — потаскушкой. Сознаюсь, только о занятиях сына я не смог узнать ничего определенного. Видно лишь, что все в нем смазано и смягчено, словно подыстерлось отцовское клише...

— Боже! Как в вас много яда, желчи! Вы всех стараетесь видеть в черном свете! — в отчаянии ответила Руслана.— И, кажется, вы безнадежно испортили мне аппетит...

Тем не менее она съела маринованную рыбу, харчо, поджарку, сайку с повидлом, выпила компот и попросила пшенной каши...

3

После завтрака Руслана обычно играла в теннис в обществе Анюты, камрада Марселя и еще нескольких энтузиастов. Чем занимался в эти часы Судариков, она не знала и не без удовольствия вдруг увидела его на лавочке у корта, где давно уже томилась жена популярного режиссера. В белом костюмчике из хлопка — модный стиль сафари: бермуды и курточка — она кокетливо вертела маленькой стрекозиной головкой и рассеянно слушала почтительно стоявшего подле нее пасынка.

Корт был старый, асфальтовый, с залатанными цементом дырами, драной и подвязанной кое-как с помощью капроновой лески сеткой. Правда, неподалеку строился целый теннисный городок — пять отличных грунтовых площадок, покрытых красным толченым кирпичом. Но ввод в строй этого чудесного сооружения откладывался уже второй год.

Федор Михайлович подметил, что запасной мячик Руслана прятала в глубоком лифе, в его вырезе, а потом извлекала словно из сумки.

«Нечто новое в практике мирового тенниса»,— пробормотал желчный господин и стал следить за игрой.

Вот Руслана неудачно выполнила подачу — не попала в квадрат, ошиблась вторично, и ее партнер камрад Марсель покорно перешел, заняв новую позицию у сетки. Наконец подача удалась, мяч принял игравший в паре с Анютой черный от природы и неимоверно прокопченный кавказским солнцем молодой человек и красиво укоротил ответный удар. Он легко и изящно передвигался по корту, хотя играл в нарушение всех теннисных кодексов в когда-то модных кримпленовых брюках и босиком.

— Вперед! К сетка! — крикнул темпераментный Марсель.

Руслана засучила ногами на месте, потом дернулась и успела только скребнуть ракеткой по асфальту.

— Старт, старт! У вас немножко много, как это? Вес...— смягчая упрек учтивостью тона, сказал камрад Марсель.— Держите!..

Он нагнулся за мячом, но сделал это крайне неловко. Мячик дважды выскочил из его задрожавших пальцев.

Чтобы не смущать Руслану, Сударикков перевел взгляд на соседнюю площадку, где месили песок волейболисты, и сразу увидел чемпиона по водному поло. Так контрастно выделялась его гибкая, стремительная фигура среди неуклюжих, грубо сбитых торсов. Он взмывал узким, точно торпеда, телом высоко вверх и неотразимо гасил мяч над сеткой. Федор Михайлович поглядел на свою соседку. Отвечая что-то пасынку, она из-за него, словно из-за забора, напряженно наблюдала за красавцем Саней.

Желчный господин покачал головой и усмехнулся, словно узнал про себя какую-то гадость. Игра на корте между тем закончилась. Он поднялся со скамейки, но, сказав положенный комплимент Руслане, подошел к загорелому молодому человеку.

— Вы, кажется, строите теннисный городок? Могу я вас на два слова?..

Судариков добавил что-то, отчего сквозь асфальтово-бурый загар на лице молодого человека проступила бледность, и оба немедленно удалились.

4

— Так вы категорически отказываетесь есть эту говядину?— спросил за обедом Федор Михайлович.

Руслана с выражением страдания на лице поглядела на камрада Марселя, который никак не мог поддеть непослушной вилкой зеленый горошек, и, чувствуя себя Жанной д'Арк, повторила:

— Сегодня у меня молочная диета...

— Тогда вы дарите ее мне. Свою я съедаю, а вашу порцию беру с собой.

— Я начинаю вас ревновать,— кокетливо проговорила Руслана.

— Очевидно, к этому вареному мясу,— ответил он в своей ворчливой манере и то ли в шутку, то ли всерьез — не поймешь — добавил: — Безнадежное занятие. Для молодых девушек я давно уже не представляю никакого интереса. А все остальное — вы простите — не представляет интереса для меня...

Поднявшись к себе, Руслана решила обсудить с Анютой странности желчного господина.

— Может, у него с собой кошечка? Или маленькая собачка? Знаешь, бывают такие, на проволочных ножках — карликовые терьеры,— нерешительно произнесла подруга.

— Нет, я чувствую, тут что-то почище,— возразила Руслана.— Он даже не одинокий пьяница. Поверь мне, это какой-то маньяк...

Подруги решили, что настала пора повести сыск по всем правилам беспощадного детектива. Однако чрезвычайное происшествие смешало эти планы. Средь бела дня пропала жена режиссера. Она не явилась на обед, не было ее и на ужине. Плешакова с сыном видели на пляже, где они расспрашивали отдыхающих, а затем сын бегал за три километра в военный санаторий.

— Не пахнет ли тут преступлением?— значительно сказала Руслана, сидя вечером, перед сном, с Анютой и Судариковым в уютных креслах в холле на восьмом этаже.

Она пристально поглядела в глаза желчному человеку, но он флегматично отвел удар:

— Должен заметить, тогда преступник найден. Это чемпион Саня.

— Как?

— С какой стати?!— хором воскликнули обе дамы.

— Ведь его тоже не было ни на обеде, ни на ужине. И он даже предупредил своих соседей по столу — наших молодцов-шахтеров,— лениво проговорил желчный господин.— Когда во время ужина я проходил мимо них, они как раз уничтожали его порцию.

— Какая же дрянь эта особа!— вспыхнула Анюта.

— Бедный Плешаков! Как он, должно быть, страдает,— вздохнула Руслана.

И опять ворчливый голос Федора Михайловича возмутил подруг:

— Плешаков-старший сейчас спокойно играет в бильярд с маркером. А вот его сын действительно вне себя от ярости бегает по балкону, ожидая ее возвращения.— Желчный господин поднялся.— Пойду-ка подстрахую этого оболтуса... Чего доброго, еще вывалится через перила...

Некоторое время дамы молчали. Потом заговорила Руслана, голос ее дрожал:

— Ты видишь, это страшный человек. Я должна побывать в его логове и разоблачить его. Чего бы мне это ни стоило!..

5

Утром Руслана ворвалась в комнату и начала трясти Анюту.

— Я поймала его с поличным! У желчного господина ночью была женщина!..

Мотая головой, чтобы стряхнуть остатки сна, подруга механически сказала:

— Не может быть!..

— Я с восьми часов караулила его дверь,— не слушая ее, продолжала Руслана.— И вот, представь, выходит заплаканная особа...

— Хорошенькая?— окончательно проснувшись, изумилась Анюта.

— Толстая и старая. Очень похожа на нашу сестру-хозяйку из столовой. Но это, ты понимаешь, случайное сходство. Нет, каков, а?..

— В тихом омуте...— задумчиво проговорила подруга.

— А не Синяя ли он Борода?—продолжала развивать свои наблюдения Руслана.— Быть может, он мстит всем женщинам за то, что одна когда-то обошлась с ним жестоко? Нет, я сегодня же вечером добьюсь от него решительного объяснения...

Во время завтрака подруги вели себя так, словно бы ничего не знали. Тихо и пристойно было и за столиком режиссера. Только Плешаков-младший, завидя Сударикова, крайне смутился, вскочил со стула и с подобострастием стал ему кланяться. В ответ желчный господин приятельски помахал рукой.

— Не хотите ли поехать сейчас в Новый Афон?— осуществляя свой сыскной план, предложила Руслана Федору Михайловичу.— Там сенсация. В знаменитой пещере проснулся окаменевший горный поток. Говорят, потрясающее зрелище! Нам выделили «рафик»...

— Который никуда не поедет,— флегматично продолжил ее фразу желчный господин.

— Как? Отчего?

— Сгорел вчера вечером,— не поднимая головы от тарелки, пояснил он.— Говорят, погиб целый склад дефицитных продуктов...

В самом деле, перед домом отдыха волновалась, обсуждая непредвиденную задержку, кучка экскурсантов:

— Загорелся мотор... Машина продолжала двигаться... Врезалась в мачту...

— А водитель?

— Выскочил и остался невредим...

От центрального входа отделилась процессия. Ее возглавлял коротенький человечек, который, несмотря на свой потешный вид, шел необыкновенно величественно, ласково отвечая на приветствия персонала.

Среди отдыхающих прошелестело:

— Сам хозяин...

— Человек с размахом! Строит теннисный городок, бассейн. Закупил в Сормове отличный прогулочный катер. А какое богатое подсобное хозяйство!..

К директору рысцой подбежал завгар и о чем-то быстро заговорил.

— Немедленно «Икарус»!— низким, рыкающим басом повелел хозяин и повернул назад.

— Какой внимательный!— восхитилась Руслана.

— Вполне возможно, вполне возможно...— ворчливо ответил Судариков, но от поездки в Новый Афон отказался, сославшись на дела.

«Знаем, какие у тебя дела, лысый селадон,— со сладким мстительным чувством подумала Руслана.— Ну да ладно, выведем тебя на чистую воду...»

Назначив Федору Михайловичу вечером неотложное свидание, она нарочно опоздала, подойдя вдобавок к скамейке из темноты, со стороны моря. Желчный господин сидел в своей обычной унылой позе, с томиком Булгакова на коленях, безвольно опустив руки. «Какая мимикрия! Ни дать ни взять скромный бухгалтер,— сказала себе Руслана.— Я так и вижу его в черных сатиновых нарукавниках в каком-нибудь затрапезном АХО...»

Южный вечер падает, разом переходя в ночь. Небо и море сомкнулись, как створки непроницаемого бархатного занавеса, и только низко над невидимым горизонтом светился колючий, любопытствующий глаз Сириуса.

— Пойдемте туда...— предложил Федор Михайлович, указав в сторону хозяйственных построек.

«И то верно: там меньше посторонних ушей»,— подумала Руслана и согласилась.

— Вы курите?— спросила она.

— Бросил эту гадкую привычку четырнадцать лет назад.

— Тогда закурю я...— Руслана так волновалась, что никак не попадала сигаретой в пламя протянутой спички.

— Итак, я весь внимание,— сказал Судариков, когда Руслана сделала глубокую затяжку.

— Видите,— заговорила она, чувствуя холод между крыльями лопаток,— я потеряла сон и покой. Я теряюсь в догадках — кто вы? Иногда вы кажетесь мне скромным служащим на отдыхе, а иногда — злым гением, который разрушает все, к чему ни прикасается. Вы должны сказать о себе правду! Кто же вы?..

Желчный господин преувеличенно серьезно воскликнул:

— Руслана! Я давно понял — вам надо писать! Романы!..

— Вы обижаете меня,— отозвалась она на его шутку.

— Хорошо,— не сразу сказал он из темноты.— Я обещаю, что во всем исповедуюсь вам. Но только в день отъезда. А теперь...— Он вдруг нагнулся и поцеловал ей руку.— Спасибо за прогулку. Вы сами не представляете, как помогли мне, проводив сюда...

И с неожиданной для его возраста и флегмы прыткостью он сиганул через живую изгородь и исчез в темноте.

— Бедный, бедный...—в волнении прошептала Руслана, еще чувствуя прикосновение к руке сухих губ.— Как же крепко его обидела какая-то тварь! И как теперь он мстит женщинам и страшится их!

6

Где взять фламандские краски, чтобы описать сочную абхазскую осень, пестрый базар в Гаграх, пляжи Сухуми и знаменитый обезьянник, реликтовые сосны Пицунды, бывший дворец принца Ольденбургского, превращенный в демократичный, для любого трудящегося с длинным карманом ресторан «Гагрипш». Но наступает день и час, когда юг надолго лишается своей прелести.

Ночью ветер приходит с гор, он скрипит, жалуется, подражает разным голосам—то вою собаки, то плачу ребенка, то мяуканью, то свисту Соловья-разбойника. Начинает беспокойно ворочаться, а затем приходит в неистовство море. Под утро, в предрассветной мгле, шквальный дождь обрушивается на стены и окна дома отдыха. Где-то со страшным хлопком разбивается стеклянная дверь. С балконов взлетают, подражая птицам, купальники и плавки.

Утром перед пляжем на шесте бьется красный лоскут. Но и без этого ясно, что купание невозможно. С тугим хлопаньем прыгает волна на берег, затопляя песок молочной пеной. Грохот нарастает, перекликаясь с далекими громами в свинцово-темном небе, которое освещается лишь фосфорическими трещинами молний. Все-таки самый отчаянный из шахте-

ров лезет в бешеный прибой, и его спасает чемпион-ватерполист.

На спортивных площадках сплошные лужи. Дождь, ослабев, сеет теперь водяную муку. И безжалостно волна стирает влюбленных следы на песке. Отдыхающие испытывают внезапный прилив чувств к оставленным вдали близким, выстраивая длинную очередь у междугородного телефона. Оживают культурные мероприятия.

— Вы, конечно, идете на вечер Фазанова?— спросила Руслана у желчного господина на другой день после их свидания.— Он читает сегодня только новые стихи.

— Я не поклонник его таланта,— уклонился от ответа Судариков.

— Вы просто к нему пристрастны,— возразила Руслана.— В его облике, в лице все-таки есть нечто поэтическое...

— Поэтическое? В лице?— Желчный господин рассмеялся.— А вы обратили внимание на его рот? Какой у него неопрятный рот. Помните, как сказано о поэте? «И он к устам моим приник...» А к отверстию на лице Фазанова способен приникнуть только дантист...

— Как можно! Вы разрушаете все прекрасное. Все таинственное! — в крайнем негодовании проговорила Руслана.

— Вовсе нет,— мягко сказал Федор Михайлович.— Просто таинственное не всегда прекрасно. Но раз вы так любите тайны, могу поделиться одной, касающейся Фазанова. Этим занимался когда-то мой приятель-юрист. Так, курьезный случай. Однако тогда, собственно, и началась литературная слава Фазанова. Хотя, возможно, это не для женских ушей...

— Нет, скажите... Я приказываю! — замирая, прошептала Руслана.

— Он разбил в своем клубе... простите... лицом — мраморный унитаз...

— Для вас нет ничего святого,— едва не плача, воскликнула Руслана.— Вы готовы сказать дурное о каждом! Остались, кажется, только я и камрад Марсель. Так извольте сообщить, что вы думаете о нем?

— О нашем милом физике? Я выскажу предположение, увы, самое неприятное,— помрачнев, отозвался желчный господин.— У него так дрожат кончики пальцев, что, боюсь, это начало грозной болезни. Она носит имя Паркинсона и ведет к нарушению двигательных центров. Дай-то бог, чтобы я ошибся! — добавил он и без перехода предложил: — Зачем вам этот Фазанов и его стихи? Пойдемте лучше после ужина в бар!..

7

Каждый день, кроме воскресенья, в час дня раскрывалась черная дверная пасть, откуда заманчиво неслись звуки рок-групп. Мужчины, особенно те, кто отдыхал без жен, твердо избравшие было курс на обед в столовую, как-то незаметно, словно по чужой воле, сворачивали и исчезали в ней. Их встречал богатый бармен, убежденный противник алкоголя, который снисходительно и даже чуточку презрительно метал, точно в ковбойском фильме, пятидесятиграммовые рюмки с коньяком и наполнял чашечки душистым крепким напитком, приготовляемым в медных кофейницах на раскаленном песке.

— Он совсем не светский человек...— рассказывала в тот же вечер о Федоре Михайловиче Руслана подруге.— Такая растяпа! Представляешь, тут же уронил в рюмку, мне показалось, какую-то стеклянную палочку. Выяснилось, авторучку из нагрудного кармана. Сперва страшно сконфузился, а потом внезапно повеселел, словно узнал что-то радостное... Но до чего желчен! Представляешь, сказал: «Я не люблю хорошей погоды»!..

После рюмки коньяка и кофе Руслане захотелось попробовать знаменитое абхазское «Псоу», и Судариков тотчас принес бутылку и бокалы. Когда Федор Михайлович разливал вино, она заметила на его ладони глубокую ссадину со следами копоти.

— Что это у вас?

— Наказание за любопытство,— добродушно пояснил желчный господин.—Я вчера решил осмотреть сгоревший «рафик». Была тьма кромешная. И вот...

— Право, вы все-таки необыкновенное существо! — Руслана раскраснелась и начала фантазировать.— Сейчас мне кажется, что передо мной инопланетянин, гомоноид, который принял вид заурядного служащего! Вы верите в гомоноидов? Я — безусловно!..

— Вот-вот! — в тон ей заговорил Судариков.— Мы все готовы жадно искать загадочное где угодно — в слухах о гомоноидах, в развалинах Баальбека, в мифе об Атлантиде, на дне Маракотовой бездны и на недоступных высотах Памира, в водах Лохнесского озера и на поверхности Луны. Где еще? Всюду, лишь бы не в самих себе...

— Значит, вы все-таки одинокий несчастный бухгалтер с черными нарукавниками...— разочарованно вздохнула Руслана.

— Дались вам эти нарукавники! — почти сердито ответил Федор Михайлович.— Прежде всего я счастлив. Слышите? Счастлив! У меня любящая жена и три взрослые дочери. И, представьте, я уже дважды дед!..

Он придвинулся ближе к Руслане и в полумраке бара доверительно зашептал:

— Знаете, у меня хобби. Я коллекционирую винные этикетки. Но непременно со штампом. Здесь не разрешается выносить бутылки, а у вас такая вместительная сумочка. Незаметно положите бутылку туда. Очень любопытный штамп! Жемчужина для коллекционера...

8

Приходит срок всему, наступило время отъезда. Но главные события произошли за день до этого. Что-то стряслось с благополучным домом отдыха — это почувствовали все. Словно бы бесшумный термоядерный взрыв потряс четырнадцатиэтажный улей от солярия на крыше и до самого основания, до его подземных хозяйственных служб. И в эпицентре взрыва, судя по всему, находился, — нет, кто бы вы думали? — желчный господин. Теперь вокруг него клубилось начальство: мастер по теннисным кортам, завгар, сестра-хозяйка, бармен и еще какие-то бледные лица во главе с директором, с которого вдруг смыло всю его величественность и который, как по волшебству, урос до размеров обыкновенного перепуганного гнома. Желчный господин объяснял всем, что по его вызову из Москвы прибудут специалисты для довершения начатой им работы, и наотрез отказался от черной «Волги» для поездки в аэропорт.

И вот они с Русланой перед скромным зданием аэровокзала в Адлере.

Она улетала в Москву раньше, чем Судариков, и он донес до стойки ее чемодан. Когда пассажиров пригласили следовать на посадку, желчный господин сказал:

— Ну, вот и настал черед моего признания. Я всего лишь скромная рабочая улитка. Из породы тех, что чистят аквариумы от всяческой слизи и грязи.—Он движением руки остановил вопрос Русланы.— Нет. Я не вторгаюсь в чью-либо личную жизнь. Я занимаюсь только тем, что на юридическом языке именуется злоупотреблением служебным положением. Знаете — народный контроль...

— Простите меня,— пролепетала Руслана, залившаяся краской до самой родинки.— Я была к вам так несправедлива...

— Вы были ко мне внимательны. И даже помогли закончить работу, которой я, право, доволен. И теперь, может быть, скоро поеду отдыхать. На курорт.

Перед тем, как скрыться в дверном проеме, Руслана обернулась. Незаметный человечек в командировочном плаще улыбался и махал ей рукой. И Руслана послала ему такой горячий воздушный поцелуй, что шедшая позади зобастая старуха громко сказала в пространство:

— Вона, развела нежности! А наверняка во Внукове ее ожидает с букетом дурак муж!..

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ПО

Лев КОРНЕЕВ

«ЗВЕЗДА ДАВИДА» НАД ХЬЮСТОНОМ

Мало кому известно, что часть территории Израиля находится за тысячи миль от Тель-Авива, по ту сторону Атлантики. А именно в городе Хьюстоне, на американском побережье Мексиканского залива. Здесь над одним из причалов развевается сине-белый израильский флаг с шестиконечной звездой. Этот причал — собственность государства Израиль. И если другие причалы по соседству полупустынны, парализованы безработицей, то на «обетованной» земле в Хьюстоне и днем и ночью кипит работа.

Мощные тягачи доставляют сюда тяжелые штурмовые танки, гигантские контейнеры с частями сверхсовершенных боевых самолетов, громоздкие ящики с новейшим вооружением, боеприпасами, снаряжением и запасными частями для американской техники, которой оснащена «цагал» — армия Израиля. Портальные краны загружают в трюмы израильских судов смертоносные грузы с такой поспешностью, словно на Ближнем Востоке вот-вот вновь грянет бой...

— Не будь на грузах маркировки «для Израиля»,— заявил один из местных докеров,— можно было бы подумать, что мы снабжаем оружием наши базы в странах блока НАТО!

В результате сентябрьского визита в США премьер-министра Менахема Бегина по его инициативе было принято решение о новом характере взаимоотношений между США и Израилем. Формула «обеспечение безопасности еврейского государства» отныне заменена концепцией «стратегического сотрудничества». Третьим на переговорах Бегин — Рейган было пугало «советской угрозы», под сенью которого высокие сговорившиеся стороны выработали соглашения, предусматривающие проведение совместных маневров, штабных учений, складирование американского оружия на израильской территории, сотрудничество в тыловом обеспечении, включая увеличение использования израильских баз и объектов для ремонта и ухода за техникой военно-воздушных и военно-морских сил США. Тель-Авив также предложил, чтобы США разместили необходимое снаряжение на новых израильских военных аэродромах, сооружаемых в пустыне Негев, а американский военно-морской флот использовал портовые сооружения в Хайфе. Израиль уже без всякой маскировки превращается в плацдарм Пентагона на Ближнем Востоке, а израильская военщина с ее опытом разбоя и агрессии — в один из ударных отрядов «сил быстрого развертывания».

Вашингтон вполне удовлетворен перспективой поставить рядового израильтянина в строй американского жандармского корпуса при нефтяных богатствах ближневосточного региона. Так, чтобы флаг был израильский, порох — американский, а интересы — захватнические. Что же касается Израиля, то его сионистские правители тоже не намерены оставаться в проигрыше.

Согласие Вашингтона на двусторонний военный союз с Тель-Авивом окончательно развязало загребущие руки израильским сионистам для продолжения захватнической политики по созданию «Великого Израиля» путем агрессии и аннексий. Не прошло и двух месяцев после визита Менахема Бегина в Вашингтон и оформления военного пакта Израиль — США, как сионистский парламент утвердил решение об аннексии Голанских высот, принадлежащих Сирии и захваченных в ходе израильской агрессии против Сирии, Египта и Иордании в 1967 году. Что дальше? И до каких пор? На эти вопросы в Белом доме не дают ответа...

Правда, под занавес уходящего 1981 года в Вашингтоне и Тель-Авиве был разыгран спектакль в связи с решением Израиля аннексировать Голаны. Администрация США громогласно объявила о приостановлении действия соглашения о «стратегическом сотрудничестве». Это было сделано будто бы для того, чтобы выразить недовольство. Однако тут же госсекретарь Хейг заявил, что разногласия между Вашингтоном и Тель-Авивом — лишь разногласия между «хорошими друзьями». Таким образом он дал понять, что при любых обстоятельствах вышеозначенные соглашения или их модификация будут определять дальнейшую политику дяди Сэма и международного сионизма в Восточном Средиземноморье. В сионистско-американском браке по захватнической любви и неоколониалистскому расчету все течет, все меняется, но все остается по-прежнему...

НА ЧУЖОЙ ХРЕБЕТ

Решение Менахема Бегина превратить Израиль в одну сплошную американскую военную базу прикрывается демагогией «защиты страны от внешней опасности». Но это, как говорится в талмуде, для засорения глаз соседей, подлинная причина в ином.

— Бремя военных расходов к настоящему времени почти сломило хребет экономики Израиля,— сообщил недавно корреспондент гонконгского журнала «Эйшауик» Роберт Пульо, аккредитованный в Тель-Авиве. Что ж, в данном случае буржуазный журналист сказал сущую правду.

Израиль превратился в самую милитаризованную страну в мире. Численность «цагал» доводится до 180 тысяч солдат и офицеров при 550 тысячах обученных резервистов; иными словами, под ружьем каждый пятый израильтянин, считая женщин, стариков и грудных младенцев обоего пола...

Каждый четвертый израильский рабочий обрабатывающей промышленности занят производством вооружения, всего 70 тысяч человек. В целом более половины трудящихся Израиля — в армии или в военной промышленности; они получают деньги, но не производят никаких потребительских товаров. В итоге — безудержная инфляция, она выросла с 42 процентов в 1977 году до 180—200 в 1981 году, это первое место в мире, мрачный антирекорд.

«Стаи жирных денежных купюр гоняются на рынке за тощими товарными зайцами!» — пишут израильские газеты.

Еще рекорд наоборот: государственный долг Израиля США превысил к 1982 году 18 миллиардов долларов, или по четыре с лишним тысячи долларов на каждого израильтянина.

И, наконец, безработица. Она достигла в Израиле к 1982 году пяти процентов, это весьма высокий показатель для маленького государства.

При его создании сионисты заманивали евреев со всех континентов шовинистской басней, будто «самые умные» еврейские мозги создадут в Палестине рай для евреев всего мира. В свете сегодняшней действительности эта басня просто смешна, даже если сбросить со счетов, что «обетованную землю» пришлось огнем и мечом по-гитлеровски отбирать у коренных жителей, арабского народа Палестины. Израиль наших дней — государство нищеты, расизма и терроризма, возведенных в ранг государственной политики.

...С раннего утра у ворот американского посольства в Тель-Авиве выстраивается длинная очередь мужчин и женщин, приехавших сюда со всех концов Израиля. Ныне в США и Канаде работает почти вдвое больше израильских инженеров, чем в Израиле. В целом двадцать процентов израильского населения (точнее, израильских евреев) — 700 тысяч человек — проживают за пределами Израиля на положении эмигрантов. Ариэль Шарон, военный министр, заявил, вернувшись из поездки в США: «Нью-Йорк превращается в самый большой еврейский город в мире после Тель-Авива». Моше Даян в бытность свою главой израильского МИД признавал: «Эмиграция евреев в другие страны — главная проблема Израиля». Премьер Бегин заявил в парламенте: «После создания Израиля из-за эмиграции мы потеряли четыре дивизии, а это поистине «кровопускание»!»

Массовое бегство евреев из сионистского «рая» в Израиле грозит размыванием и — в перспективе — ликвидацией этнической базы «еврейского государства».

Вот почему Менахем Бегин ничтоже сумняшеся решил переложить значительную часть военной ноши со своего почти сломанного хребта на чужой хребет — заокеанского налогоплательщика. В январе 1981 года он потребовал у Белого дома скостить все долги, затем выклянчил новую подачку в 600 миллионов долларов, доведя тем самым сумму американской военной помощи почти до трех миллиардов долларов на этот только год.

А теперь вот торопится навесить на Израиль вывеску «собственность вооруженных сил США», надеясь, что Вашингтон полностью возьмет на себя все расходы на содержание «цагал». Есть, однако, во всей этой комбинации одно сионистское «но»...

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ХИРОСИМА!

Но отношения между американским империализмом и сионизмом не ограничиваются только рамками господства одного и подчиненности другого. Международный сионизм стремится проводить собственную гегемонистскую политику. Израиль как часть системы международного сионизма на Ближнем Востоке ставит своей целью создание «великого еврейского государства» от Нила до Евфрата — это программа всех израильских сионистских партий.

Как саркастически заметил в этой связи журнал Организации освобождения Палестины «Палестина», разница между правящим блоком Бегина и крупнейшей оппозиционной «партией труда» по этому вопросу состоит в том, что бегиновцы выступают за Израиль от Нила до Евфрата, а «трудовики» — за Израиль от Евфрата до Нила...

В связи с тем, что людской и экономический потенциал Израиля по увеличению численности армии и ее боевой мощи практически исчерпан, его военно-политическое руководство приступило к реализации планов по подготовке антиарабской ядерной войны.

Секретный меморандум, подготовленный группой высших экономических советников, рекоменду-

ет сократить обычные силы безопасности (то есть сухопутные силы «цагал») и развернуть более дешевое тактическое ядерное оружие на базе построенных в США ракет «Першинг». Заместитель начальника генерального штаба израильских сил обороны бригадный генерал Екутиэль Адам считает, что армии, возможно, скоро придется переоценить стратегические планы, если экономические трудности станут серьезными. «Введение ядерного оружия на Ближнем Востоке,— говорит Адам,— может потребовать два года или больше, поэтому любое долгосрочное планирование на следующее десятилетие должно принимать этот факт во внимание»,— пишет журнал «Эйшауик». Иными словами, правительство Тель-Авива и генштаб «цагал» встали на путь развязывания «ближневосточной Хиросимы»...

Впервые официальное сообщение о наличии в Израиле ядерного оружия было сделано в декабре 1974 года тогдашним президентом страны Эфраимом Кациром. Он буквально заявил следующее: «Израиль имеет ядерный потенциал, который должен встревожить мир». Спустя год заявление Кацира нашло подтверждение в распространенной американскими источниками в Париже через газету «Франс суар» информации, в которой говорилось: в 1974 году ЦРУ США в специальном докладе сделало вывод, что Израиль располагает ядерным оружием и средствами его доставки.

«Этот вывод,— говорилось в докладе,— основан на приобретении Израилем большого количества урана, в том числе тайными средствами, подозрительных исследованиях в области обогащения урана и его крупных расходах на ракетную систему, способную нести ядерные боеголовки».

СЕВ БУРИ

Для подобного вывода есть все основания. Разработки в области ядерной энергетики начались в Израиле в 1952 году под руководством комиссии по атомной энергии, непосредственно подчиненной премьер-министру страны.

Ныне в Израиле имеется два ядерных реактора — в Нахал-Сорике и «Димона» в пустыне Негев. Израильская ядерная энергетика в достатке обеспечена собственным сырьем. Ядерное «горючее» поступает также в Израиль из ЮАР и передается западными державами под прикрытием якобы хищений его спецслужбами Тель-Авива на складах или при транспортировке по морю.

По данным ЦРУ США, в Израиле в настоящее время подготовлено до 20 единиц ядерного оружия, готового к применению. Имеет Израиль и собственные средства доставки. Потенциальные носители ядерного оружия в Израиле — американские истребители-бомбардировщики, находящиеся на вооружении израильских ВВС, и двухступенчатая ракета среднего радиуса действия МД-660 («иерихон») с дальностью полета 220 миль, разработанная и построенная с помощью французского авиапромышленника сиониста Марселя Дассо.

По имеющимся данным, в сентябре 1979 года и в декабре 1980 года в Южной Атлантике Израиль совместно с ЮАР произвел два испытательных взрыва ядерного устройства. В качестве носителя использовался снаряд 155-миллиметровой гаубицы особого типа или ракета.

В свете ядерных приготовлений Тель-Авива уничтожение израильской авиацией атомного исследовательского центра под Багдадом летом этого года выглядит особенно зловеще.

Игра с огнем — всегда опасная игра. Безумна игра с огнем ракетно-ядерной войны. Атомные амбиции Тель-Авива могут превратить Ближний Восток в район гонки ядерных вооружений. Эта опасность отмечалась как реальная еще на XVIII съезде Компартии Израиля в декабре 1976 года. В апреле 1977 года Генеральный секретарь ЦК КПИ Меир Вильнер предостерег: «Превратить Ближний Восток в район ядерной гонки вооружений означало бы совершить тягчайшее преступление против дела мира».

Это предостережение звучит особенно актуально сейчас, когда правительство Рональда Рейгана с ковбойской непосредственностью оседлало джина милитаристской истерии.

В воспаленных мозгах террористического руководства Израиля явно планируется развязывание ядерной войны на Ближнем Востоке с перспективой втягивания в нее Соединенных Штатов и перерастанием локальной бойни в максимально широкий конфликт, выгодный прежде всего сионистскому руководству. «Когда течет кровь — текут и деньги!» — таково кредо фюреров «Всемирной сионистской организации», центр которой находится в Нью-Йорке. Деньги в сейфы ротшильдов, кунов, лебов, лименов, оппенгеймеров и прочих господ международного сионизма, которые держат в своих руках основные рычаги капиталистической экономики.

...Везде, где есть нефть, существует опасность пожара, взрыва. На Ближнем Востоке нефти больше, чем где бы то ни было в мире. Но с каждым днем здесь становится все больше и оружия, взрывчатки, бомб. Американского и израильского оружия, взрывчатки и атомных бомб. Ближний Восток по воле мирового империализма и международного сионизма стал самым взрывоопасным регионом нашей планеты. Эта опасность возрастает с каждым часом.

Ия МЕСХИ

ДОБРЫМ НЕ ПРИКИНЕШЬСЯ

Я была у нее дома поздно вечером, когда огромная трудовая Москва на всех мыслимых видах городского транспорта добирается наконец домой и, сделав самое необходимое, начинает бурно общаться друг с другом по телефону.

И у нее то и дело звонил телефон. Чай остывал в стакане. Надо было старенькую маму уложить спать, в который раз спрашивая, не хочет ли она еще чего. А мы все еще разговаривали. Клочковато, но на большее и рассчитывать было нечего.

Айна Григорьевна Амбрумова. В психиатрии это имя давно известно, и не только в отечественной. Доктор, профессор. Заведование клиникой Московского института психиатрии, консилиумы, экстраординарные случаи, куда ее приглашали. А случаи эти иногда даже самые крайние — самоубийства.

Может быть, кому-то кажется, что у нас нет самоубийств? Есть, к великому сожалению. Хотя для этого не существует никаких видимых оснований: нет безработицы, нет голода, от которого на глазах гибнут дети, нет унижений человека человеком — имущественных, расовых. Нет ничего такого, что делает жизнь действительно невыносимой. Этого не могут отрицать даже лютые враги нашего социального строя. Тогда почему же все-таки, преступая неписаные моральные нормы общества, отдельные лица доходят до такой ужасающей крайности?

Да потому, что самая социально благополучная жизнь не снимает вероятия микросоциальных конфликтов, конфликтов в так называемой личной жизни человека. Мы еще долго (почему долго? Всегда!) будем любить и ненавидеть, будем страдать от обид, переживать измены, ужасаться пустоте, которая возникает после смерти единственного дорогого существа... Мало ли что еще может принять в сознании человека такую острую форму, при которой он считает себя попавшим в жизненный тупик!

Работая с такими людьми, задумываясь над явлением, исследуя его, советуясь с самыми разными специалистами, Айна Григорьевна пришла к убеждению, что нельзя сидеть сложа руки и только констатировать факты. Надо действовать.

Прежде всего предстояло у многих своих коллег развеять представление о том, что самоубийство есть проявление исключительно психической патологии, психической болезни. Мол, здоровый, нормальный человек не может наложить на себя руки. А больными как занималась до сих пор психиатрия, так пусть и занимается в своих лечебных учреждениях. Очень логично выглядят эти рассуждения, не правда ли?

Но Айна Григорьевна, сама психиатр, не соглашалась с ними. Впрочем, к чему спорить, главное — факты. И в институте скорой помощи имени Склифосовского прямо в приемном покое днем и ночью стала дежурить группа, состоящая из психиатров, психологов, социологов, юристов. Задача — с предельной доскональностью уяснить, кто и почему совершает попытки лишить себя жизни. Больше года комплексных научных наблюдений. Вывод: подавляющее большинство из них — практически здоровые люди, пребывающие в состоянии сильного душевного кризиса, что иначе еще называется экстремальным состоянием.

Давайте же поглубже вникать в эти состояния человека, изучать их проявления, искать возможности воздействия на них с целью предупредить трагические развязки! Что для этого нужно? Теоретические исследования. Труды. Специальный отдел в институте. Создали отдел. Что еще?

В качестве эксперимента в Тимирязевском районе Москвы появился в 1975 году первый Кабинет социально-психологической помощи населению, «первая ласточка» теперь уже почти выстроенной практической службы. Сейчас такие кабинеты в шести районах столицы. Они и есть то, что ближе всего к людям, куда люди приходят со своими бедами. В кабинетах ведут прием врачи, психологи, юристы. Профессор Амбрумова, теперь признанный теоретик проблемы, а также «пробиватель» в инстанциях новых штатов, помещений и средств, находится где-то наверху пирамиды — Службы. Кабинеты расположились у основания.

Ну вот, например, один из них — во Фрунзенском районе, в доме, где разместилась поликлиника № 39. В одной комнате — врач-психотерапевт со своей помощницей — медсестрой, в другой — психолог. Иногда они сходятся и говорят с посетителем вместе. Кроме того, звонит телефон, звонят те, с кем уже завязаны отношения. Звонят и новички.

Я была здесь дважды и подолгу. Видела и тихо удрученных и бурно плачущих. Слез здесь предостаточно. Помните у Толстого: «каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Не собираюсь пересказывать истории. В них ничего нового, хотя в каждом случае они совершенно нестандартны. Главное же —

вместе с персоналом Кабинета хочется соблюсти полную анонимность. Ведь анонимность здесь — железное правило: не нужно предъявлять ни документов, ни справок, заполнять анкет. Следует только назвать свое имя для удобства общения.

Направляясь в Кабинет, я боялась встретить здесь вышколенных службистов с дежурными улыбками, кои должны выражать необъятную любовь к человеку. Улыбок не было. Деловитые, еще не утомленные жизнью симпатичные молодые женщины спокойно и корректно вникали в суть дел. Человек доверяет им свое сокровенное. Надо разобраться в самом человеке, в его состоянии, понять — болен он или просто измучен долгим нервным напряжением. Надо ухватить в ситуации важное звено. Как они это делают? Думаю, что с помощью знаний и опыта. Они же профессионалы, а не случайные попутчики в железнодорожном купе!

Кстати о купе. Вы не задавались вопросом, почему именно в дороге человеку, которого больше никогда не увидишь, рассказывается жизнь? Тем более, если буря в душе, если растерян, уязвлен. А что, если дадут тебе мудрый совет? Ведь бывает и так!

Но у человека, наверно, есть близкие, есть хорошие знакомые и друзья. Почему он не бежит к ним со своей тяжестью? Может быть, их нет под рукой именно в нужное время? Может быть, нельзя огорчать кого-то или известно, какую они сторону будут держать в конфликте? Конфликт-то как раз происходит в том маленьком кругу, где все всё друг о друге знают (или думают, что знают!). И тут хорошо бы найти как раз нейтральное лицо, так сказать, чужого-близкого человека; еще лучше, если он к тому же оснащен целым арсеналом средств помощи: нужными лечебными препаратами, возможностью консультаций, которые имеет Служба, правом обращения в самые различные организации вплоть до милиции. Он, этот чужой-близкий, для того и сидит в Кабинете и у него есть для вас столько времени, сколько необходимо. Не роскошь ли? Нет, он работает на вас!

Работа эта трудоемкая и не поддается учету. Помог человеку даже простым советом или основательно с ним потрудился — в результате: «Спасибо. Все в порядке». Это хорошо. Плохо, когда человек просто перестал ходить в Кабинет, канул, не понимая, что люди здесь тоже люди: ты на них свалил свои горести, и они теперь держат их в своей памяти под знаком вопроса.

Да, здесь есть большая, внимательная и вместительная память, есть журнал посещений и звонков, а у врача — журнал с лечебными назначениями. Иначе все смешается в голове. Бедная голова! Кажется, не может она больше воспринимать одну печальную историю за другой... Но ни доктор Марина Георгиевна Балашова, ни психолог Елена Поленова в конце рабочего дня не торопятся стремглав домой.

Конечно, для работы в таком кабинете необходим профессионализм. Теперь хочу прибавить: желание помочь человеку, вкус к этому делу, доброе сердце. Доброе сердце — категорически.

Предвижу ехидную реплику:

— А они обязаны иметь доброе сердце. За это им зарплата от государства...

Ну что тут скажешь? Ведь можно притворяться, что весь ты соткан из добра. Только притворство в таких делах всегда видно. Добрым не прикинешься...

Дом, в который мы зашли, Айна Григорьевна называет кризисным стационаром. Собственно, не дом он, а потесненный этаж большого больничного здания (представляете, каково было потеснить, когда всем хочется расшириться!). За стеклянной дверью, как бы осыпанной осенними листьями, водворился свой необычный мир. Стационар открыт в начале прошлого года.

В чем его необычность? Нет белых врачебных халатов и нет халатов больничных. Все в своих одеждах. Нет слова «больной», а есть обращение по имени-отчеству, взаимно. Палаты больше похожи на жилые комнаты — мебель, сервиз, ковры, словом, вся обстановка домашняя, уютная. Хочешь выйти в город—выходи, но возвращайся к сроку. И к тебе могут прийти. Все на доверии. Это твое временное пристанище, где тебя неназойливо подкармливают успокоительными средствами и тем временем пытаются уяснить и по возможности сгладить ситуацию, которая тебя выбила из колеи. Иногда это удается сделать недели за две, а бывает, проходит больше двух месяцев.

Вижу шагающую бодро по коридору молодую женщину в модных вельветовых брючках и гадаю: врач? Через некоторое время она садится рядом со мной на диван и говорит Айне Григорьевне:

— Мне так стыдно, Айна Григорьевна, перед вами! Я даю вам честное слово, поверьте — этого не повторится...

— Тебе стыдно, девочка, а мне страшно. Ну как я тебя отпущу?

Чудится мне, что есть уже решение отпустить человека с миром, но все же идет маленький спектакль-торг. «Брючки» уверяют, что мама уже напекла пирогов, звонила, ждет ее. Айна Григорьевна требует, чтобы наутро был ей звонок домой. «Брючки» легко вспархивают с дивана... А месяц тому назад это молодое создание еле вернули к жизни в «скорой». Вернули к жизни, но к возвращению домой еще не все было готово...

Разговариваю с двумя симпатичными молодыми людьми, назову их Наташей и Юрой. Когда-то каждый из них пришел сюда в состоянии тяжелой депрессии. Месяца два назад и ее и его выписали, они вышли отсюда и разошлись по своим домам. Но Кабинет стал в их жизни не только памятью о горьких днях... Бывает, созвонятся теперь и приходят сюда. Знакомых среди пациентов уже нет, все новые. Но что-то тянет Наташу и Юру к незажившей чужой беде, словно бы чувствуют они своим долгом подбодрить других добрым словом. Ребята даже ходили в гости домой к тем знакомым по стационару, которые тоже вышли уже отсюда, но у которых все-таки не совсем, не до конца все уладилось. Они узнают адреса и телефоны одиноких пожилых людей и разговаривают с ними: «Мы рядом!» Конечно, никто не просил, не обязывал Наташу с Юрой так поступать.

Наташа считает, что она не была такой до своей неприятности. («А ты, Юра? Ну что ты молчишь, как истукан?») А когда-то здесь, в стационаре, Наташа то и дело плакала и никого не хотела видеть. Как и большинство других. Что же ее так переродило? Все вместе: обстановка добра, ее врач психотерапевт Лидия Ивановна. И еще Майя Захаровна...

Наташа и Юра наперебой начинают рассказывать об игровых вечерах, которые проводила с ними Майя Захаровна. Теперь временно не проводит — потому что «брошена» на Телефон Доверия. «Вы понимаете,— объясняют они мне,— тут собираются люди очень неконтактные, каждый сам в себе, даже в глаза друг другу не смотрят. А Майя Захаровна из вечера в вечер занималась с ними со всеми таким образом, что каждого совершенно раскрутила, расковала все, что было зажато...»

Майя Захаровна Дукаревич, старший психолог Службы,— человек творческий и бесконечно преданный делу. Таким все равно, как они одеты, сколько часов работают, что у них на сегодня — обед из трех блюд или один чай с бубликами. У одних подобные люди вызывают чувство глубокого уважения («Я бы тоже хотел так, но не могу!»), других раздражают, потому что сами они живут по иным законам.

Майя Захаровна помогает в работе всем психологам Службы, а в стационаре по вечерам ведет с его обитателями долгие беседы и групповую психотерапию, или, как их здесь называют, ролевые игры. Содержание этих игр каждый раз придумывает сама. Для чего эти занятия? Чтобы снять чувство покинутости, невнимания, одиночества. Чтоб познакомить доверившихся только ей людей еще и друг с другом, подружить. Чтоб научить их отличать в обыденной жизни главное от второстепенного, тренировать мышление, волю, внимание, втягивать в придуманные конфликты и находить из них выход. Очень все это необходимо человеку для возвращения на круги своя!

Во время одной из наших бесед Майя Захаровна была спешно «брошена» на Телефон Доверия. Что же такое Телефон Доверия? Это третье, завершающее звено Службы. Это возможность мгновенного участия в вашем стрессовом состоянии, скорая душевная помощь. Для того, чтобы все это было, как говорится, на уровне, оборудуется помещение, выделяются специальные каналы связи, подбирается и готовится штат сотрудников. Подготовка еще не была завершена, когда в прессе по милости торопливых и невнимательных журналистов уже появилось сообщение о том, что такие телефоны действуют, даже номера поспешили обнародовать — два взятых наобум номера кабинетов социально-психологической помощи. Поправлять дело было уже поздно, посыпались звонки. Айна Григорьевна метала громы и молнии: «Так же можно оскандалить всю идею!» Старший психолог Майя Захаровна Дукаревич села у одного из телефонов: «Все равно надо помочь...»

И снова думаю: не стоит пересказывать того, что слышали возле этого телефона мои уши — в общем-то чужие уши. Сама Майя Захаровна говорит, что за месяц дежурств у ТД она по-строгому, по-настоящему отвела беду у четверых (один мужчина, три женщины). Пятый случай, как мне показалось, был в моем присутствии. Позвонила женщина, сказала, что у ее подруги плохое состояние духа, ничего не помогает, она боится за нее. Нельзя ли как-то поговорить с ней, не откладывая в долгий ящик, вот ее телефон...

Майя Захаровна набрала номер: «Здравствуйте. Это к вам вторгается Телефон Доверия. Простите, пожалуйста, как вас зовут?» И пошел разговор, нелегкий, длительный. Я выходила из комнаты, возвращалась, под конец слышу: «Значит, я вам эту книгу достану, непременно позвоните мне. Хорошо? Ну вот и прекрасно...»

У Майи Захаровны ровный медлительный голос и какое-то удивительное умение говорить просто, но не плоско, говорить много, но не говорить лишних слов. «С этим человеком у меня уже есть контакт»,— ответила она на мой молчаливый вопрос.

...Вот такая она, новая московская служба, официально называемая Всесоюзным научно-методическим центром по изучению и предупреждению экстремальных состояний. Конечно, у иных шутников и бездумных бодрячков она может вызвать желание порезвиться (бывают и хулиганские звонки). Но следует ли поднимать на смех то, что у молодых и старых, спокойных и истеричных, глупых и очень даже умных кончается порой совсем не смешно?

Век у нас нервный: НТР, перегрузки, сложности больших, растущих городов, сквозняки дуют с голубого экрана, из программы «Сегодня в мире»; где-то там стреляют, убивают, грозят бомбой. Мы хотим в своем доме мира, хотим тепла человеческого — может быть, большего, чем принято считать.

Вот он, человек, устроивший свою личную жизнь, свой мирок, который согревает его. Он привык к нему, адаптировался. И вдруг что-то резко меняется: кто-то умер, предал, бросил, обидел. Надо либо перетерпеть, либо найти какой-то иной выход.

Главное — найти выход! Миллионы людей находят, включают таящиеся в глубине волевые ресурсы, ищут варианты, сами перемалывают свою боль. А кто-то не может, кто-то дезадаптировался вконец, потерял точку опоры, может быть, к тому же запил (алкоголь сильно усугубляет кризис!) или довел себя длительным нервным напряжением до полного отключения от людей. Вот это очень опасно — полное отключение от людей...

Так я позволяю себе в весьма вольном стиле передать суть амбрумовской научной концепции, о которой узнаю от самого автора.

Может быть, вам покажется, читатель, что я слишком расхваливаю начинание, которое еще не окрепло. Но делу этому я искренне поклонилась. И думаю (на эту мысль меня навели Наташа с Юрой), что у Службы появится много добровольных помощников из тех, кто может и умеет оказывать человеку бескорыстную помощь, кому эта деятельность — хлеб насущный, а может, даже спасение от собственных невзгод...

СЛУЧАЙ С МАРЛОНОВЫМ

Сергей СОЛОДОВНИКОВ

Я помрежем не первый год работаю, но такого не припомню.

Начали снимать новую картину, «Витькины закаты». Про науку. Главный герой делает какое-то открытие, ему не верят, он настаивает, его не понимают, он доказывает, попутно любовь, ревность, ярость, ненависть, снова любовь — и так семь серий до «хэппи энда».

Нашли актера на главную: Марлонов. Молодой, умное лицо, честный, открытый взгляд (он из театрального, там этому хорошо учат).

Прошел пробы, утвердили, а он и говорит:

— Это моя первая большая роль, и я хотел бы в нее как следует вжиться.

Вживаться сейчас модно. К примеру, артисту нужно сыграть роль матерого рецидивиста. Его сажают куда следует, и через месяц из него такая правда жизни прет — хоть караул кричи.

С Марлоновым, конечно, проще было. Пристроил я его в одно НИИ такого же профиля, что и в фильме. На старшего научного.

— Давай,— говорю.— Съемки через два месяца, так что вживайся.

Проходит срок, съемки на носу, а от Марлонова ни слуху ни духу. Звоню домой — никто не подходит. Звоню в НИИ — «вышел», «обедает», «на собрании», «в райком поехал», «в библиотеке», и так всю неделю.

Делать нечего — нагрянул на работу. Сказали, только что вышел. Действительно: бумаги на столе, портфель на месте, пиджак на стуле. Ждали до вечера — не появился. Устроили засаду. На третий день взяли, пришелтаки. За премией.

Едем на студию, он и говорит:

— Нехорошо получилось. Я сегодня дежурить должен был.

— Где? — спрашиваю.

— По комнате. На звонки отвечать и пиджаки развесить. У каждого есть запасной пиджак. Если надо слинять — вешается на стул, чтобы начальство думало, что ты где-то здесь.

Приезжаем на студию, главный сразу за мегафон:

— Марлонов, в гримерную! Осветители! Начинаем работать!

А Марлонов спокойно ему и говорит:

— Погодите. Я так сразу не могу.

— Как это не можешь? — главный спрашивает.

— Очень просто,— отвечает.— Мне надо сначала подумать, обмозговать, в библиотеку съездить.

— В какую еще библиотеку?!

— В «историчку», например. Посмотреть литературу по теме... по роли.

Главный в крик:

— Сценарий — вот твоя литература!

А Марлонов ему:

— Сценарий ваш нежизненный. Я его читал.

Главный аж затрясся, потому как он соавтор этого сценария и подобное, видать, не впервые слышал.

— В чем же он нежизненный? — спрашивает, а сам зубами клацает.

— Да хотя бы в той сцене,— отвечает Марлонов,— когда я прихожу к директору со своим открытием. Вопервых, он меня так просто не примет. Чтобы к нему попасть, мне надо сперва установить контакт с его секретаршей.

— Какой контакт?! Да у нее от тебя во второй серии уже дети!

А Марлонов так же спокойно:

— Не в этом суть. Далее. Директор сразу же начинает возражать. Это неверно. После того, как я расскажу ему об открытии, и до того, как он мне ответит, должно пройти время. Скажем, месяц. Или два.

Тут главный сорвался:

— Ну вот что, милый друг, вы хоть и дебютант, но я из-за вашей прихоти сценарий в семнадцатый раз переписывать не буду.

Марлонов опять возражает:

— Это не прихоть, это жизнь.

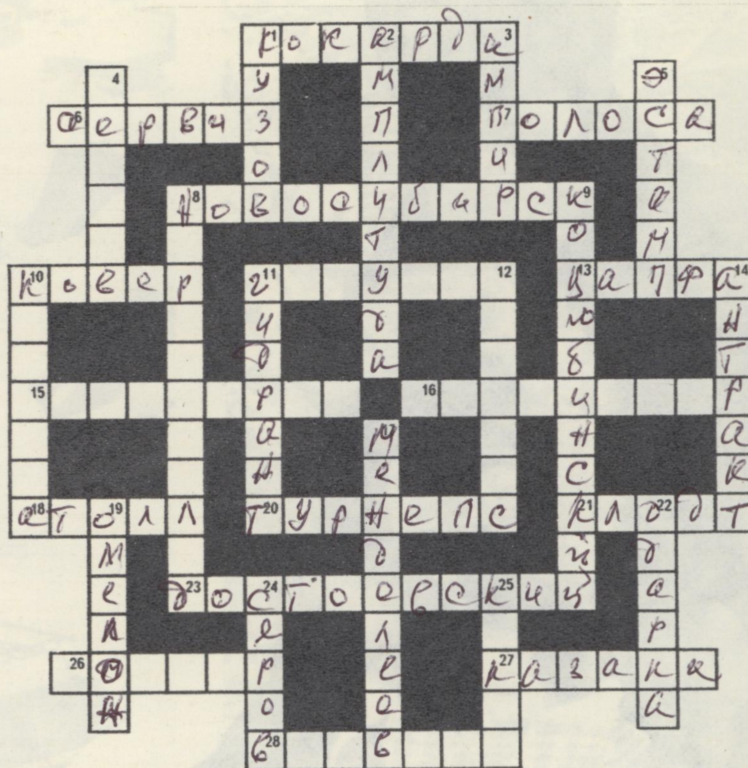
А главный ему вполне резонно:

— А мы здесь не жизнь снимаем, а кино. И вам за это деньги платят. И ко мне.

— По твоей милости,— говорит,— он в этот образ вжился, так что отправляй его куда хочешь, но чтобы через неделю он из него выжил. А пока будем снимать массовку...

В общем, пристроил я Марлонова в один диспансер. На полный курс: массаж, электросон, иглотерапия и т. п. Врачи говорят, есть надежда, что поправится. А я вот думаю: он в том НИИ только два месяца пробыл, а если б дольше?

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Значок на форменном головном уборе. 6. Набор столовой или чайной посуды. 7. Страница текста, набранного в типографии. 8. Областной центр в РСФСР. 10. Художественное текстильное изделие. 11. Болгарский народный смычковый инструмент. 13. Часть оси, вала, опирающаяся на подшипник. 15. Комедия Ж. Б. Мольера. 16. Прибор для измерения ускорения силы тяжести. 18. Кольцеобразный коралловый остров. 20. Кормовая репа. 21. Русский скульптор XIX века. 23. Великий русский писатель. 26. Химический элемент. 27. Повесть Л. Н. Толстого. 28. Опера П. И. Чайковского.

По вертикали: 1. Часть автомобиля. 2. Размах колебания маятника. 3. Стиль в архитектуре и декоративном искусстве. 4. Персонаж романа И. С. Тургенева «Рудин». 5. Станковая гравюра. 8. Шведский исследователь Арктики. 9. Украинский писатель, революционный демократ. 10. Центр провинции в Италии. 11. Пожарное стационарное устройство. 12. Звезда в созвездии Скорпиона. 14. Перерыв между отделениями концерта. 17. Ученый, открывший периодический закон химических элементов. 19. Приток Колымы. 22. Действующее лицо оперы С. С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». 24. Народный художник СССР. 25. Птица, обитающая в хвойных лесах.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали: 3. Куранты. 4. «Ямщик». 6. Мотив. 8. Сувенир. 9. Кашалот. 12. Рюмин. 14. Офорт. 17. Равель. 18. Анчоус. 19. Аллер. 20. Тропинин. 21. Гирлянда. 22. Диона. 23. Ангола. 25. Кунцит. 26. Декан. 28. Танго. 29. Кунашир. 30. Земфира. 31. Сайка. 33. Саржа. 35. Бобслей.

По вертикали: 1. Духи. 2. «Утро». 4. Январь. 5. Корин. 6. Мокко. 7. Валюта. 8. Североморск. 10. Турчанинова. 11. Картинг. 13. Имандра. 15. Фергана. 16. Сусанин. 24. Адонис. 25. Корица. 27. «Норма». 28. Тезис. 32. «Клоп». 34. Алей.

ЦИРК МОЖЕТ ВСЕ

Цирк может все.

Здесь могут танцевать в обнимку с медведем или львицей. Могут посреди манежа, на глазах у изумленной публики затолкать иллюзиониста в ящик, запереть амбарным замком, а иллюзионист вдруг в считанные мгновения появится где-то рядом со зрителями — спокойный и представительный, в хорошо отутюженном костюме... На высоте десятиэтажного дома могут ходить по проволоке с завязанными глазами, словно по асфальтированной дорожке...

Смогли в цирке и сказку сделать былью — заново прочесть знаменитую поэму, которая написана с лишком полтора века назад...

Вот об этом новом свершении цирка и хочется рассказать.

Еще до начала действия все взоры обращены на укрепленный над артистическим выходом киноэкран. На экране большое гусиное перо, какими люди писали в прошлом веке. И вдруг это перо оживает, бежит по белому полотну, рисует четкий профиль поэта. Перед нами — Пушкин...

Пушкинская поэма «Руслан и Людмила» стала основой яркого представления, которое идет в Московском цирке на Ленинских горах. На манеже — поэзия сказки и романтика большой любви. Смотрят эту сказку и взрослые и дети. И каждый понимает спектакль посвоему. Но относятся к нему, радуются ему, пожалуй, одинаково.

Оживает в полумраке Лукоморье. Эта загадочная страна населена лешими и русалками; под дубом ходит на цепи огромный кот... А потом — едва начался свадебный пир — исчезает неведомо куда облитая ярким светом прожекторов Людмила, надевшая волшебную шапку-невидимку... Жизнь сказки идет своим чередом: по-хозяйски располагается медведь в русской бане, размашисто нахлестывая себя веником; живые, огромные крокодилы, щелкая зубастой пастью, ползают по арене... И вот уже бьется на мечах Руслан с Рогдаем. Они воюют так, что искры летят от мечей!.. И никто из зрителей не знает, что Руслан утром на репетиции вывернул палец; держать меч ему сейчас и тяжело и больно. И меч вдруг падает на манеж, а внизу горячатся кони под лихими всадниками, летят секунды. Что же делать? Ведь по ходу спектакля во что бы то ни стало должен победить благородный витязь. И Руслан слышит шепот Рогдая: «Выхватывай меч у меня!» И вновь продолжается схватка. Сказочный сюжет развивается дальше, ничем будто и не нарушенный... А ведь это сама жизнь цирка. В щедро построенной программе спектакля занята огромная труппа, и у каждой — свой вклад в пушкинскую сказку, представшую так необычно. И так интересно.

Евг. ГОРТИНСКИЙ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Шофер Валерий Онощенко и бригада отделочниц Минзили Хамитовой трудятся на КАТЭКе.

(См. в номере материал «Как там, на КАТЭКе?».)

Фото Г. Розова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: «Эхо Азии» под руководством народного артиста Туркменской ССР Д. Ходжабаева. * Сцена обручения Руслана с Людмилой. * Танец со змеей в царстве Черномора. * Руслан — заслуженный артист РСФСР А. Бондарев. * Артист В. Кузьмин с дрессированным крокодилом. * Сцена Ратмира с Гориславой (артисты В. Калищук и Г. Калищук). * Танец с зеркалами в саду Черномора. (См. в номере материал «Цирк может все»).

Фото А. Награльяна

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

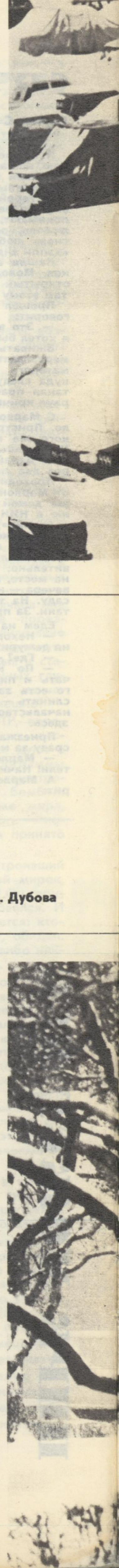
Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 18.12.81. Подписано к печати 5.01.82. А 00490. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 217. Заказ № 1688.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

ЗИМА

Фото И. ГАВРИЛОВА

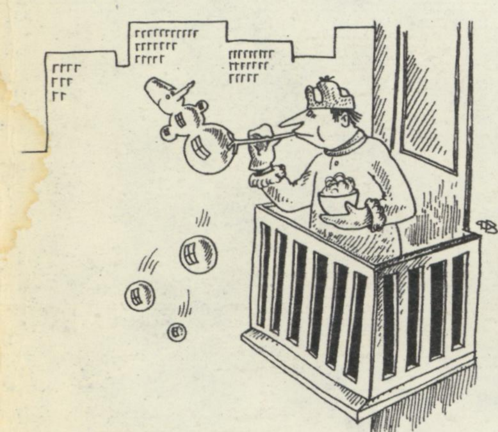

Рисунки В. Дубова

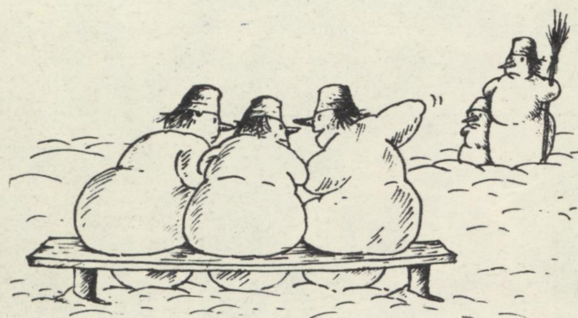

Рис. Ю. Кособукина (Киев)

— Ну, ребятки, поможем председателю соседнего колхоза.

Рис. А. Орехова

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

